Г.Л.РОЗАНОВ

СТАЛИН ГИТЛЕР

1939-1941

Г.Л.РОЗАНОВ

СТАЛИН ГИТЛЕР

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
1939 – 1941 гг.

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1991

ББК 63.3(0)62
Р64

Р $\frac{0503010000 - 046}{003(01) - 91}$ Без объявл.

ISBN 5-7133-0428-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сталин и Гитлер... История 30 – 40-х годов нашего века поставила рядом эти имена. Отсюда непреходящий интерес к их взаимоотношениям, а точнее, к отношениям государств – Советского Союза и Германии, которые они авторитарно возглавляли. Особое внимание, и это естественно, привлекает развитие советско-германских отношений в месяцы, предшествующие нападению фашистской Германии на Советский Союз. Более того, в истории современной дипломатии найдется не так уж много объектов, которые привлекали бы столь пристальное внимание мировой общественности. Этой теме посвящены и серьезные научные исследования[1], и бесчисленное множество публицистических работ, и заявления различных политических и общественных деятелей. Причем зачастую даются не только диаметрально противоположные, но и взаимно исключающие друг друга оценки тогдашних событий, действий исторических персонажей на дипломатической арене.

Развернувшийся в настоящее время в стране процесс перестройки в сфере общественного сознания находит свое выражение в расширении плюрализма мнений по самым острым вопросам нашего прошлого, в том числе, и это закономерно, по вопросам отношений СССР и гитлеровской Германии в роковые месяцы и недели кануна Великой Отечественной войны. При этом явно ощущается давление современных политических настроений. В пылу полемики не обходится и без крайностей. Одна из них сводится к догматическому следованию концепции, десятилетиями доминировавшей в официальной советской историографии[2]. Смысл ее в одобрении и оправдании внешнеполитических акций Сталина и его окружения в отношениях с Гитлером, ибо критический анализ

советской внешней политики якобы может нанести ущерб международному авторитету и престижу страны. Очевидны беспочвенность и бесплодность такой позиции, ее явный антиисторизм.

Другая крайность проявляется в попытках рассматривать предвоенный внешнеполитический курс страны исключительно и целиком в контексте сталинской деформации социализма, без анализа конкретного международно-политического развития тех лет. При этом действительный ход событий подменяется умозрительными схемами, оторванными от политических реалий того времени, недостаточно критически воспроизводятся известные тезисы антисоветской пропаганды вроде стереотипа (в связи с советско-германским договором от 23 августа 1939 г.) "о прямой ответственности" СССР за развязывание второй мировой войны. Это ведет к тому, что затушевывается решающая роль в подготовке и развязывании второй мировой войны наиболее агрессивных и реакционных империалистических группировок Германии, Италии и Японии и как бы отходят в тень те, кто им попустительствовал в странах Запада. В любом случае обращение к прошлому должно быть серьезным, компетентным, ответственным.

Не следует забывать, что история скульптурна. Плоскостное восприятие ее, так называемое фресковое видение прошлого, чревато серьезными ошибками. Исторические события необходимо брать во всей их многогранности, со всеми тенями и бликами света, позитивом и негативом. Это, несомненно, относится и к критической международной ситуации 1939 – 1941 гг. "Будем беспощадны, вынося приговор преступлениям, репрессиям, злоупотреблениям властью. Этому не может быть оправдания, – отмечалось на научно-практической конференции в МИД СССР. – Но были и решения, не связанные со злоупотреблениями. В этих случаях необходимо проявлять готовность понять мотивы, которыми руководствовались наши предшественники, принимая то или иное внешнеполитическое решение... Мы – не последнее поколение в истории. И нам следовало бы помнить: за нами придут другие и тоже будут судить о наших делах, об объективности наших оценок, о наших просчетах"[3].

Представляется, что при оценке внешнеполитических акций Советского Союза в канун Великой Отечественной войны необходимо постоянно учитывать некоторые исходные моменты. Принципиальная линия советской дипломатии в этот период в целом следовала генеральному направлению,

которое определялось прежде всего задачей обеспечения мира. В то же время именно сфера советской внешней политики и дипломатии долгие годы была одной из зон, закрытых для критики. Ныне положение меняется в корне. Перестройка советской внешней политики на основе нового политического мышления позволяет по-новому взглянуть и на многие страницы внешнеполитической истории нашей страны, в том числе и на те события накануне Великой Отечественной войны, которые затем самым негативным образом проявились на ее начальном этапе.

Трезво оценивая прошлое, необходимо признать, что командно-административные методы не обошли и внешнеполитическую область. Реальная диалектическая связь внешней и внутренней политики приводила к тому, что сталинские деформации социализма внутри страны приводили к деформациям в сфере дипломатии, отходу от ленинских принципов внешней политики. Так же как и в целом в истории нашего государства, замечательные свершения, достигнутые героическим трудом и борьбой народа, переплетаются с действиями, объективно противоречащими интересам советского народа, так и во внешней политике шаги, необходимые для создания внешних мирных условий жизни страны, соседствовали с догматизмом, заидеологизированностью. По мере утверждения в стране культа личности Сталина важнейшие внешнеполитические решения стали приниматься лично им и узким кругом лиц из его окружения (В. М. Молотовым, А. А. Ждановым, реже К. Е. Ворошиловым). От формирования внешней политики и определения содержания важнейших дипломатических акций были отстранены не только члены Верховного Совета СССР, правительства, Центрального Комитета партии, но и многие члены Политбюро*.

Материалы советских и зарубежных архивов свидетельствуют о том, что нацистские главари в целом ряде случаев небезуспешно использовали в своих интересах маниакальную подозрительность Сталина, раздутую им в стране кампа-

---

* В воспоминаниях Н. С. Хрущева, содержащих много надуманного, приводится факт, заслуживающий тем не менее внимания. Вернувшись с охоты вечером 24 августа 1939 г. (при тогдашней шестидневке это был выходной день), он, будучи членом Политбюро ЦК партии, тут лишь узнал, что в Москве побывал Риббентроп и что заключен советско-германский договор о ненападении. Что касается секретного протокола к нему, то Н. С. Хрущев до последних дней жизни имел самое смутное представление о его содержании.

нию против "врагов народа". Так, в 1937 г. они сфабриковали и подбросили в Москву фальшивку об установлении маршалом М. Н. Тухачевским тайных связей с военными кругами Германии в целях "военного переворота" в СССР. Учиненный после процесса над М. Н. Тухачевским погром командных кадров Красной Армии имел трагические последствия для вооруженных сил и всего народа страны в годы Великой Отечественной войны.

Произвол и репрессии 30-х годов подрывали доверие к советским инициативам на международной арене, тенью ложились на советскую внешнюю политику. "Размеры репрессий, которые могли также коснуться и невинных людей, – писал Джавахарлал Неру, – были признаком нездоровья и нанесли ущерб международным позициям Советского Союза"[4]. На Западе поднимался вопрос, являлся ли Советский Союз при сложившейся в нем к концу 30-х годов политической и военной обстановке "подходящим и надежным союзником"[5].

Нет сомнения, что действия Сталина и его окружения не раз играли на руку гитлеровцам, давали им материал для антисоветской пропаганды, наносили ущерб как внутренним, так и международным позициям Советского Союза, а по большому счету – делу мира и безопасности народов. В то же время необходимо иметь в виду, что если "враги народа" внутри страны были выдуманы, то прямая опасность фашистской агрессии становилась в конце 30-х годов суровой реальностью для Советского Союза. И это требовало от советской дипломатии немалых усилий для того, чтобы, с одной стороны, не дать втянуть себя в ситуацию, когда Советский Союз оказался бы в состоянии международной изоляции, а с другой – делать все практически возможное для предотвращения фашистской агрессии.

При оценке развития советско-германских отношений в 1939 – 1941 гг. необходимо иметь в виду ослаблеиие в результате сталинских репрессий и утвердившихся авторитарных методов управления роли Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) на формирование и практическое осуществление советской внешней политики. Репрессии, единичные в отношении дипломатических кадров в начале 30-х годов, к концу десятилетия приобрели массовый характер. К лету 1939 г. жертвами репрессий стали 5 заместителей наркома – Л. М. Карахан, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, Г. Я. Сокольников, Б. С. Стомоняков, 48 полпредов СССР, в том числе

С. С. Александровский, А. А. Бекзадян, М. А. Карский, К. А. Хакимов, К. К. Юренев, Я. П. Янсон и др., 30 заведующих отделами НКИД, 28 глав консульских представительств, 140 сотрудников НКИД, из них 113 руководящих работников[6]. Если учесть, что Советский Союз имел до войны дипломатические отношения лишь с 30 странами, а в составе НКИД насчитывалось менее 500 кадровых дипломатов, то можно с полным основанием сказать, что, по существу, ежовские и бериевские палачи выкосили цвет и гордость довоенной советской дипломатии. Работники советских посольств в некоторых странах (Китае, Монголии, Финляндии, Латвии, Литве, Польше, Чехословакии, Болгарии) были репрессированы почти поголовно. 3 мая 1939 г. был отстранен и оказался не у дел и М. М. Литвинов, в течение многих лет возглавлявший Народный комиссариат иностранных дел.

Пришедшие в НКИД из народного хозяйства новые кадры не имели опыта дипломатической работы, на приобретение которого требуются годы*. К тому же к лету 1939 г. у Сталина и его окружения в полной мере возобладал крайне субъективистский, командно-бюрократический подход к решению внешнеполитических проблем, были отброшены существовавшие в НКИД при Г. В. Чичерине и М. М. Литвинове практика рассмотрения альтернативных решений, плюрализм мнений, упор на подлинный профессионализм. Все это отрицательно сказывалось не только на методах советской дипломатии, но порой и на самой сути принимаемых решений.

Заметим, что ничего подобного не наблюдалось в дипломатическом ведомстве фашистской Германии. Конечно, с приходом нацистов к власти роль германского министерства иностранных дел изменилась**. Важнейшие военно-политические решения принимались лично Гитлером в тесном кругу партийного и военного руководства (Геринг, Гесс, Гиммлер, Риббентроп, Кейтель), но кадровый костяк профессиональных дипломатов – исполнителей гитлеровских замыслов на дипломатической арене по существу остался неизменным.

---

* Следует отметить, что многие из них – А. Е. Богомолов, А. А. Соболев, С. П. Козырев, В. А. Зорин и др. – стали впоследствии видными советскими дипломатами.

** Советское полпредство в Берлине в марте 1933 г. отмечало, что германский МИД "весьма вяло реагирует и едва ли играет роль в правительстве, которую должен был бы играть" (Документы внешней политики СССР. – Т. XVI. – М., 1970. – С. 179).

Заполнившие МИД отпрыски многочисленных обнищавших и потерявших свои владения немецких аристократических родов стали верой и правдой служить гитлеровскому режиму. Показательна в этом отношении судьба графа Фридриха фон Шуленбурга, который, находясь в штате МИД Германии с 1901 г., служил кайзеру и Веймарской республике, а с октября 1934 г. до дня нападения Германии на СССР бессменно занимал пост нацистского посла в Москве. Другой видный немецкий дипломат – Герберт фон Дирксен с приходом к власти нацистов сменил кресло посла в Москве на такое же в Лондоне.

До февраля 1938 г. во главе министерства иностранных дел Германии стоял Константин фон Нейрат, назначенный на этот пост еще в догитлеровские времена. При нацистах он стал генералом войск СС, президентом фашистского Тайного совета, а затем после захвата Чехословакии был назначен "протектором Богемии и Моравии". Мало что изменилось на Вильгельмштрассе, где размещалось министерство иностранных дел Германии, и при Риббентропе. Всей дипломатической "кухней" по-прежнему ведал статс-секретарь МИД Э. Вейцзекер. Немецкие дипломаты "голубой крови", хотя в душе и презирали нацистских выскочек вроде Риббентропа, весь свой немалый профессиональный опыт бросили на реализацию установки, которую им дал Гитлер: "Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и кодексе чести... В политике я не признаю никаких законов. Политика – это такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков... Умный посол, когда нужно, не остановится перед подлогом или шулерством".

Гитлеровцы не без успеха использовали международные связи старых профессиональных дипломатов, их громкие титулы, светский лоск, служебную выучку как для того, чтобы создать у определенных кругов на Западе впечатление, что с приходом фашистов к власти во внешней политике Германии существенных перемен не произошло, так и для маскировки своей подрывной и шпионской деятельности. "На самом деле, – отмечал в 1935 г. американский посол в Австрии Мессерсмит, – германские дипломаты являются лишь послушным орудием режима, и именно потому, что

внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать более эффективно".

Закономерно, что после крушения "третьего рейха" Риббентроп и Нейрат сели на скамью подсудимых на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками, а их подручные – дипломаты, занимавшие ключевые посты в фашистском МИД, – были вслед за своими шефами осуждены в том же Нюрнберге на специальном "Вильгельмштрассепроцессе" .

Вглядываясь с высоты сегодняшнего дня в события полувековой давности, мы не можем абстрагироваться от того, что они происходили в другой, значительно отличающейся от современной "системе координат".

Сегодня мы вправе использовать новую периодизацию всемирной истории человечества, разделяя ее на две главные эпохи: доядерную и ядерную. Люди ядерной эпохи, с ее крайним обострением глобальных проблем, не могут мыслить мерками доядерной эпохи – это обрекло бы человеческую цивилизацию на гибель. Вот почему они берут на вооружение новое политическое мышление. Концепция нового политического мышления, основанная на идеях целостного, взаимосвязанного, неделимого и ненасильственного мира, приоритета общечеловеческого над классовым, соответствует реалиям ядерного века. Но в то же время мы, современники ядерной эпохи, не вправе ожидать и требовать, чтобы наши предшественники думали и поступали в соответствии с принципами и нормами нового политического мышления .

"Тогда, – отмечалось на Съезде народных депутатов СССР, – страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс" .

Бессмысленны попытки выносить сегодня приговоры событиям тех далеких дней, а тем более объявлять их недействительными, пытаться угадать, как могли бы в те годы раз-

виваться события, ёсли бы... История не терпит сослагательного наклонения, ее не переделаешь. Но можно сделать другое — объективно, без предвзятостей воссоздать летопись тех времен, чтобы понять истоки событий, логику или нелогичность, правомерность или неправомерность принимаемых тогда решений, их неоднозначные последствия. Это и пытался сделать автор предлагаемой читателю книги.

За помощь при подготовке материалов книги автор благодарит Начальника историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР Ф. Н. Ковалева и сотрудников управления О. Ф. Сакуна и С. А. Горлова.

ДИПЛОМАТИЯ ГИТЛЕРА ПРОТИВ ДИПЛОМАТИИ СТАЛИНА

1933 год – год перелома в советско-германских отношениях. "Наши взаимоотношения с Германией за последний год стали, можно сказать, неузнаваемыми"[1], – с горечью констатировал нарком иностранных дел М. М. Литвинов, выступая 29 декабря 1933 г. на сессии ЦИК СССР. Весьма развитые между двумя странами связи – политические, военные, экономические (к 1932 г. Германия далеко обошла все другие страны Запада по объему торговли с СССР) – были свернуты в кратчайший срок*. Наметившиеся со времени заключения в 1922 г. в Рапалло советско-германского договора совпадение или близость позиций обеих стран по многим проблемам "послеверсальской" Европы уступили место стремительно растущей конфронтации. С 1933 г. Советский Союз и фашистская Германия занимали по существу противоположные позиции по всем международным вопросам, а по всему периметру советских границ – от Финляндии до Маньчжурии – германская дипломатия блокировалась с силами, враждебными СССР.

С осени 1936 г. на полях сражений в Испании фашистская Германия и Советский Союз фактически выступали как противники: если свыше 25 тыс. солдат и офицеров нацистского вермахта воевали на стороне франкистов, то около 3 тыс. советских добровольцев пришли на помощь Испанской рес-

* В частности, связи, осуществлявшиеся между руководством Красной Армии и рейхсвера Веймарской республики, были разорваны по инициативе советской стороны после прихода гитлеровцев к власти. Западногерманский исследователь Р. Мейер свидетельствует, что "уже летом 1933 г. русские сообщили, что все контакты по военной линии прекращаются. Тем самым было ликвидировано одно из важных направлений советско-германских отношений" (Meyer R. Gedanke über eine konstruktive deutsche Ostpolitik. – Frankfurt/M., 1986. – S. 93).

публике. Агрессия гитлеровцев против Чехословацкой республики в сентябре 1938 г. поставила Германию и Советский Союз, союзника Чехословакии, на грань большой войны.

Такой поворот в развитии советско-германских отношений не был обусловлен ни глубокими идеологическими разногласиями между Москвой и Берлином, которые, конечно, существовали, ни внутриполитическим развитием в самой Германии. Эти факторы имели место, например, и в отношениях Советского Союза с фашистской Италией, но это отнюдь не помешало заключению между ними 2 сентября 1933 г. договора о дружбе, ненападении и нейтралитете. Как отмечалось в Отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), "дело в изменении политики Германии"[2].

Действительно, в основе глубокого антагонизма между СССР и фашистской Германией на международной арене лежали агрессивные внешнеполитические установки гитлеровцев, их стремление путем истребительной войны, захвата чужих территорий, порабощения народов обеспечить германскому империализму мировое господство. "Нам нужны не провинции, а континенты, – объявил Гитлер, – не поражение, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не перемещение границ, а перетасовка всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор. Таковы должны быть цели великой войны". Этим агрессивным задачам и была подчинена нацистская дипломатия. Она базировалась на "трех китах": фашистской геополитике, национал-социализме и расовой теории.

Фашистская геополитика, гипертрофически преувеличивая значение географического фактора в развитии человеческого общества и отдельных государств, выдвинула тезис о недостатке у немецкого народа "жизненного пространства". "Мы – народ без пространства. Имеющаяся площадь слишком ограничена для 60 млн. населения", – провозгласил Гитлер. Он утверждал, что добыть "жизненное пространство" можно лишь путем войны, "никакая ловкость здесь не поможет, решение возможно только при помощи меча"[3]. Для оправдания захвата земель фашистские идеологи ссылались на целый ряд геополитических "законов": тяготение континентальных государств к морю, стремление к захвату противоположного берега и овладению морским бассейном, "прыжок" через океан и т. д. По мысли нацистских геополитиков, Берлин должен был в конце концов стать центром не только Евразии, но и "Еврафрики".

Теоретическим базисом агрессивной внешней политики фашистской Германии служила и гитлеровская концепция национал-социализма, в соответствии с которой установки и понятия классовой борьбы переносились на международную арену. Как утверждали идеологи национал-социализма, есть нации-богачи вроде СССР, Англии, Франции и есть нации-пролетарии, например Германия. Нельзя улучшить положение трудящихся немцев, не отобрав богатств у других. Но те добровольно их не отдадут. Поэтому единственный путь к этому – война, этой цели и надо подчинить всю жизнь страны. "Когда Урал с его безграничными природными богатствами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее безбрежными полями зерновых культур перейдут к Германии, – разжигал грабительские аппетиты Гитлер, – то каждому немцу хватит для жизни".

Умело сочетая милитаристскую пропаганду с клятвенными обещаниями уже в ближайшее время обеспечить всяческие блага каждому немцу, Гитлеру удалось привлечь на свою сторону широкие массы населения Германии и сделать их послушным орудием при осуществлении своих агрессивных замыслов.

Наконец, фашистская расовая теория, объявившая немцев и "немецко-родственные" народы высшей нордической расой, созидательницей всех материальных и духовных достижений человечества, являлась "правовой основой" массового уничтожения населения захваченных стран для создания "жизненного пространства" Германии.

С приходом Гитлера к власти 30 января 1933 г. подготовка к агрессивной войне была возведена в ранг государственной политики Германии. Более того, из заявлений Гитлера и других нацистских вожаков следовало, что магистральный путь к достижению своих захватнических целей они видят в ликвидации государственной независимости народов Советского Союза, их порабощении.

"Мы, национал-социалисты, – писал Гитлер в книге "Майн кампф", – сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего – к политике территориальных завоеваний.

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь"[4].

Уже 3 февраля 1933 г., на пятый день после прихода фашистов к власти, Гитлер собрал руководителей армии и флота и объявил им, что важнейшей задачей нацистского правительства является восстановление "политической мощи Германии". "Как будет использована политическая мощь, когда она будет налицо? Может быть, для завоевания новых экспортных возможностей, а возможно, что еще лучше, для завоевания нового жизненного пространства на Востоке и его безоговорочной германизации"[5].

5 мая 1933 г. в английской газете "Дейли телеграф" было опубликовано интервью, данное Гитлером ее берлинскому корреспонденту. Гитлер заверял Англию, что отныне Германия целиком будет занята поисками "жизненного пространства" на востоке Европы. "Судьба Германии, – говорил Гитлер, – зависит не от берегов и доминионов, а от германской границы на Востоке" .

И в дальнейшем почти все выступления нацистского фюрера сопровождались антисоветскими выпадами*. Не отставали от него и другие фашистские вожаки. 13 февраля 1933 г. Геринг, второе после Гитлера лицо в нацистской иерархии, посетил французского посла в Берлине Франсуа-Понсе и предложил ему помощь с целью оторвать Украину от СССР, если Франция, со своей стороны, окажет Германии поддержку в вопросе "польского коридора".

На международной экономической конференции, проходившей летом 1933 г. в Лондоне, глава германской делегации министр экономики А. Гугенберг выступил с открытым призывом к войне против СССР: "Необходимо предоставить в распоряжение народа без пространства новые территории, где эта энергичная раса могла бы учреждать колонии... Война, революция и внутренняя разруха нашли исходную точку в России, в необъятных областях Востока. Этот разрушительный процесс все еще продолжается. Теперь настал момент его остановить".

Побывавший в мае 1933 г. в Англии Альфред Розенберг,

---

* Такие выпады отсутствовали в выступлении Гитлера 23 марта 1933 г., и это было отмечено всеми политическими наблюдателями.

в то время глава внешнеполитического отдела нацистской партии, изложил министру иностранных дел Дж. Саймону и военному министру М. Хэлшему план "избавления Европы от большевистского призрака". Он предусматривал, в частности, присоединение в той или иной форме к Германии Австрии, Чехословакии, значительной части Польши, включая "польский коридор", Познань и Западную Украину, а также Литву, Латвию и Эстонию как плацдарм для дальнейшей экспансии Германии на Восток.

А вот как представлял себе "великий германский рейх" другой видный деятель из гитлеровского окружения – руководитель имперского ведомства аграрной политики Вальтер Дарре: "В центре арийского гнезда – большое центральное государство. Богемия, Моравия, Австрия должны составлять его неотъемлемую часть. Вокруг него – система малых и средних вассальных государств. Балтийские государства, Польша, превращенная в чисто географическое понятие и отделенная от моря, целый ряд южнорусских и кавказских областей и государств – такова будущая Германская империя, откуда Германия будет черпать свое могущество. Союз второстепенных народов, не имеющих ни армии, ни собственной политики, ни собственной экономики, – вот что будет представлять собой это объединение"[7].

Гитлеровцы всемерно нагнетали в стране обстановку антисоветской истерии. Книжный рынок фашистской Германии наводнили антисоветские пасквили. Для их выпуска в 1934 г. было создано специальное издательство "Нибелунгенферлаг". Распространялась клевета о "коллективизации" в Советском Союзе женщин, деградации культуры и т. д. Так, в одном из бюллетеней нацистской партии говорилось: "Советы считают буржуазным исполнение в России музыки Вагнера и Бетховена, Моцарта и Баха. Дирижирование отвергается как проявление индивидуализма"[8].

Фашистские власти объявили недействительным советско-германское торговое соглашение от 2 мая 1932 г. В результате лишь за первую половину 1933 г. советский экспорт в Германию сократился на 44%. За 1933 г. советское полпредство в Берлине направило в МИД Германии 217 нот, протестуя против антисоветских акций фашистских властей (незаконных арестов советских граждан в Германии, обысков на их квартирах и т. д.)[9].

Советское правительство официально поставило перед Гитлером вопрос, остается ли в силе его заявление об экспансии на Восток, сделанное им в "Майн кампф". Ответа не последовало, и Советское правительство было вынуждено констатировать: "По-видимому, это заявление остается в силе,

ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях Германского правительства с Советским Союзом".

Конечно, гитлеровские планы агрессии не ограничивались Советским Союзом и Восточной Европой. Достаточно напомнить выступление рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера вскоре после прихода нацистов к власти: "На первом этапе должны быть присоединены к Германскому государству те народы, которые когда-то входили в состав Германской империи до 1806 г. или даже до 1648 г., а именно Фландрия, Нидерланды, Валлония. На втором этапе у нас должно быть столько сил, чтобы включить в наше германское сообщество те народы и государства, которые никогда не были членами Германской империи, в том числе Данию и Норвегию". Имелись у гитлеровцев и далеко идущие агрессивные "наметки" в отношении других западных стран, которые затем вылились в конкретные военно-стратегические планы: "Гельб" – против Франции, "Морской лев" – против Англии, "Маневры на Везере" – против Дании и Норвегии.

В то же время, учитывая антисоветские настроения в правящих кругах западных стран, гитлеровцы постоянно подчеркивали, что если у них и имеются планы экспансии, то они относятся исключительно к Советскому Союзу, что Европе угрожает "большевистская опасность", щитом против которой может быть лишь сильная фашистская Германия*. Нацистская пропаганда уверяла, что в интересах самих западных держав покончить с версальской системой и позволить Германии вооружиться до зубов. "Мне придется играть в мяч с западными державами и сдерживать их при помощи призрака большевизма, – разъяснял Гитлер свою тактику в тесном кругу нацистского руководства. – Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться"[10].

Конечно, гитлеровцы были антикоммунистами до мозга костей, но нарочито афишируемый антисоветизм, на службу которому была поставлена внешнеполитическая пропаганда рейха, еще более обострял и без того напряженные отношения между Германией и Советским Союзом.

* Примером может служить выступление Гитлера 4 февраля 1933 г. на приеме для английских и американских журналистов. "Между коммунизмом и Германией, – сказал он, – не может быть компромисса" (См. Völkischer Beobachter. – 1938. – 5/6. Febr.).

Гитлер был автором и другого тактического приема нацистской дипломатии – заверения, что Германия желает лишь равноправия с другими странами. На деле требование равноправия преследовало вполне определенную цель: отбросить прочь "стеснительные" статьи Версальского договора и легализовать создание в Германии крупных вооруженных сил, необходимых для развязывания войны. В то же время гитлеровский лозунг равноправия был призван дезориентировать общественное мнение в странах Запада относительно угрозы новой войны, исходившей от фашистской Германии.

Гитлер разработал и ввел в практику нацистской дипломатии прием, известный как "стадийность" агрессий. Подготавливая агрессивный акт, Гитлер клятвенно заверял, что если Германии будет позволено его совершить, то она якобы станет самым миролюбивым государством на Земле, у нее не будет никаких претензий к соседям и т. п. Совершив акт агрессии и наметив очередную жертву, Гитлер продолжал вести свою игру дальше. Первоначально он заявлял, что предметом его мечтаний является лишь восстановление справедливости и равноправия в вооружениях, ремилитаризация Рейнской области, затем – аншлюс Австрии, захват Судетской области, а потом и всей Чехословакии. На деле Гитлеровская тактика "стадийности" была дипломатическим инструментом осуществления фашистской Германией планов установления мирового господства.

Гитлер не только формулировал стратегию и тактику нацистской дипломатии, но и конкретно руководил ее крупными акциями.

Уже официальное положение Гитлера открывало перед ним практически неограниченные возможности вмешательства в решение вопросов внешней политики рейха. Став 30 января 1933 г. рейхсканцлером, он постепенно сосредоточил в своих руках все рычаги политического и военного управления. В августе 1934 г., после смерти престарелого Гинденбурга, Гитлер присваивает себе полномочия президента, а в феврале 1938 г. объявляет себя главнокомандующим вооруженными силами. Конечно, само выдвижение на политическую авансцену Германии нацистской партии и Гитлера не было исторической случайностью, оно определялось общим поворотом руководящих промышленных и финансовых кругов Германии к агрессивной внешней политике и террористическим методам осуществления своего господства внутри страны. Длительная и всесторонняя поддержка этими кру-

гами нацистской партии и ее фюрера объяснялась тем, что программа и деятельность возглавляемой Гитлером национал-социалистской партии в конкретной исторической обстановке в наибольшей степени отвечали их интересам.

Но были у Гитлера и личные качества, которые помогли ему оттеснить других жаждущих власти фашистских бонз, вроде Г. Штрейхера и Э. Рема, и занять руководящее положение сначала в нацистской партии, а затем и в "третьем рейхе". Последовательность и решительность в достижении поставленной цели, недюжинные ораторские способности, феноменальная память сочетались в нем с манией величия и безудержной, граничащей с фанатизмом самоуверенностью, крайней агрессивностью. Вилли Брандт называл Гитлера "дьяволом в образе человека".

Исследуя "феномен Гитлера", издатель западногерманского еженедельника "Шпигель" Рудольф Аугштейн писал, что Гитлер находился за гранью, где человек превращается в агрессивного тигра, дикого волка[11]. Члены фашистской камарильи так и называли его между собой – "волком". Гитлер и сам любил сравнивать себя с этим хищником. Видимо, не случайно своим ставкам он дал наименования "Волчье логово" и "Дикий волк".

Близкой к реальности представляется оценка Гитлера, данная одним из высших офицеров вермахта, имевшим возможность вблизи наблюдать фюрера: "Резкой противоположностью его способности быстро оценивать положение и выделять в тактических вопросах самое существенное из множества представлявшихся ему докладов и донесений, которые зачастую противоречили друг другу из-за различия источников, чутьем определять едва еще наметившуюся опасность и реагировать на нее были отсутствие гибкости мышления и упорство, с которым он придерживался однажды поставленной политической и стратегической цели. Он ни на шаг не отклонялся от пути, который себе наметил, даже тогда, когда уже все предпосылки к достижению цели переставали существовать. Он шел по этому пути, как будто бы на глаза его были надеты шоры, не оглядываясь ни налево, ни направо. Гитлер казался мне тем "Гансом-невидящим", известным нам по детским иллюстрированным книжкам, который шагает вперед, устремив свой взор в какой-то витающий в облаках призрак и не ведая, что он идет к глубокой пропасти"[12].

"Мировую историю, – заявил как-то Гитлер своим приближенным, – можно делать только в том случае, если на

деле станешь по ту сторону трезвого рассудка, сознания и вечной осторожности, заменив все это фанатичным упорством". Нормы нравственности, общечеловеческой морали были чужды нацистскому фюреру и в расчет им не принимались. "Интересы государства выше договоров... – объявил он своему окружению. – Вечно действует лишь успех, сила"[13].

Для Гитлера было характерно глубокое презрение к демократии, к народным массам. Как-то он изрек: "Чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю собак". Гитлеру принадлежат и другие высказывания в том же духе: "Народ – раб, лишь немногие призваны быть господами"; "Восприимчивость его (народа. – *Г. Р.*) очень ограниченна, а круг его понимания очень узок".

Биографы Гитлера, а им несть числа, зачастую задаются вопросом, каким образом его жизненный путь отразился на восприятии внешнего мира и внешнеполитических взглядах. Представляется, что два момента сыграли здесь определенную роль и заслуживают внимания.

Во-первых, неосуществленным оказалось желание Гитлера в годы, предшествовавшие первой мировой войне, покорить мир в качестве художника. Сохранились картины Гитлера того времени. Они со всей очевидностью свидетельствуют о том, что более чем ординарного, посредственного художника из него бы и не вышло. Именно по этой причине Гитлеру дважды было отказано в приеме в Венскую художественную академию[14]. Казалось бы, все ясно: выбирай профессию по способностям. Но безмерно честолюбивый Гитлер объяснил все иначе: это происки профессоров-евреев, которых в Венской академии было немало. Таким образом, было положено начало антисемитизму Гитлера, который достиг затем маниакальных размеров и стоил человечеству миллионы жизней. Необходимость борьбы с "мировым еврейством" оставалась идеей-фикс Гитлера до последних дней его жизни.

Далее. Пангерманистски настроенный Гитлер с началом первой мировой войны добровольцем вступил в армию кайзера. Но надежды не оправдались. Германия потерпела поражение, ей был продиктован Версальский договор. Демобилизованный Гитлер оказался без работы, без профессии. В веймарской Германии места ему не было. И все недовольство Гитлера сконцентрировалось в одной точке: Версальский договор – вот причина всех бед. Германия потерпела поражение не на поле боя, ей нанесла удар в спину Ноябрьская

революция. И, придя к власти, Гитлер с присущим ему фанатизмом развернул борьбу против Версаля. "Версальский синдром" преследовал Гитлера всю жизнь.

Необходимо отметить, что Гитлер в совершенстве владел ядовитым оружием демагогии. Выступая перед широкой аудиторией, он всегда стремился разбудить в слушателях низменные чувства – ненависть, презрение, жажду мести и т. д., а затем играть на них. Чтобы обеспечить своим выступлениям успех, он брал уроки мимики, гипноза, жестикуляции.

Гитлер – крайний авантюрист и шовинист, поборник неограниченного культа силы, демагог и человеконенавистник, явно переоценивавший свои возможности, – являлся живым воплощением агрессивного германского империализма. Неудивительно, что силы немецкой реакции, способствуя сосредоточению в руках Гитлера и нацистской партии всей полноты политической власти в стране, настойчиво трудились над созданием культа Гитлера.

Не раз выступали с публичными заявлениями, прославляя фюрера, Крупп, Флик, Тиссен, Шредер и другие представители немецкой финансовой олигархии. "О гигантских успехах может написать на своих знаменах молодая германская армия, руководимая гениальным Адольфом Гитлером... – вещал, например, в 1940 г. Вильгельм Цанген, генеральный директор концерна Маннесмана, руководитель имперской группы промышленности. – С верой в фюрера великогерманской империи мы с радостной уверенностью переходим к выполнению великих задач будущего"[15].

Еще в мае 1933 г. по инициативе Густава Круппа промышленниками создается "Фонд немецкой индустрии для Гитлера".

Массовыми тиражами распространялась среди немецкого населения книга Гитлера "Майн кампф". Ее, в частности, вручали новобрачным в качестве свадебного подарка от фашистских властей и новобранцам при призыве в вермахт.

В деле возвеличивания нацистского фюрера не отставали от немецких монополистов и определенные круги других западных стран. Известны панегирики Гитлеру английского короля Эдуарда VIII, бывшего премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. У. Черчилль заявил однажды, что Англия нуждается в деятеле такой "силы воли и духа", как Гитлер[16]. Американский журнал "Тайм" 2 января 1939 г. объявил Гитлера "человеком года". До этого такой чести

удостаивались лишь Франклин Рузвельт и Махатма Ганди. Более того, журнал выразил уверенность, что «"человек 1938 года" сделает и 1939 год таким, о котором мы еще долго будем вспоминать»[17]. И зловещее пророчество сбылось. Возглавляемая Гитлером фашистская Германия в 1939 г. ввергла человечество в пучину второй мировой войны.

Таким образом, и объективная ситуация, и личные качества Гитлера способствовали тому, что фашистская Германия с 1933 г. выступала на международной арене в образе "дипломатии Гитлера".

А как обстояло дело на другой стороне?

Что касается субъективного фактора, то он в последние годы исследован до мельчайших деталей (правда, не столько учеными, сколько публицистами). И хотя налицо определенные расхождения в хронологии (некоторые ведут отсчет с 1929 или даже с 1927 г.), – но со всей определенностью подтверждается, что к моменту прихода Гитлера к власти в Германии, то есть к 1933 г., создание в СССР тоталитарной командно-административной системы, во главе которой стоял Сталин, уже было свершившимся фактом. И на протяжении всего исследуемого периода его воздействие не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Советского государства было решающим.

Конечно, определенную роль в многолетнем удержании в своих руках нитей политического руководства страной сыграли личные качества Сталина: хитрость и коварство, жестокость и мстительность по отношению к действительным и мнимым противникам, безграничные честолюбие и властолюбие, умение разбираться в окружающих и использовать их в своих интересах, маниакальная недоверчивость и подозрительность, недюжинные организаторские способности, природный ум и колоссальная работоспособность, умение четко формулировать тактические и стратегические цели политики, доводить принятое решение до конца*. "Для него политика, – пишет Д. Волкогонов, – всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. Он презирал жалость, сострада-

---

* Представляют определенный интерес для размышлений некоторые оценки личности Сталина, отражающие накал современной борьбы с тяжелым наследием созданной им административно-бюрократической системы. Так, например, Е. Амбарцумов пишет о лени и необразованности Сталина (см. **Московские новости**. – 1989. – № 52), а Л. Баткин констатирует, что "в Сталине личная незначительность была взвихрена историей" (Цит. по **Осмыслить культ Сталина**. – М., 1989. – С. 51).

ние, милосердие... В политике Сталин не находил места для моральных ценностей"[18].

Но главное, когда мы говорим о "дипломатии Сталина", заключалось не в его личных качествах. Сталин стал олицетворением и неразрывной частью, точнее, вершиной пирамиды созданной в стране командно-административной системы. Его сила была в поддержке не только бюрократических звеньев этой системы, но и многомиллионных масс рожденного в первых пятилетках рабочего класса, новой технической и творческой интеллигенции, молодежи, для которых Сталин и возглавляемая им система стали воплощением надежд на лучшую жизнь, причем в самом недалеком будущем. Это и позволило Сталину сосредоточить в своих руках столь огромную власть и практически беспрепятственно ею пользоваться после того, как всякая оппозиция была подавлена и разгромлена. Сталин мог с намного большим основанием, чем Людовик XIV, сказать: "Государство – это я".

Этот решающий момент (отношения Сталин – государство) отмечают и многие западные исследователи, в целом относящиеся отрицательно и к Сталину, и к социалистической идее. Так, известный американский политолог З. Бжезинский в своем исследовании развития советского общества пишет: "При Сталине возвышение роли государства и использование государственного насилия как орудия реконструкции общества достигли своего апогея. Все было подчинено личности диктатора и государству, которое он возглавлял. Превозносимый поэтами, воспетый композиторами, обожествленный посредством тысяч монументов Сталин был единовластным хозяином страны. Тиран, равных которому было немного в истории человечества, он, однако, свое правление осуществлял посредством сложной структуры государственной власти, чрезвычайно бюрократизированной и институционализированной. Пока во имя сталинской цели построения социализма в одной стране общество перепахивали сверху донизу, укреплялся статус государственного аппарата, росли его мощь и привилегии"[19]. Добавим к этому, что одновременно росло и неограниченное влияние Сталина не только на определение внешнеполитических целей Советского Союза, но и на проведение конкретных акций советской внешней политики.

Итак, дипломатия Сталина была реальной действительностью международной жизни 30-х годов. Какие же принципиальные основы определяли ее деятельность?

Если на Западе принято сравнивать СССР с огромным мед-

ведем, то надо признать, что этот медведь весьма терпеливо сносил причиняемые ему неприятности, ограничиваясь в основном угрожающим рычанием. Сталин считал, что необходимо по крайней мере несколько пятилеток для того, чтобы превратить Советскую страну в высокоиндустриальную державу мирового класса, равную по своей силе и политическому влиянию США и Западной Европе. Помешать этому извне могла лишь новая интервенция империалистических стран. Если в 20-е годы ее организаторами могли практически стать лишь Англия и Франция, то после оккупации в 1931 г. Японией Маньчжурии реальная угроза агрессии нависла над СССР на Дальнем Востоке, а после прихода Гитлера к власти, стремительного роста германской военной машины и появления нацистских планов экспансии на Восток – и со стороны фашистской Германии. В этих условиях основная задача советской внешней политики, как считал Сталин, состояла в том, чтобы никоим образом не допустить создания единой антисоветской коалиции империалистических держав, в частности возникновения для Советского Союза двух фронтов – одного на Дальнем Востоке, другого в Европе, и, если потребуется, пойти для этого на определенные политические и идеологические уступки*.

Решению этой стратегической задачи могло способствовать наличие глубоких объективных противоречий, заложенных версальско-вашингтонской системой, между США, Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Японией – с другой. О том, какой линии намеревался придерживаться Сталин в случае, если эти противоречия переросли бы в военную межимпериалистическую схватку, дает представление его выступление на Пленуме ЦК РКП(б) 19 января 1925 г., в котором он, в частности, сказал: "Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, – нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить"[20].

Второй тезис, лежавший в основе не только дипломатии Сталина, но и всего его политического курса, вытекал из

* Симптоматичным в этом плане было все более очевидное отмежевание внешней политики СССР от деятельности Коминтерна, что нашло, в частности, официальное подтверждение в ноябре 1933 г. при установлении дипломатических отношений с США.

заметного спада в развитии международного революционного движения, его выявившейся со всей очевидностью неспособности на решительные действия при существовавшем соотношении классовых и политических сил на мировой арене. Исходя из этого, Сталин все более утверждался в мысли, что расширение сферы социализма произойдет не в результате внутренних процессов в капиталистических странах, а в результате усиления мощи и политического влияния Советского Союза, боеспособности его вооруженных сил. Поражение рабочего и демократического движения и установление гитлеровского господства в Германии, неудачи народного фронта во Франции и удушение республиканских сил в Испании – все это еще больше убеждало Сталина в слабости революционных и демократических движений на Западе, их неспособности остановить наступление реакции, еще больше укрепляло великодержавие в мышлении Сталина, его представление об уготованной самой историей мессианской роли Советского Союза в тогдашнем мире. Не следует забывать, что перед лицом растущей фашистской угрозы эта точка зрения Сталина разделялась не только советским народом, но и широкими слоями общественности на Западе, включая таких выдающихся ее представителей, как Анри Барбюс, Бернард Шоу, Ромен Роллан, Томас Манн, Эрнест Хемингуэй и др.

Таким образом, курс Гитлера на подготовку и развязывание агрессивной войны, грандиозный "анти-Версаль", с одной стороны, и стратегическая установка Сталина на всемерное оттягивание военного столкновения – с другой, определяли сложный, противоречивый характер развития советско-германских отношений в 1933 – 1938 гг. Если проанализировать содержание бесед М. М. Литвинова с министром иностранных дел Германии К. Нейратом и немецкими послами в Москве Г. Дирксеном, а затем Р. Надольным и Ф. Шуленбургом, а также бесед в германском МИД советских полпредов (Л. М. Хинчука, Я. З. Сурица, К. К. Юренева), то в советской позиции четко просматривается готовность поддерживать нормальные отношения с Германией, независимо от перемен во внутриполитической жизни этой страны. Уже 27 февраля 1933 г. заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский заявил Г. Дирксену, что "мы не хотим проводить и не проводим никакого изменения нашей политики по отношению к Германии"[21]. В марте 1933 г. М. М. Литвинов в беседе с К. Нейратом подтвердил: "Мы, конечно, не намерены

менять наших отношений с Германией"[22]. 4 августа 1933 г. Г. Дирксен был принят Председателем Совнаркома СССР. "Что касается взаимоотношений между СССР и Германией, – заявил ему В. М. Молотов, – то Советское правительство руководствуется основным принципом – сохранения и укрепления дружественных отношений со всеми странами. Этот принцип применялся Советским правительством в отношении Германии прежде, он и теперь остается в силе"[23].

Стремление Советского Союза к сохранению нормальных отношений с Германией было подтверждено М. М. Литвиновым и В. М. Молотовым на сессии ЦИК СССР (декабрь 1933 г.) и И. В. Сталиным на XVII съезде ВКП(б) (январь 1934 г.).

Как же реагировала на эти заявления германская сторона? На словах – позитивно. В упомянутой беседе с Н. Н. Крестинским Г. Дирксен призывал Советское правительство понять, что "борьба Германского правительства с коммунизмом внутри Германии вполне может идти рука об руку с сохранением хороших внешнеполитических отношений с СССР"[24]. В беседе с М. М. Литвиновым К. Нейрат утверждал, что Гитлер якобы "видит различие между коммунизмом и вашим государством"[25]. 28 апреля 1933 г., принимая в рейхсканцелярии советского полпреда Л. М. Хинчука, Гитлер разглагольствовал о том, что "оба наши государства должны как бы признать непоколебимость факта взаимного существования на долгое время и исходить из этого в своих действиях", что "независимо от разности миросозерцания обеих стран их связывают взаимные интересы и эти связи носят длительный характер"[26].

Эти и многие подобные заявления германского руководства, которые делались келейно и не становились достоянием общественности, носили по существу демагогический характер и находились в глубоком противоречии с практическими делами фашистского правительства: безудержной антисоветской кампанией в стране, явно нацеленной на подготовку немецкого населения к агрессивной войне на Востоке, созданием всевозможных помех для деятельности советских внешнеторговых организаций в Германии ("Дерутра", "Дерунафт" и др.), что привело к свертыванию советско-германских экономических связей, поощрением деятельности различных белогвардейских и украинских националистических организаций и открытыми призывами к расчленению СССР, дискриминационными мерами в отношении советских должностных лиц (корреспондентов, работников торгпредства и т. д.).

Серьезную озабоченность вызывало у советской стороны и быстро прогрессирующее сближение фашистской Германии с Японией*. В заявлении, представленном Гитлеру советским полпредом от имени Правительства СССР 28 апреля 1933 г., отмечалось: "Все это находится в противоречии с заявлениями Германского правительства о его намерениях неизменно сохранять дружественные отношения с Союзом Советских Социалистических Республик и подрывает возможность принимать в расчет эти заявления в качестве основы германской политики в отношении СССР и на них полагаться"[27].

Исходя из того, что словесных деклараций о желании поддерживать хорошие отношения недостаточно, Советский Союз 28 марта 1934 г. предложил Германии подписать совместный протокол, где говорилось, что правительства СССР и Германии, движимые стремлением к улучшению отношений друг с другом и укреплению международного мира вообще и в Восточной Европе в частности, "обязуются неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности Прибалтийских стран и воздерживаться от каких бы то ни было действий, которые могли бы прямо или косвенно нанести ущерб этой независимости"[28]. В тот же день Р. Надольному, встретившемуся с наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошиловым, было разъяснено, что "отрицательный ответ на наше предложение будет понят общественным мнением всего мира как доказательство того, что у Германского правительства имеются агрессивные намерения против Прибалтийских государств"[29]. "Нарушение мира в этой части Европы может оказаться, и, по всей вероятности, окажется, прелюдией к возникновению новой войны"[30], – подчеркивал М. М. Литвинов значение укрепления мира в Прибалтике. Советская сторона особо подчеркивала значение подписания протокола и в более широком плане – для восстановления отношений доверия между СССР и Германией.

Однако 14 апреля 1934 г. правительство фашистской Германии под рядом надуманных предлогов (будто бы протокол может быть направлен против третьих стран, что он устанав-

* "В момент напряженности наших отношений с Японией, – с сарказмом заметил глава Советского правительства Р. Надольному, – Германия вдруг почувствовала большую любовь к этой стране и общность интересов с ней" (ДВП СССР. – Т. XVI. – М., 1970. – С. 741).

ливает протекторат СССР и Германии над прибалтийскими странами) отвергло советское предложение[31]. "Мы расцениваем ответ Германии как указание на первоочередность агрессии в сторону Прибалтики"[32], – заявил М. М. Литвинов польскому послу в Москве Ю. Лукасевичу, давая принципиальную оценку ситуации.

Другой проблемой, которая со всей очевидностью вскрыла диаметральную противоположность позиций СССР и Германии по кардинальным вопросам укрепления европейской безопасности, явился так называемый Восточный пакт. В июне 1934 г. СССР и Франция выступили с инициативой дополнить Локарнский гарантийный пакт, участниками которого были страны Западной Европы, региональным пактом, который включал бы в себя Советский Союз, Польшу, Чехословакию, Эстонию, Финляндию, Латвию и Литву. 17 июля 1934 г. М. М. Литвинов передал проект "договора о региональной взаимопомощи" заинтересованным сторонам, который предусматривал, что страны – его участницы обязуются в соответствии с Уставом Лиги наций оказывать друг другу немедленную помощь в случае нападения одного из договаривающихся государств на другое, что они не будут оказывать какую-либо поддержку стране-агрессору, не являющейся участницей соглашения. Далее в проекте предлагалось, что СССР возьмет на себя в отношении Франции обязательства, вытекающие из Локарнского договора, а Франция, в свою очередь, станет участницей Восточного пакта[33].

Реализация Восточного пакта означала бы создание в Европе устойчивой системы коллективной безопасности, поставила бы серьезную преграду на пути потенциального агрессора. Но именно это и не устраивало руководство фашистской Германии, взявшее курс на насильственный передел мира. Оно буквально с порога (заявление К. Нейрата М.М. Литвинову от 13 июня 1934 г.[34]) отвергло идею Восточного пакта, а затем лишь изыскивало аргументы, чтобы дипломатично обосновать свой отказ.

Вновь назначенный полпред СССР в Германии Я. З. Суриц, характеризуя новый этап в развитии советско-германских отношений, был вынужден 29 ноября 1934 г. заявить в МИД Германии, что "в отношениях между нашими странами нет отдельных спорных вопросов, подлежащих урегулированию, а *поражена сама основа отношений – взаимное доверие*"[35].

В феврале 1935 г. Я. З. Суриц, сообщая в Москву об антисоветской кампании в Германии, которая велась "по всем ли-

ниям", подчеркивал, что "концентрированность иаступления и его явиая рассчитанность на эффект вовне не оставляют места сомнениям, что оно иосит вполие обдумаиный характер и знаменует поворот в тактике по отношению к иам со стороны Германского правительства"[36].

Поворот заключался в том, что если до того в Берлине были ие прочь разыгрывать "советскую карту", выступая время от времени с "дружественными" заявлениями в сторону Советского Союза и припугивая Запад поворотом к Рапалло, то теперь проводилась линия, разработанная Риббентропом, занявшим пост шефа внешнеполитического ведомства нацистской партии, на изоляцию Советского Союза от западных стран путем всемерного подчеркивания его "агрессивности", с одной стороны, и непримиримости фашистской Германии к исходящей от СССР "большевистской угрозе" – с другой. "Расчет здесь делается на то, – писал Я. З. Суриц, – что такой заостренный против СССР курс может отпугнуть сторонников сближения и сотрудиичества с СССР, облегчает кристаллизацию антисоветского фронта"[37]. В беседе с лордом-хранителем печати Великобритании А. Идеиом, состоявшейся в Москве 28 марта 1935 г., М. М. Литвинов отметил, что у "советской стороны иет ни малейших сомнений в германской экспансии. Германская внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями – идеей реванша и идеей господства в Европе"[38].

На рубеже 1935 и 1936 гг. советско-германские отношеиия еще более ухудшаются. Постепеино затухают дипломатические связи. Редкостью становятся визиты советского полпреда и других ответственных сотрудников посольства в германский МИД и посещения Ф. Шуленбургом здаиия НКИД СССР на Кузнецком мосту. Совсем прекратились приемы германского посла членами Советского правительства, что практиковалось ранее. Осенью 1937 г. между Германией и Советским Союзом развернулась настоящая "консульская война", в итоге которой в СССР было закрыто пять германских консульств из семи, а в Германии – два советских коисульства из четырех[39]. Свертываются советско-германские экономические связи. М. М. Литвиiов циркулярным письмом предупредил советских представителей за границей, что подписанному в марте 1935 г. советско-германскому торговому соглашению "никакого политического значения... приписывать ие следует"[40].

В германской политике Советского Союза все более явное

отражение находили неприятие и осуждение агрессивных акций фашистской Германии на международной арене (вступление немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону, участие в интервенции против Испанской республики, аншлюс Австрии и др.), готовность совместно с западными странами принять решительные меры по укреплению европейской безопасности.

Перед лицом усилившегося стремления Лондона и Парижа "канализировать" экспансию гитлеровской Германии на Восток, против Советского Союза, особо важное значение приобретали действия советской дипломатии по разъяснению тотальной угрозы агрессивного курса гитлеровской Германии – не только для Востока, но и для самих западных стран.

"Нет такого мудреца, – говорил М. М. Литвинов А. Идену 26 марта 1935 г., – который мог бы точно предсказать, какого государства или каких государств эта опасность коснется раньше всего и сильнее всего, ибо опасность обращена во все стороны... Равным образом, не изобретено еще такое оружие, которое могло бы стрелять только в одном направлении... Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Германии уровня, пушки могут начать стрелять в другом направлении"[41].

При оценке советско-германских отношений необходимо остановиться еще на двух принципиальных положениях. Первое касается разногласий в германском правящем лагере по вопросу отношений с СССР или, точнее, по вопросу о том, стоит ли, учитывая опыт прошлого, начинать агрессию с нападения на СССР.

В дипломатической переписке советского посольства в Берлине с Москвой отмечалось, что в кругах рейхсвера есть силы, которые ненавидят Францию и Польшу больше, чем СССР. В декабре 1935 г. Я. З. Суриц сообщал, что официальный антисоветский курс вызывает критическое к себе отношение не только со стороны рейхсвера, МИД, но и в прослойках самой партии. Советник полпредства СССР в Германии С. А. Бессонов в своем служебном дневнике отмечал "наличие в Германии слоев и групп, по разным причинам заинтересованных в нормализации отношений с СССР. К этим слоям относятся прежде всего промышленники, затем значительные слои военных и, наконец, некоторые прослойки дипломатического аппарата"[42].

Эти сообщения были трезво проанализированы в Москве и не получили дальнейшего развития в деятельности советской дипломатии. "О якобы замечаемых в Германии сдвигах в отношении СССР я отношусь довольно скептически", – телеграфировал М. М. Литвинов в Берлин. Что же касается позиции некоторых кругов рейхсвера, промышленников, культурного мира, то, как считал Литвинов, "ничего нового и неожиданного в этом нет"[43]. Он деликатно, но вполне определенно указывал, что посольству не следует переоценивать значение верхушечной "фронды" и недооценивать ключевое значение антисоветской позиции гитлеровского руководства. С этим согласилось и посольство. "В отношениях с СССР не наблюдается... никакого сдвига, – докладывало посольство в Москву 17 декабря 1935 г. – ...Несомненно, что Гитлер и его ближайшее окружение твердо стоят на своих примитивных антисоветских позициях"[44].

В связи с заключением Германией "антикоминтерновского пакта" с Японией в ноябре 1936 г. Советский Союз предупреждал западные страны, что подчеркнуто "антикоммунистический" характер сделки призван лишь замаскировать секретное военное соглашение Германии и Японии о координации агрессивных действий*. "Я утверждаю, – говорил М. М. Литвинов на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 28 ноября 1936 г., – с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово коммунизм даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом"[45].

И еще одно немаловажное обстоятельство, характеризующее советско-германские отношения того периода. Если в Германии за ширмой "борьбы с большевизмом" явно просматривались (особенно в речах Гитлера) захватнические планы в отношении Советской страны, ее территории, природных ресурсов и населения, то в Москве подчеркивали четкую принципиальную разницу между гитлеризмом и германским народом. В беседе с А. Иденом 23 марта 1936 г. И. В. Сталин говорил: "Мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях. Германцы – великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем"[46].

---

* Текст соглашения, несмотря на принятые Берлином и Токио чрезвычайные меры секретности, стал известен советскому руководству. Он был передан в Москву Рихардом Зорге из Японии и из источников информации в Западной Европе.

На чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 29 ноября 1936 г. от имени Советского правительства было заявлено: "У нас нет других чувств к великому германскому народу, кроме чувств дружбы и искреннего уважения, но господ фашистов лучше бы всего отнести к такой нации, "нации" "высшего" порядка, которая именуется "нацией" современных каннибалов-людоедов"[47].

Таким образом, характер отношений Советского Союза с фашистской Германией с момента прихода гитлеровцев к власти и до конца 1938 г. очевиден. Это – нарастающая конфронтация, вылившаяся в конце концов в открытую враждебность, едва прикрываемую протоколом дипломатических отношений. "В течение шести с лишним лет, – писала "Правда" в 50-ю годовщину начала второй мировой войны, – Советский Союз не только разоблачал фашизм, отождествляя его с агрессией и войной. Он был единственной великой державой, которая вступила в вооруженную схватку с ним на стороне республиканской Испании, противодействовала аннексии Австрии и расчленению Чехословакии"[48]. Все эти обстоятельства обусловливали невозможность достижения каких-либо существенных договоренностей между двумя странами*. Можно согласиться с чрезвычайно важным выводом Комиссии II Съезда народных депутатов СССР по правовой и политической оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.: "В дипломатической документации СССР за 1937 – 1938 гг. не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином"[49].

* В то же время необходимо отметить, что с лета 1937 г. немецкая сторона вела зондаж возможностей "неожиданного улучшения" отношений между Германией и Советским Союзом. Об этом свидетельствует, например, заявление К. Нейрата в беседе с вновь назначенным советским полпредом К. К. Юреневым 7 июля 1937 г. (см. ДВП СССР. – Т. XX. – М., 1976. – С. 344).

ПЕРВЫЙ ХОД СДЕЛАЛ ГИТЛЕР

Хотя Москву отделяют от Мюнхена добрых две тысячи километров, события, развернувшиеся в ночь на 30 сентября 1938 г. в мюнхенском "коричневом доме" – партийной канцелярии Гитлера, – имели непосредственное продолжение вечером того же дня на подмосковной ("ближней") даче Сталина в Кунцеве.

Баварская столица Мюнхен с его дворцами и парками, прославленным силуэтом двух колоколен всемирно известной Фрауэнкирхе – один из красивейших городов Германии. Особенно хорош город осенью, одетый в багряный наряд отцветающих лип. Но не красоты осеннего Мюнхена заставили собраться здесь, в резиденции Гитлера, глав правительств Англии, Франции и Италии – Невиля Чемберлена, Эдуарда Даладье и Бенито Муссолини. История распорядилась так, что с этой встречей в Мюнхене оказалась связанной одна из крупнейших акций западной дипломатии, ставшая поворотным пунктом в ходе мировых событий.

В Мюнхене главы правительств Германии, Англии, Франции и Италии поставили свои подписи под предложенным гитлеровцами документом о разделе Чехословакии. Ей предписывалось в недельный срок передать Германии Судетскую область и пограничные с ней районы, а также удовлетворить территориальные притязания Польши и Венгрии. Чехословакия лишилась пятой части своей территории, на которой проживало около четверти населения, мощных оборонительных сооружений и половины тяжелой промышленности. Новая граница Германии выступом упиралась в дальние пригороды чехословацкой столицы Праги. Представители самой Чехословакии были вызваны в Мюнхен лишь для того, чтобы выслушать приговор.

На следующее утро, 30 сентября 1938 г., стали известны условия, на которых правящие круги Англии согласились выдать фашистской Германии Чехословакию. Это было "обещание" Гитлера не нападать на Англию, зафиксированное в англо-германской декларации, подписанной Чемберленом и Гитлером. Позднее, 6 декабря 1938 г., была подписана аналогичная франко-германская декларация. По сути дела, это было равносильно пактам о взаимном ненападении. Гитлеровцы, как представлялось в Лондоне и Париже, могли теперь с благословения Запада спокойно разрабатывать планы экспансии на Восток, против СССР. Перед отлетом из Мюнхена Чемберлен еще раз встретился с Гитлером. Открывая фюреру дорогу на Восток, он заявил: "Для нападения на Советский Союз у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах".

"Мюнхенское соглашение, – пишут английские исследователи А. Рид и Д. Фишер, – стало в истории символом близорукости, предательства и коварства, высшим достижением политики умиротворения... Оккупированная немцами Чехословакия превратилась в меч, направленный на Восток, в сердце Советского Союза".

По возвращении из Мюнхена Чемберлен объявил в лондонском аэропорту Крайдон, что он "привез мир". Большего заблуждения трудно даже представить. Не прошло и года, как сбылись слова У. Черчилля о Мюнхене: "Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить войну". Окончательно развалив фронт потенциальных противников фашистской агрессии, Англия и Франция подорвали свои собственные позиции. "Дорогой Додд.., – писал посол США в Испании К. Бауерс своему бывшему берлинскому коллеге У. Э. Додду, – "мюнхенский мир" за одну ночь свел Францию до положения жалкой второсортной державы, лишив ее друзей и всеобщего уважения, а Англии нанес такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена посадили бы в Тауэр, а Даладье казнили бы на гильотине".

Мюнхенская сделка западных держав с Гитлером явилась крупнейшим стратегическим просчетом западной дипломатии XX столетия. В политическом лексиконе есть выражение – "точка, откуда нет возврата". Такой точкой на пути ко второй мировой войне и стал Мюнхен. Мюнхен нанес тя-

желейший удар по всей системе попыток создать антифашистский блок, который объединил бы самые разнообразные силы, в первую очередь Советский Союз и те круги в Англии и Франции, которые пытались найти с Советским Союзом общий язык. Тот факт, что в Мюнхене западные державы за спиной СССР пошли на сговор с фашистскими агрессорами – Германией и Италией, – имел роковые для судеб мира последствия. После Мюнхена начался уже необратимый процесс стремительного скатывания к войне.

Как же восприняли результаты Мюнхена в Берлине и Москве, какие выводы были сделаны о том, что касалось дальнейших отношений между Германией и Советским Союзом?

Прежде всего в Берлине, естественно, спешили воспользоваться непосредственными плодами Мюнхена. 1 октября 1938 г. немецкие войска перешли чехословацкую границу и начали оккупировать Судетскую область. Заодно гитлеровцы захватывали и районы, где в соответствии с мюнхенским соглашением по вопросу об их государственной принадлежности должен был состояться плебисцит. В итоге соотношение сил в Европе изменилось в пользу Германии. В руки Германии попала пятая часть территории Чехословакии с населением более 3,6 млн. человек, более половины весьма развитой в Чехословакии горной и металлургической промышленности. В кратчайший срок были конкретизированы германские планы дальнейших агрессивных действий. Уже 21 октября 1938 г. Гитлер и Кейтель подписали "совершенно секретную" директиву верховного командования вермахта (ОКВ). Она предусматривала готовность "в любой момент" путем неожиданного военного нападения захватить оставшуюся часть Чехословакии и литовский порт Клайпеду (Мемель)[1]. Однако 17 декабря 1938 г. Кейтель издал дополнение к этой директиве, которое уже исходило из того, что при захвате Чехословакии "не ожидается сколько-нибудь серьезного сопротивления"[2].

Дело в том, что после Мюнхена руководители гитлеровской Германии имели возможность убедиться, что стремление направить немецко-фашистскую экспансию на Восток попрежнему лежит в основе стратегической линии Англии и Франции и что с их стороны никакого серьезного противодействия захвату всей Чехословакии и Клайпеды ожидать не следует. Выступая в палате общин в ноябре 1938 г., Чемберлен заявил, что Германия занимает доминирующее положение в

Центральной и Юго-Восточной Европе и поэтому Англия "не намерена чинить препятствий Германии в этих странах"[3]. Советский полпред в Англии И. М. Майский, сообщая 19 октября 1938 г. о беседе с видным деятелем консервативной партии лордом Бивербруком, писал, что Чемберлен "готов и дальше капитулировать перед агрессорами, прежде всего за счет третьих стран", что он "не помышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе, наоборот, он рассчитывает, что все это толкнет Гитлера на конфликт с СССР"[4]. На такой же позиции, по существу, стояло и французское руководство. 29 октября 1938 г. полпред СССР во Франции Я. З. Суриц (он занял этот пост в 1938 г.) сообщал в Москву, что после последней речи Даладье (4 октября 1938 г. в Национальном собрании Франции) "не остается уже сомнения, что он твердо решил договориться с Германией и что для достижения этой цели он готов пожертвовать последним остатком коллективной безопасности и договорами о взаимопомощи"[5].

Учитывали гитлеровцы и благоприятную для них позицию правящих кругов в самой Чехословакии, которые послушно выполняли все требования Гитлера, облегчающие создание внутри страны благоприятных условий для быстрого захвата страны нацистами. По требованию Гитлера правительство в Праге значительно сократило вооруженные силы, разрешило использовать чехословацкие железные дороги для перевозки немецких войск и построить через чехословацкую территорию экстерриториальную автостраду Бреслау – Вена. Дело дошло до того, что в феврале 1939 г. министр иностранных дел пражского правительства Ф. Хвалковский в беседе с германским посланником Г. Эйзенлором поставил вопрос о вступлении Чехословакии в "антикоминтерновский пакт"[6]. 13 марта 1939 г. была провозглашена "независимость" Словакии, которая тут же обратилась к Гитлеру за помощью. На рассвете 15 марта 1939 г. германские войска двинулись в Чехословакию. На следующий день Чехия была включена в Германскую империю под названием "Протекторат Богемия и Моравия". Восточную часть страны – Словакию – гитлеровцы поработили в иной форме. В "независимой" Словакии были размещены части вермахта, а ее экономика поставлена под полный контроль немецких монополий.

Прошла всего одна неделя после вступления немецко-фашистских войск в Прагу, как гитлеровцы беспрепятственно осуществили новый акт агрессии. 22 марта они захватили

литовский порт Клайпеду (Мемель) и прилегающую область. "Когда я захватил Мемель, – говорил Гитлер в кругу своих приближенных, – Чемберлен информировал меня через третье лицо, что он очень хорошо понимал необходимость этого шага, хотя и не мог одобрить его публично".

Таким образом, "программа-минимум" гитлеровского руководства, связанная с Мюнхеном, была реализована. Фашистская Германия стала доминирующей в военном и политическом отношении державой в Западной Европе.

В результате оккупации Чехословакии готовность вермахта и военной промышленности фашистской Германии к ведению мировой войны возросла в огромной степени. Гитлеровцы захватили в Чехословакии свыше 1,5 тыс. самолетов, несколько тысяч орудий, свыше 43 тыс. пулеметов, сотни танков, 1 млрд. патронов, 3 млн. снарядов. Это позволило гитлеровцам вооружить первоклассным оружием 40 своих дивизий. С захватом Чехословакии в руки немецких военных концернов перешли десятки металлургических заводов и электротехнических предприятий, более 100 шахт, свыше 400 химических предприятий. Одни только заводы "Шкода" выпустили к 1 сентября 1939 г., то есть к началу второй мировой войны, столько же военной продукции для вермахта, сколько все английские военные заводы за тот же период.

Западные страны санкционировали порабощение чешского и словацкого народов фашистской Германией, хотя захватом Чехословакии гитлеровцы демонстративно разорвали только что подписанное мюнхенское соглашение. Выступая 16 марта в парламенте, Чемберлен объявил, что "в связи с распадом" Чехословакии гарантии послемюнхенских границ Чехословакии, данные Англией, потеряли силу. При этом он вновь подчеркнул приверженность Англии мюнхенскому сговору, заявив, что "никому не позволит сбить его с этого курса". Такой же линии придерживалась и Франция.

А что происходило после Мюнхена в Москве?

Принципиальная оценка советской стороной мюнхенской политики западных держав была дана в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г.: "Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны... В политике невмешательства сквозит стремление, желание – не мешать агрессорам творить свое черное дело... Не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны,

поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со своими силами, выступить, конечно, в интересах мира, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия"[7].

Конечно, дать принципиальную оценку мюнхенской политике было необходимо. Но главное заключалось в другом: советскому руководству нужно было в кратчайший срок трезво, без иллюзий определить новую расстановку сил на мировой арене и в связи с этим, если потребуется, внести коррективы во внешнюю политику страны.

Обсуждение этих жизненно важных для страны проблем началось в кремлевском кабинете Сталина днем 30 октября, сразу после того, как в Москве было получено сообщение о мюнхенской сделке. В последующие дни, как сообщали хорошо информированные дипломаты в Москве, эти проблемы продолжали оставаться главной темой многочасовых заседаний советского руководства. В соответствии с распорядком дня И. В. Сталина они проходили с 6 – 7 часов вечера до 11 – 12 часов ночи за так называемым обедом в кремлевской квартире И. В. Сталина, расположенной в том же здании, этажом ниже кабинета[8]. Помимо находившихся в Москве членов Политбюро, а также вызванного из Ленинграда А. А. Жданова активное участие в обсуждении принял М. М. Литвинов, только что прибывший из Женевы, где он участвовал в заседании Лиги наций.

Выводы, к которым пришло советское руководство при оценке международного положения СССР в результате мюнхенского сговора западных держав с Гитлером, были очевидны.

Во-первых, политике коллективной безопасности в Европе нанесен сокрушительный удар. Правительства Н. Чемберлена в Англии и Э. Даладье во Франции не хотят создания в настоящее время никакого совместного с Советским Союзом фронта против гитлеровской Германии. Напротив, как показывают факты, они на деле подталкивают Гитлера к антисоветской агрессии.

Во-вторых, в результате мюнхенской политики западных держав Советский Союз оказался в состоянии крайне опасной политической изоляции. Чехословакия как союзник была списана в Мюнхене, союзный договор с Францией от 2 мая 1935 г. был перечеркнут заключением франко-германской декларации 6 декабря 1938 г. В период Мюнхена Польша за-

няла антисоветскую позицию и приняла участие вместе с фашистской Германией в разделе Чехословакии, захватив Тешин. По существу, сложился антисоветский альянс империалистических держав в Европе, к которому примыкала Япония на Дальнем Востоке. Этот альянс поддерживали и США. "Есть и другое государство, – заявил Н. Чемберлен в палате общин по возвращении из Мюнхена. – Оно не присутствовало на конференции, но, как мы чувствовали, оказывало постоянное, все возрастающее влияние"[9].

В-третьих, Советский Союз оказался в состоянии полной международной изоляции не в условиях стабильного мира, а в обстановке, когда война в Европе могла начаться в самое ближайшее время. В Москве знали о двух вариантах развязывания войны, сформулированных Гитлером на совещании нацистского руководства 5 ноября 1937 г. Первый вариант предусматривал "решить проблему жизненного пространства для Германии" в 1943 – 1945 гг. Если же Франция по тем или иным соображениям "не сможет выступить против Германии", то войну следует начать раньше. (Мюнхен и привел в действие второй вариант.) Знали в Москве и о директиве ОКВ от 21 октября 1938 г., конкретизирующей действия вермахта весной 1939 г. – захват всей Чехословакии и Клайпеды в качестве завершения создания необходимого плацдарма для ведения большой войны в Европе. Учитывалась в Москве и откровенно агрессивная, враждебная СССР позиция Японии. В Кремле не без оснований рассматривали вылазку японских войск на Хасане в августе – сентябре 1938 г. не как региональный конфликт, а как конкретную попытку Японии еще более затруднить положение Советского Союза в момент острого кризиса вокруг Чехословакии[10]. Сталин считает, докладывал Ф. Шуленбург, что "решение о японском нападении скорее принято в Берлине, чем в Токио"[11].

В ходе обсуждения ситуации, сложившейся в результате Мюнхена, И. В. Сталин в полной мере дал волю своему гневу в адрес "мюнхенцев". По свидетельству Ф. Шуленбурга, И. В. Сталин был в эти дни даже больше раздражен предательством руководителей правительств Англии и Франции, чем поведением Гитлера.

"То, что политика Литвинова, – докладывал в эти дни в Берлин об обстановке в Кремле советник-посланник немецкого посольства в Москве Г. Типпельскирх, – политика пактов и союзов, потерпела полное фиаско, а идея коллективной безопасности провалилась и надежды, которые возлага-

лись на Лигу наций, рухнули, не может остаться без последствий для советской внешней политики. В свете нашего опыта представляется возможным, что Сталин из неудачи советской внешней политики сделает также и персональные выводы. При этом я, естественно, прежде всего думаю о Литвинове... Сталин теперь снова применит испробованный метод, найдет козла отпущения за неудачу"[12].

Таким козлом отпущения И. В. Сталин намеревался сделать неутомимого поборника создания антигитлеровского альянса Советского Союза с западными державами народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова. В Москве "ходят слухи, – докладывал 10 октября 1938 г. германский военный атташе генерал Кёстринг, – будто бы НКВД уже положил свою холодную руку на плечо Литвинова"[13]. К счастью, пока до этого дело не дошло. Но И. В. Сталин все реже был склонен отныне пользоваться советами М. М. Литвинова и приглашать его на совещания в узком кругу. Все же М. М. Литвинову удалось убедить Сталина и других членов советского руководства, что хоронить идею коллективной безопасности рано, что при дальнейшем развитии событий в результате новых гитлеровских агрессий ситуация может измениться. Показательна в этом отношении беседа М. М. Литвинова с французским послом в Москве Р. Кулондром 16 октября 1938 г. "Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира, – заявил М. М. Литвинов. – Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера... либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать путь для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком"[14]. При этом советская дипломатия исходила из того, что Мюнхен отнюдь не снял угрозу гитлеровского нападения для самих западных держав. Так, 11 октября 1938 г. И. М. Майский заявил министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу, что, "утвердивши свое господство в Центральной Европе и на Балканах, Германия, скорее всего, повернет на Запад"[15].

Определяющим фактором при рассмотрении советско-германских отношений после Мюнхена является тот факт, что, несмотря на принципиальную критику и резкую оценку поведения западных держав в Мюнхене, Советский Союз не захлопнул перед ними дверь, борьба за создание единого и эффективного фронта для отпора гитлеровской агрессии продолжала оставаться стержнем советской дипломатии.

10 октября 1938 г. Г. Типпельскирх докладывал в Берлин, что "пока нельзя сделать никаких выводов об изменении направления советской внешней политики"[16]. Ему вторил Ф. Шуленбург: "Изменений во взглядах Кремля не произошло. В основе внешней политики Советского Союза, как и прежде, лежит идея коллективной безопасности. Высший принцип советской политики – борьба с фашизмом и усиление мощи Советского государства"[17].

"Период с октября 1938 г. по март 1939 г., – пишет английский историк Э. Карр, – не дает ключа к дальнейшему развитию советской внешней политики. Было ясно, что руководители западных стран являются ненадежными союзниками против гитлеровской агрессии, было ясно и их стремление направить немецкую агрессию на Восток, но не было найдено никакой другой альтернативы курсу на коллективную безопасность"[18]. Другой английский историк – М. Белофф признает, что "в период между мюнхенской конференцией и немецкой оккупацией Чехословакии в советской политике не произошло никакой серьезной трансформации"[19].

Неизменность советского внешнеполитического курса нашла свое выражение в указаниях, которые НКИД СССР направил советским полпредам, и в формулировках доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР 6 ноября 1938 г. на торжественном заседании Моссовета, посвященном 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции[20]. Примечательно, что И. М. Майский на вопрос постоянного заместителя министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарта о дальнейшей линии советской внешней политики в соответствии с указаниями Москвы ответил: "...Пока мы не торопимся с выводами и изучаем создавшуюся обстановку"[21].

По-иному оценивали ситуацию после Мюнхена в Берлине. Там пришли к выводу, что проводимая западными державами политика изоляции Советского Союза и демонстративного игнорирования его государственных интересов дает германской дипломатии определенный шанс. При этом возможные чисто тактические подвижки в отношениях с СССР рассматривались в Берлине исключительно в плане реализации агрессивных планов, намеченных на 1939 – 1940 гг.

А планы эти, как разъяснял Гитлер в беседе с Риббентропом, выглядели следующим образом. "В настоящее время, – заявил он, – мы находимся на этапе военного закрепления на Востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии

в марте 1939 г. – создание протектората Богемия и Моравия, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области – были направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции... Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю – августу"[22]. "Во всем мире, – продолжал Гитлер, – немцы известны как гунны, но то, что будет иметь место в войне с Польшей, превзойдет дела гуннов. Эта беспощадность необходима, чтобы на примере уничтожения Польши продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока, что значит оказывать сопротивление немецкой воле"[23].

Согласно гитлеровским планам, одновременно с военным разгромом Польши должно было состояться и подчинение фашистской Германии прибалтийских государств. Утвержденная Гитлером 11 апреля 1939 г. операция "Вайс" – план нападения на Польшу – предусматривала, что "позиция прибалтийских государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать прибалтийские государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав рейха"[24].

Еще 15 марта 1939 г. посланнику Латвии в Берлине было заявлено, что его страна должна следовать за Германией и тогда "немцы не будут заставлять ее при помощи силы становиться под защиту фюрера"[25]. На совещании с руководителями вермахта 23 мая 1939 г. Гитлер дал установку на решение "прибалтийской проблемы"[26].

Намеченное гитлеровцами на 1939 г. "закрепление Германии на Востоке", предполагавшее включение в орбиту "третьего рейха" Польши и Прибалтики, затрагивало жизненные интересы Советского Союза. Возник бы опаснейший очаг агрессии непосредственно у западных границ СССР. У Сталина еще не стерлись из памяти воспоминания о немецком нашествии 1918 г. и походе Пилсудского на Украину в 1920 г. Не грозит ли сейчас стране объединенная немецко-польская атака? В Москве были хорошо информированы не только об агрессивных антисоветских планах Гитлера, но и об имеющих хождение среди наследников Пилсудского в Варшаве притязаниях в отношении Советской Украины. В связи с этим после Мюнхена советская дипломатия предприняла ряд конкретных шагов, чтобы нормализовать отношения с Польшей и укрепить нейтралитет прибалтийских государств. В результате ряда бесед М. М. Литвинова с польским послом

в Москве Гржибовским была подтверждена "нерушимость мирных отношений между обоими государствами", основой которых остаются и впредь все существующие между ними договоры, включая договор 1932 г. о ненападении[27]. Представляется, что дружественная Польше позиция Советского Союза сыграла определенную роль в ее отказе (в ходе переговоров Ю. Бека с Гитлером и Риббентропом 5 – 6 января 1939 г.) войти в орбиту "третьего рейха". Впоследствии Гитлер говорил Риббентропу, что примерно в феврале 1939 г. он понял, что путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону, и решил, что "необходимо силой поставить Польшу на колени"[28].

Таким образом, по крайней мере до января 1939 г. у Гитлера (а тем более у Сталина) не было полной ясности, какую позицию займет в конце концов Польша. Однако уже с февраля 1939 г. фундаментальным фактором советско-германских отношений становится готовившаяся гитлеровцами агрессия против западного соседа – Польши.

Для Москвы чрезвычайно важно было определить и дальнейшее направление немецко-фашистской экспансии – куда пойдет Гитлер в случае, если удастся разгромить Польшу и оккупировать Прибалтику: бросится на Советский Союз или предпочтет сначала разгромить "заклятого врага" – Францию. Документы свидетельствуют, что до Мюнхена ясности в этом важнейшем вопросе не было и у самого Гитлера. Многое, как он считал, будет зависеть от конкретного развития ситуации.

Решающий толчок дал Мюнхен. В течение нескольких недель Гитлер обдумывал сложившуюся ситуацию и на Рождество, находясь на отдыхе в Берхтесгадене, пришел к окончательному выводу: после "закрепления на Востоке" (в Польше и Прибалтике) следующий удар будет нанесен по Франции и Англии. Уже через несколько дней об этом решении Гитлера получили информацию и в Москве, и в столицах западных стран. "Еще в ноябре, – с тревогой сообщал министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс своим послам в Лондоне и Брюсселе 28 января 1939 г., – имелись сведения, с течением времени ставшие более определенными, что Гитлер планирует очередную внешнеполитическую авантюру на весну 1939 г. Сначала казалось – и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, – что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе создания независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией. С тех пор есть сообщения,

указывающие на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, рассматривает вопрос о нападении на западные страны в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке"[29].

В уже упомянутой беседе с Риббентропом Гитлер сформулировал дальнейшие цели нацистской военной машины и вытекающие из них действия фашистской дипломатии: "За беспощадным очищением Востока последует "западный этап", который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществлен разгром Советов"[30]. Гитлер, как свидетельствуют архивные документы, "в течение нескольких недель обстоятельно занимался Советским Союзом", после чего приказал Риббентропу: "Необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап, необходимо будет с Москвой проводить определенное время политку равновесия и экономического сотрудничества"[31].

По указанию Гитлера Риббентроп на встрече в январе 1939 г. с руководством немецко-фашистского вермахта разъяснил, что "антибольшевистская линия остается непоколебимой"[32].

Представляется, что цель гитлеровской дипломатии состояла не только в том, чтобы "нормализовать" на вполне определенный период (два-три года) отношения с Советским Союзом, но и тем самым под флагом нормализации советско-германских отношений создать еще одну помеху на пути сближения внешнеполитических курсов СССР, Англии и Франции на антигитлеровской основе. Политическая игра Гитлера с СССР прямо и непосредственно увязывалась с проблемой антигитлеровской коалиции. Как только появлялась возможность ее создания, активизировалась и гитлеровская дипломатия на московском направлении. Когда же в Лондоне и Париже брали верх мюнхенские мотивы, активность Берлина замирала.

Зондаж гитлеровской дипломатией возможностей улучшения отношений с СССР начался сразу после Мюнхена, который укрепил агрессивные намерения Гитлера.

3 октября 1938 г., то есть четыре дня спустя после Мюнхена, Г. Типпельскирх информировал Берлин, что Сталин, несомненно, сделает определенные выводы из Мюнхена и в обстановке, когда Франция потеряла цену как союзник,

и перед лицом агрессивного поведения Японии, возможно, станет более позитивно относиться к Германии. "Сегодняшняя обстановка, – писал немецкий дипломат, – дает благоприятные возможности для заключения нового большого экономического соглашения Германии с Советским Союзом"[33].

Посол Ф. Шуленбург шел еще дальше. Он считал, что изоляцию Советского Союза необходимо использовать, чтобы добиться общего соглашения с Советским Союзом, первой ступенью к которому могли бы стать торговое соглашение и новое широкое соглашение о кредитах. 2 ноября, находясь по служебным делам в Берлине, Ф. Шуленбург представил в МИД обстоятельный документ – свои "заметки" о дальнейшем развитии советско-германских отношений. Он сообщал, что "намерен в ближайшем будущем обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР Молотову с целью урегулирования вопросов, осложняющих германо-советские отношения"[34]. "Посол, – с основанием замечает известный американский историк У. Ширер, – едва ли мог самостоятельно задумать такую инициативу ввиду крайне враждебного отношения Гитлера к Москве. Намек он, видимо, получил из Берлина"[35].

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейших событий, заметим, что, видимо, не случайно в Берлине решили в обход наркома М. М. Литвинова выйти прямо на главу правительства. Ф. Шуленбург отмечал, что его положение дуайена дипломатического корпуса в Москве (каковым он стал после отъезда в ноябре 1938 г. английского посла Чилстона) дает ему большие возможности для прямых контактов с В. М. Молотовым.

На первый план германская сторона выдвинула предложение начать переговоры о заключении нового кредитного соглашения. Ранее подобные переговоры зашли в тупик и были прерваны еще в марте 1938 г. Помимо политических у германской стороны были и чисто экономические соображения: в обмен на кредиты получить крайне необходимое Германии стратегическое сырье. Этот вопрос был поставлен 19 декабря 1938 г. при подписании рутинного протокола о продлении на 1939 г. советско-германского соглашения о торговом и платежном обороте. 22 декабря германский МИД сделал официальное предложение по этому вопросу. Затем по немецкой инициативе последовала целая серия встреч немецких и советских дипломатов в Берлине и Москве, где

проблема переговоров о кредитном соглашении поднималась вновь и вновь. К "обработке" советской стороны подключили как специалиста по Советскому Союзу бывшего посла в Москве Р. Надольного. 10 января 1939 г. полпред СССР в Германии А. Ф. Мерекалов передал на Вильгельмштрассе ответ Советского правительства: оно соглашалось начать в Москве дискуссию об условиях нового кредитного соглашения, то есть, по существу, вернуться к тому положению, которое существовало до марта 1938 г.[36]

12 января 1939 г. в политическую игру, затеянную германской дипломатией, открыто включился Гитлер. Еще ранее по его указанию средства массовой информации Германии стали воздерживаться от личных нападок на советских руководителей. В тот день состоялся, как обычно, новогодний прием дипломатического корпуса. На этот раз он проходил в только что отстроенном здании новой имперской канцелярии. Прежде чем перейти непосредственно к приему, несколько подробнее следует сказать об этом необычном строении.

В январе 1938 г. Гитлер вызвал А. Шпеера, занимавшего в то время пост генерального инспектора по строительству, и поручил ему за год соорудить новое здание имперской канцелярии, которое бы будило мысль о величии нации и незыблемости "третьего рейха". Надо сказать, что Шпеер, уже поднаторевший в такого рода делах при сооружении "Партейгеленде" – гигантского комплекса для проведения съездов нацистской партии в Нюрнберге, и тут не ударил в грязь лицом. 9 января 1939 г. новая резиденция фюрера была представлена Гитлеру и заслужила его "высочайшее" одобрение.

Новая имперская канцелярия по своим размерам превышала старую, где размещались в качестве канцлера Бисмарк и его преемники, в десятки раз, она занимала целый квартал в самом центре Берлина, неподалеку от Бранденбургских ворот. Через высокие ворота, украшенные нацистской символикой, посетители с Вильгельмштрассе попадали в обширный внутренний двор. Высокие колонны из темного шведского мрамора и такими же плитами вымощенный пол придавали ему не только торжественный, но и зловещий вид. Через массивные высотой 5 *м* двери посетители попадали в так называемый малый зал приемов. Однако для того, чтобы добраться до кабинета Гитлера и основного зала, где фюрер устраивал торжественные приемы, посетители имперской канцелярии должны были продефилировать еще 146 *м* по галерее. Она была сооружена по личному указанию Гитлера,

ее длина должна была вдвое превосходить галерею дворца в Версале. Как свидетельствует Шпеер, прежде чем попасть к Гитлеру, посетители должны были проделать путь длиной чуть не в четверть километра. Особый восторг Гитлера вызвал его (более напоминавший зал) кабинет, украшенный бронзовой скульптурой в человеческий рост, изображавшей наполовину вынутый из ножен меч. "Когда дипломаты увидят это рядом со мной, – резюмировал Гитлер, – они будут учиться страху".

Все было подготовлено Шпеером к указанному сроку, и вечером 12 января 1939 г. Гитлер мог уже организовать традиционный новогодний прием глав дипломатических миссий в новом здании имперской канцелярии.

Поначалу ничто не предвещало неожиданностей. От имени дипломатического корпуса Гитлера приветствовал дуайен – папский нунций Цезаре Орфениго. В пространном выступлении он восхвалял мюнхенскую конференцию как "важнейшее и славнейшее событие" минувшего года. В кратком ответном слове Гитлер лицемерно заявил о своем желании – чтобы 1939 год стал годом мира[37]. Затем началось представление Гитлеру глав дипломатических миссий, аккредитованных в Берлине. Руководил церемонией начальник имперской канцелярии Ламмерс. Дошла (по латинскому алфавиту) очередь и до советского посла Алексея Федоровича Мерекалова. И здесь произошло то, что все присутствовавшие дипломаты расценили как сенсацию. Адъютант Гитлера Фриц Видеман впоследствии так описал эту сцену: "Гитлер особенно дружественно приветствовал русского посла и подчеркнуто долго беседовал с ним. Взоры всех присутствовавших были обращены на них, и у всех в голове был один вопрос: что здесь происходит? И чем дольше продолжалась беседа, и чем дружественнее она становилась, тем более возрастало волнение... В этот день русский посол оказался в центре дипломатического приема. Дипломаты слетались к нему, как пчелы на мед, каждый хотел знать, о чем говорил с ним фюрер. Я стоял поодаль и не знаю, о чем говорил Гитлер с русским послом. Но действительно дружеская атмосфера, в которой он вел беседу, ясно показывала, что в его установках что-то изменилось. И Гитлер это ясно продемонстрировал русским"[38].

В своем донесении в Москву, которое А. Ф. Мерекалов отправил в тот же вечер, он сообщал, что, "обходя послов, Гитлер поздоровался со мной, спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно

о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и попрощался. За ним подошли Риббентроп, Ламмерс, генерал Кейтель и Майснер. Разговор с каждым из них был ограничен общими любезностями"[39].

Представляется, что донесение А. Ф. Мерекалова в Москву могло и не полностью отразить то, что действительно произошло. Он, только недавно вернувшийся из Москвы, хорошо знал обстановку террора, царившую в Наркомате иностранных дел. Возможно, он посчитал, что более подробное и конкретное сообщение об этой беседе, о вопросах Гитлера и ответах посла, может вызвать самую резкую реакцию у Сталина. Стоило ли рисковать головой, подчеркивая всю важность неожиданной беседы с Гитлером. И посол в своем донесении, отдавая дань осторожности, свел дело к протокольному характеру беседы. Положение посла осложнялось еще и тем, что важные моменты в высказываниях Гитлера могли попросту остаться вне поля его внимания. А. Ф. Мерекалов плохо владел немецким языком, а Гитлер, как это бывает на такого рода массовых торжественных приемах, вел беседу без переводчика.

Как бы то ни было – содержался ли в словах Гитлера более важный, чем об этом сообщил в Москву А. Ф. Мерекалов, смысл или нет, – Гитлеру удалось подать Советскому Союзу сигнал о своей готовности изменить к лучшему напряженные отношения между Германией и Советским Союзом. Более того, демонстрацией своего интереса к германо-советскому сближению он смог определенным образом воздействовать на руководителей западных стран: показав эту весьма непривлекательную для них перспективу, он тем самым усилил готовность Лондона и Парижа к новым уступкам Германии на Востоке, на этот раз за счет Польши.

Находясь 26 января 1939 г. с визитом в Варшаве, Риббентроп снова потребовал удовлетворения "минимальных" германских требований – включить в состав рейха Данциг и проложить в Восточную Пруссию через польскую территорию экстерриториальные автомобильную и железнодорожную трассы. В качестве "компенсации" Польше предлагалось сотрудничество в проведении "общей политики... по вопросу о Великой Украине".

"Г-н Бек не скрывал, – докладывал Риббентроп о своей беседе с польским министром иностранных дел, – что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю", но "он тут же указал на якобы существующие опас-

ности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собой для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза". Бек обещал "серьезно обдумать" предложение Риббентропа о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту"[40].

В Москве очень внимательно следили за развитием германо-польских отношений и не исключали возможного включения Польши "политическим" путем в сферу интересов "третьего рейха". Что касается позиции в этом вопросе западных держав, то весьма примечательна инструкция, которую дал 28 января 1939 г. министр иностранных дел Англии Э. Галифакс своим послам во Франции и Бельгии. В ней в качестве возможных направлений гитлеровской агрессии фигурируют западные страны, включая даже Голландию, но ни слова не говорится о реальной опасности, нависшей над Польшей[41]. В то же время в беседе с И. М. Майским днем раньше Э. Галифакса интересовали отношения СССР с Германией и особенно "какими причинами вызвана посылка немецкой торговой делегации в Москву"[42].

"Оттепель" в советско-германских отношениях кончилась в то время так же быстро, как и началась. Гитлеровцы считали, что цели их зондажа достигнуты. С советской стороны была подтверждена готовность к диалогу, хотя и ограниченному рамками торгово-экономических отношений. Что касается руководителей Англии и Франции, то, крайне обеспокоенные возможной перспективой нормализации советско-германских отношений, они не только не стали искать контакты с Москвой, но, напротив, демонстрировали Гитлеру еще большую готовность идти на сговор с агрессором с целью направить его на Восток. Так, Н. Чемберлен в беседе с Муссолини, состоявшейся в Риме 12 января 1939 г., ссылаясь на "слабость Советского Союза", призывал дуче поддержать "немецкий удар по Украине". Это не осталось незамеченным в Берлине. На встрече с Геббельсом 1 февраля 1939 г. Гитлер вновь заговорил об Украине[43].

В этой ситуации Гитлер решил, что дальнейшее развитие политической игры с Советским Союзом преждевременно, и нажал на тормоза. Намеченная на 30 января 1939 г. в Москве встреча немецкой делегации во главе с шефом восточноевропейской референтуры экономического отдела МИД К. Ю. Шнурре с наркомом А. И. Микояном не состоялась. По указанию Риббентропа Шнурре не выехал в Варшаву, где он должен был встретиться с Ф. Шуленбургом, а затем направиться в

Москву в качестве "частиого гостя" посла. В пространной речи, с которой Гитлер выступил 30 января – в годовщину прихода нацистов к власти, он ни слова не произнес ни о Советском Союзе, ни о советско-германских отношениях[44]. Попытки германских дипломатов – Ф. Шуленбурга в Москве и заведующего отделом экономической политики МИД Германии Э. Виля в Берлине – объяснить происшедшее второстепенными причинами едва ли могли ввести советскую сторону в заблуждение. Истинный смысл затеянной Гитлером политической игры Кремлю был очевиден[45].

ВСЕГО ОДНА НЕДЕЛЯ В МАРТЕ

Мировой общественности хорошо известны "основополагающие" речи нацистского фюрера 5 ноября 1937 г., 23 мая и 22 августа 1939 г. На Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками они по праву фигурировали как документы, проливающие свет на планомерную подготовку Гитлером агрессивной войны. Но есть в этой зловещей серии чрезвычайно важный документ, который не попал в поле зрения ни пытливых историков, ни жрецов Фемиды. А он объясняет многое в действиях фашистской Германии в 1939 – 1941 гг.

...Вечером 7 марта 1939 г. в большом зале имперской канцелярии все было готово к праздничному приему. Яркий свет огромных хрустальных люстр отражался в венецианских зеркалах, подаренных фюреру Муссолини. По парадной лестнице в зал один за другим поднимались гости Гитлера – генералы и адмиралы фашистского вермахта. Разную судьбу уготовила им история. Одни – вроде Кейтеля и Йодля, адмиралов Редера и Деница, генералов фон Лееба, Бласковица, Кюхлера, Варлимонта – закончат свою преступную карьеру на скамье подсудимых, других – Райхенау, Браухича – за военные поражения на советско-германском фронте разжалует сам Гитлер. Но сегодня в ожидании грядущих побед и наград они приветствовали хозяина приема нацистским "Хайль Гитлер!"[1].

В праздничном ужине принимали участие и дамы. Прием официально давался Гитлером в их честь в связи с 8 Марта, который нацисты объявили "днем немецких женщин"*.

---

* Гитлеровцы, учитывая исторические традиции борьбы немецких трудящихся за свои права, не прочь были использовать революционную символику: свой переворот объявили "национальной революцией", официальным флагом сделали красный, поместив на нем фашистскую

Геббельс позаботился о том, чтобы и великолепие приема, и произнесенные на нем тосты (Гитлера – в честь дам, Гесса – в честь фюрера) получили "большую прессу". В действительности прием служил лишь удобным предлогом, чтобы собрать вместе всю верхушку вермахта, ширмой для проведения мероприятий совсем иного рода. На следующий день участники приема, уже без дам, были созваны на секретное совещание в рабочем кабинете Гитлера. Обычно многословный Гитлер, который в своих выступлениях вновь и вновь возвращался к одному и тому же вопросу, на этот раз уложился за один час. Развернутая им конкретная программа агрессивных действий фашистской Германии предусматривала:

– не позднее 15 марта оккупировать оставшуюся после Мюнхена часть Чехословакии, приказ вермахту об этой акции уже отдан. Конечно, это перечеркнет мюнхенское соглашение, но он, Гитлер, уверен, что серьезной реакции западных держав не последует;

– затем последует очередь Польши. Эту акцию необходимо провести до осени, пока польские дороги пригодны для передвижения механизированных частей вермахта;

– Венгрия, Румыния, Югославия, "безусловно, относятся к жизненно необходимому пространству Германии. Разгром Польши и оказание соответствующего давления сделают их сговорчивыми. Это – план, который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия станет непобедима";

– "В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом – Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы. Англия – старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия легко установит господство над Англией и получит в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире";

– конечная цель – "объединение Европейского континента" в соответствии с гитлеровской концепцией и установление господства фашистской Германии и на Американском континенте*[2].

свастику, День международной солидарности трудящихся – 1 Мая – объявили "днем национального труда". В этих же целях использовался и международный праздник трудящихся женщин.

* Разъясняя этот тезис Гитлера, советник "бюро Риббентропа" П. Клейст в эти дни говорил: "В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики" (СССР в борьбе за мир. Накануне второй мировой войны. – М., 1871. – С. 234).

На следующий день, 9 марта, Гитлер почти дословно повторил эту программу агрессии перед вызванными в имперскую канцелярию руководителями нацистской партии и правительства – имперскими министрами, гаулейтерами, штатгальтерами[3].

Еще вечером 8 марта сообщение о выступлении Гитлера перед руководителями вермахта было передано в Москву членами антифашистской группы Шульце-Бойзена – Харнака, действовавшей в министерстве авиации. Необходимые для Кремля выводы напрашивались сами собой: в самые ближайшие дни с захватом Чехословакии фашистский вермахт выйдет на подступы к советской западной границе на Украине. Военная угроза для СССР возрастает в огромной степени. Но в то же время имеются и веские данные, говорящие о том, что удар нацистской военной машины по Советскому Союзу последует лишь после разгрома Франции. Не будут ли западные страны, получив эту информацию, более сговорчивыми в деле создания совместной с Советским Союзом системы коллективной безопасности?

Представляется, что в этом ключе и следует рассматривать основные положения международного раздела доклада И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. На Западе широко распространена версия о том, что именно этот доклад дал сигнал Гитлеру о готовности СССР коренным образом пересмотреть свои отношения с Германией за счет отказа от идеи создания в Европе системы коллективной безопасности от фашистской агрессии. При этом ссылаются на слова доклада: "...Большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом"[4].

Утверждается далее, что германская дипломатия услышала этот сигнал и, сделав соответствующие выводы, приступила к конкретным дипломатическим акциям в отношении Советского Союза. В действительности события развивались иначе. После XVIII съезда ВКП(б) посол Ф. Шуленбург поспешил в Берлин, чтобы проинформировать МИД об оценке международного положения и задач внешней политики СССР, данной советским руководством. Но там были заняты другим – реакцией западных стран на захват Чехословакии, осуществленный 15–16 марта. Как свидетельствуют документы, ни Гитлер, ни Риббентроп в то время так и не удосужились познакомиться с текстом выступления И. В. Сталина на съезде*.

---

* Риббентроп пожелал ознакомиться с докладом во второй половине августа, перед своей поездкой в Москву.

Видимо, нацистское руководство считало, что мюнхенское соглашение, отбросив Советский Союз на обочину мировой политики, позволяет ему в данный момент не принимать его в расчет при калькуляции своих планов и действий. В Берлине проигнорировали и резкую ноту, врученную М. М. Литвиновым Ф. Шуленбургу 18 марта в связи с гитлеровской агрессией против Чехословакии. "Оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия Германского правительства, – говорилось в ней, – не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными"[5].

Как ни парадоксально, но именно в эти дни и именно в связи с решением гитлеровцами "чехословацкой проблемы" была устранена одна из опасных для советско-германских отношений мин замедленного действия.

После Мюнхена Закарпатская Украина, попавшая в сферу влияния гитлеровской Германии, рассматривалась западными политиками как удобный плацдарм для нацистской агрессии против Советского Союза. Советник английского премьера Г. Вильсон без тени сомнения говорил 30 ноября 1938 г. советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому, что «следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что и в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышки восстания украинского населения, а затем "освобождение" Украины Гитлером под флагом "самоопределения"»[6]. Наступил март 1939 г., а уверенность "мюнхенцев" в том, что "украинская проблема" станет запалом вооруженного конфликта между Германией и Советским Союзом, не ослабла. "Мне кажется... неизбежным, – доносил в Форин офис из Берлина английский посол А. Гендерсон, – что Германия проявит желание попытаться отторгнуть эту богатую страну от обширного государства, которое оно считает своим основным врагом"[7]. На Западе была развернута шумная кампания о предстоящем "воссоединении" Германией Закарпатской Украины с Советской Украиной. Однако Гитлер после захвата Чехословакии распорядился иначе – в соответствии со своими тактическими и стратегическими замыслами. "Автономное правительство" Закарпатской Украины, созданное нацистами после Мюнхена, было распущено, а территория Закарпатской Украины присоединена к Венгрии. Тем самым Гитлер еще теснее привязал к "третьему рейху" хортистскую Венгрию, уже присоединившуюся к "антикоминтерновскому пакту". В то же время эти действия указывали на то, что "украинскую проблему" он намерен

решать не сейчас, а в контексте большой войны против Советского Союза, запланированной на 1941 – 1942 гг.

Другим фактором, который в дальнейшем мог повлиять на характер советско-германских отношений, явилось развитие событий в марте 1939 г. в Испании. Может вызывать только удивление, что оно зачастую игнорируется как советскими, так и западными исследователями. 23 марта пал Мадрид, героическая, почти трехлетняя борьба закончилась поражением Испанской республики. Воочию были продемонстрированы слабость и разобщенность демократических, антифашистских сил Западной Европы, их неспособность действенно противостоять мюнхенской политике руководителей западных стран. Реальная сила, и вывод этот Кремлю был ясен, с которой Москве в обозримом будущем придется иметь дело в Лондоне и Париже, – это правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье. Какой-либо альтернативы им, по крайней мере в ближайшем будущем, не предвиделось.

Прошел не замеченным историками и другой немаловажный факт: с прекращением боев в Испании прекратилось и открытое военное противостояние на испанской земле Германии и Советского Союза.

Что касается непосредственно дипломатических отношений между двумя странами в феврале – марте 1939 г., то после германского "афронта", учиненного Берлином Москве в конце января в связи с "миссией Шнурре", они были заморожены и фактически приближались к нулевой отметке. Посещения Ф. Шуленбургом А. И. Микояна 10 и 23 февраля, как представляется, были нацелены лишь на то, чтобы соблюсти дипломатический декорум. Немецкий посол был вынужден доложить в Берлин, что его зондаж о возобновлении переговоров по торгово-экономическим вопросам "не находит встречного внимания" у советской стороны [8].

Так закончилась богатая событиями одна лишь мартовская неделя 1939 г. Не будет преувеличением сказать, что она во многом определила канву советско-германских отношеиий до середины августа 1939 г.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 39-го

В начале апреля верховное командование вермахта завершило разработку директивы по проведению операции "Вайс". 11 апреля директиву утвердил Гитлер. Она предусматривала открыть военные действия против Польши внезапными мощными ударами и добиться быстрых успехов. "Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы обеспечить готовность к проведению операции не позднее 1 сентября 1939 г."[1] На совещании фашистского генералитета 23 мая Гитлер вновь подчеркнул, что речь идет не о каких-то спорных вопросах в отношениях с Польшей, а о полном порабощении этой страны и о приобретении "жизненного пространства" на Востоке. "Есть только одно решение, – объявил Гитлер, – напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности"[2].

Еще до того, как план "Вайс" был утвержден Гитлером, исчерпывающая информация о нем лежала на столе в кремлевском кабинете Сталина. Не остались секретом планы Гитлера для Лондона и Парижа. Таким образом, весной и летом 1939 г. между Москвой, Берлином и западными столицами развернулась рискованная политическая игра, в которой на карту были поставлены судьбы многих народов и государств.

Что касается позиции Англии и Франции, то дипломатическую инициативу, как это уже наблюдалось все последние месяцы, взял на себя Лондон, консервативное правительство Н. Чемберлена. Основная идея, определяющая действия английского правительства весной и летом 1939 г., заключалась в том, чтобы путем достижения с гитлеровской Германией уже не локального (как это было в Мюнхене), а глобального соглашения о разделе сфер влияния в мировом масштабе добиться заключения двустороннего англо-германского союза. При этом удовлетворить аппетиты гитлеровцев и их

союзников в Лондоне рассчитывали за счет третьих стран, прежде всего Советского Союза.

В нашу задачу не входит исследование попыток Н. Чемберлена добиться сговора с Гитлером. Наметим лишь основные вехи, без которых будут непонятны многие зигзаги германской дипломатии в отношениях с Советским Союзом весной и летом 1939 г.

29 июня 1939 г. министр иностранных дел Англии Э. Галифакс в речи на банкете в Королевском институте международных отношений выразил готовность договориться с Германией по всем вопросам, "внушающим миру тревогу". Еще в мае по поручению Чемберлена Берлин с целью зондажа посетил видный деятель консервативной партии Г. Друммонд-Вольф. В несколько завуалированной форме он предложил гитлеровцам разделить мир на две сферы влияния: англо-американскую – на Западе и германскую – на Востоке. В случае согласия на эту "политическую комбинацию" банкиры лондонского Сити были готовы предоставить Германии колоссальный заем – 1 млрд. ф. ст.

В июне и июле секретные англо-германские переговоры были перенесены на более высокий уровень. Воспользовавшись тем, что в Лондон для участия в работе Международного комитета по делам беженцев прибыл из Берлина правительственный чиновник по особым поручениям Г. Вольтат, в переговоры с ним вступили советник Чемберлена Г. Вильсон и министр внешней торговли Р. Хадсон. Примечательно, что эти переговоры велись в резиденции английского премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, в помещении, смежном с кабинетом Чемберлена.

Вильсон предложил Вольтату начать секретные переговоры о заключении широкого англо-германского соглашения, которое включало бы следующие положения:

– заключение между Англией и Германией договора о ненападении. Как пояснил Вильсон, заключение такого договора "начисто освободило бы Британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.". Более того, в случае соглашения с Германией Англия была готова оказать воздействие на Францию "в том смысле, чтобы она уничтожила свой союз с Советской Россией и свои обязательства в Юго-Восточной Европе";

– проведение общей англо-германской политики в сфере экономики – в области снабжения обеих стран сырьем, разде-

ла главных рынков сбыта. В мире есть три большие области, заявил Вильсон, в которых Германия и Англия могут совместно приложить силы, – это Британская империя, Китай и Россия.

"Наша конечная цель, – заявил Вильсон, – широчайшая англо-германская договоренность по всем важным проблемам". На вопрос Вольтата, одобрены ли эти предложения британским руководством, Вильсон ответил: "Мы можем пройти в соседний кабинет, и вы получите подтверждение премьер-министра". Вольтат был вынужден возразить, что его миссия все-таки носит неофициальный характер. В своем донесении в Берлин о ходе переговоров Вольтата – Вильсона германский посол в Лондоне Г. Дирксен особо подчеркивал, что в случае "разграничения жизненных интересов... между Англией и Германией" англичане были готовы предоставить немцам возможность самим решать вопрос о Польше. "Тогда Польша, – сообщал Дирксен, – была бы, так сказать, оставлена в одиночестве, лицом к лицу с Германией"[3].

Вечером 20 июля 1939 г. Вольтата пригласил к себе министр внешней торговли Р. Хадсон. После беседы Вольтат вылетел в Берлин, а Хадсон пошел на дипломатический прием и после солидной порции виски поведал присутствующим о секретных переговорах. Тайное стало явным. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщал в Москву: "Личные беседы Хадсона с Вольтатом в Лондоне касались возможности предоставления Германии громадных международных займов до миллиарда фунтов, если Гитлер серьезно откажется от "агрессивных намерений" (читай: оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку. – *Г. Р.*)... Хадсон, без сомнения, выражал настроения премьера".

Можно сказать, что линия на достижение сговора с Гитлером была основной, стратегической в политике Лондона и следовавшего за ним Парижа. Но была и вспомогательная линия, подчиненная главной.

Открытое нежелание гитлеровцев хотя бы в малейшей степени считаться с интересами западных держав, что нашло наиболее яркое выражение в демонстративном нарушении ими только что заключенного мюнхенского соглашения, заставило английское правительство несколько изменить свою тактику. Совершенно очевидное стремление к сговору с Гитлером оно пыталось дополнить определенным элементом давления на Берлин, усилить свои позиции на переговорах с Германией. С этой целью Англия и Франция предоставили

гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции. Какова была действительная ценность этих гарантий, наглядно свидетельствуют приведенные выше материалы секретных переговоров Лондона с гитлеровцами: эти страны являлись для английских "мюнхенцев" лишь разменной монетой в их азартной игре.

Главным элементом давления на Берлин должны были стать переговоры Англии и Франции с Советским Союзом, которые начались в марте 1939 г. и продолжались до августа. Со стороны Лондона и Парижа переговоры носили многоцелевой и далеко не однозначный характер. Прежде всего в правящих кругах Англии и Франции рассчитывали, что угроза заключения тройственного англо-франко-советского пакта подтолкнет Берлин на скорейшее заключение соглашения с западными странами и вновь вернет политику рейха в мюнхенское русло. Рассчитывали в Лондоне и Париже в ходе переговоров и "подстраховаться" на случай гитлеровской агрессии на Западе, обеспечив себе в одностороннем порядке помощь Советского Союза.

Антисоветизм, лежавший в основе политики, которую проводили правящие круги Англии и Франции, закрывал им дорогу к такому сотрудничеству с Советским Союзом, при котором он становился бы их полноправным военным союзником, а фашистская Германия – противником. Для них важно было другое: вовлечь СССР в переговоры, демонстрируя тем самым Германии сближение с Советским Союзом, не дать СССР остаться в стороне от назревшего англо-франко-германского конфликта, не допустить урегулирования и нормализации советско-германских отношений, оставить путь на Восток для фашистской Германии открытым.

Что касается фашистской Германии, то Гитлер, хорошо представляя себе подоплеку англо-французских маневров, все же в высшей степени опасался успеха тройственных переговоров в Москве и создания антигитлеровской коалиции, что ставило крест на всех его дальнейших планах. Поэтому задача, как представляли себе на Вильгельмштрассе, заключалась в том, чтобы активными действиями в Лондоне и Москве предотвращать любые подвижки в отношениях западных стран с Советским Союзом. Выступая 1 апреля 1939 г. в Вильгельмсгафене по случаю спуска на воду линкора "Тирпитц", Гитлер в достаточно ясной форме заявил о своих усилиях вбить клин между западными державами и Советским Союзом[4]. С учетом всех этих обстоятельств и следует рассмат-

ривать и оценивать советско-германские отношения весной и летом 1939 г.

Что касается советской дипломатии, то именно в это сложное и, без преувеличений можно сказать, судьбоносное для народов время она лишилась опытного и профессионального руководства. Хорошо информированный американский дипломат, поверенный в делах США в Москве А. Кирк 22 февраля 1939 г. сообщал в Вашингтон, что "влияние Литвинова упало настолько, что это может означать смену народного комиссара иностранных дел"[5]. "Литвинову становилось все труднее работать, – пишет его советский биограф З. С. Шейнис. – Он еще стоял во главе советской дипломатии, но стал замечать, что вокруг него постепенно образуется вакуум... В Наркоминдел приходят новые люди, назначенные без ведома Литвинова... Ему становится известно, что не все советские полпреды шлют ему информации"[6]. Так, в обход наркома торгпред в Берлине Д. Канделаки и секретарь посольства в Хельсинки Б. Мальцев по важнейшим политическим вопросам обращались прямо к В. М. Молотову.

Встав во главе НКВД, Берия стремился подмять и дипломатическую службу. Любое назначение в НКИД, вплоть до курьера и уборщицы, могло быть осуществлено лишь с санкции НКВД. Посланцы Берии, направленные им резиденты НКВД буквально терроризировали советские представительства за границей. Их смертельно боялись не только рядовые дипломаты, но и многие полпреды. По воле резидента НКВД любой советский дипломат мог быть за 24 часа откомандирован в Москву, где его почти неминуемо ожидал арест. В коллективах посольств насаждалась атмосфера страха, доносов, провокаций. В Болгарии резидент НКВД, некто Яковлев, просто подменил посла Ф. Раскольникова, выразив ему политическое недоверие[7]. Все это в значительной степени снижало эффективность деятельности советских представительств и Наркоминдела в целом.

Инициативные работники были не в чести. НКИД, по существу, все более превращался в дипломатическую канцелярию, призванную лишь должным образом оформлять указания И. В. Сталина и В. М. Молотова. По мнению М. М. Литвинова, то, что происходило за его спиной, никак не вписывалось в принципы ленинской внешней политики и нормы советской дипломатической службы.

27 апреля М. М. Литвинова в связи с незначительным инцидентом вызвали "на ковер" к Сталину. Присутствовав-

ший при этом И. М. Майский (он был виновником инцидента) рассказывал впоследствии: "Впервые я видел, как сложились отношения между Литвиновым, Сталиным и Молотовым. Обстановка на заседании была накалена до предела. Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно наскакивал на Литвинова, обвиняя его во всех смертных грехах"[8].

В ночь с 3 на 4 мая 1939 г. М. М. Литвинов в присутствии "понятых" – Берии и Маленкова – был смещен с поста наркома иностранных дел, а на этот пост был назначен Председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов. Официальная версия отставки М. М. Литвинова, объявленная В. М. Молотовым на собрании работников НКИД, гласила: "Товарищ Литвинов не обеспечил проведения партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКИД"[9].

Для советской дипломатии замена М. М. Литвинова В. М. Молотовым не могла пройти бесследно. Окончательно менялся весь стиль работы НКИД. "Молотов, – пишет в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев, – на меня производил в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего. Он имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и высказывал Сталину, что он думает. Было видно, что Сталину это не нравится, а Молотов все-таки настаивал"[10].

Иначе характеризуют В. М. Молотова иностранные дипломаты, работавшие в то время в Москве. "Он никогда не проводил собственной политики, – пишет в своих воспоминаниях секретарь посольства США Ч. Болен. – Сталин делал политику. Молотов проводил ее в жизнь... Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр, но его упрямство позволяло ему достигать цели... Молотов раболепно относился к своему хозяину"[11]. Ему вторит советник немецкого посольства в Москве Г. Хильгер: «Молотов – прекрасный администратор, способный исполнять поручаемые ему политические мероприятия, и опытный чиновник. Однако, в отличие от своего предшественника по Наркоминделу, он не обладает творческим умом. В переговорах,

свидетелем которых я был, он никогда не проявлял никакой личной инициативы и строго придерживался данных ему Сталиным инструкций... Я уверен, что недостаточная гибкость Молотова и его боязнь ответственности вредили Советскому правительству во взаимоотношениях с западными странами, но для Сталина, очевидно, было важнее иметь человека, который не претендовал ни на что другое, кроме как быть послушным инструментом в его руках. Наряду с этой безоговорочной преданностью он обладает рядом других черт, которые делают его исключительно ценным работником, например неистощимой энергией и образцовым трудолюбием. Его удивительная память дает ему возможность хорошо ориентироваться в широком и сложном комплексе проблем... Он должен был чувствовать себя очень неловко среди блестящих и одаренных воображением людей, которые все еще оставались в Наркоминделе – учреждении, имевшем особую притягательность для культурной, образованной и много путешествовавшей верхушки старых большевиков, так как оно давало им возможность соприкасаться с событиями, происходящими за китайской стеной, окружавшей сталинскую Россию. Но и здесь их в конце концов настигла чистка... Сам Молотов, видимо, ощущал свою неполноценность русского чиновника и компенсировал это узким национализмом и глубоко укоренившейся подозрительностью к иностранцам и "космополитам"»[12].

Молотов никогда ранее не был на дипломатической работе, не знал ее тонкостей, не имел профессиональных знаний. В какой-то степени эти недостатки В. М. Молотова как дипломата компенсировались достоинствами Владимира Петровича Потемкина, занявшего пост заместителя наркома и ставшего в тот период правой рукой В. М. Молотова. "Представительный и внешне привлекательный, высокообразованный дипломат В. П. Потемкин принадлежал к числу выдающихся партийных интеллектуалов", – рассказывает опытнейший советский дипломат А. А. Рощин, работавший в 1939 г. помощником В. П. Потемкина.

Имелись ли принципиальные, политические причины отставки М. М. Литвинова? До сих пор бытует версия: М. М. Литвинов выступал за коллективную безопасность, за договоренность с Англией и Францией на антигитлеровской основе. Сталин же стал ориентироваться на соглашение с Германией. Линия Сталина, естественно, победила, и Литвинова убрали. Нам представляется, что развитие событий шло

значительно более сложным путем. И Литвинов, и Сталин считали, что переговоры с западными державами надо вести, пока имеется малейший шанс на успех. Они были едины и в том, что до тех пор, пока Н. Чемберлен находится у власти, договориться с Англией не удастся. Но дальше точки зрения расходились. М. М. Литвинов считал, что "такие переговоры способствовали усилению антифашистских тенденций"[13]. Сталин же, особенно после падения Испанской республики и фактической ликвидации Народного фронта во Франции, испытывал глубокое разочарование в реальных возможностях антифашистских, демократических сил в западных странах. Видимо, он считал нереальным в ближайшее время сдвиг влево в Англии и Франции и замену промюнхенских правительств Н. Чемберлена и Э. Даладье. Если, по мнению Литвинова, время работало на антифашистские силы, то Сталин, напротив, считал, что оно работает на Гитлера и нужно проявлять в переговорах с англичанами и французами величайшую бдительность, чтобы не дать себя столкнуть с Германией один на один, к чему как раз и стремились в Лондоне и Париже. Что же касается отношений с Германией, то здесь отставка М. М. Литвинова в мае 1939 г. ничего не изменила: позиция СССР продолжала оставаться отрицательной еще более трех месяцев.

Иногда ссылаются на то, что в Берлине с удовлетворением встретили отставку М. М. Литвинова. Представляется, что это связано с закоренелым антисемитизмом Гитлера и его окружения. Замена Литвинова Молотовым, который, как подчеркивал временно заменявший Шуленбурга советник Типпельскирх в своем донесении в Берлин, не был евреем, видимо, произвела определенное впечатление в высших нацистских сферах[14].

Таким образом, не следует ни недооценивать, ни переоценивать изменения, происшедшие в мае 1939 г. в высшем эшелоне Народного комиссариата иностранных дел СССР. Ключи к советской внешней политике, как и прежде, прочно держал в своих руках И. В. Сталин.

18 марта, то есть сразу после захвата гитлеровцами Чехословакии, СССР, учитывая растущую угрозу странам Восточной и Юго-Восточной Европы, предложил немедленно созвать конференцию заинтересованных государств — Великобритании, Франции, Польши, Румынии и СССР[15]. По этому предложению начались переговоры по дипломатическим каналам.

Реакция гитлеровской дипломатии последовала иезамедлительно. Риббентроп вызвал своего советника П. Клейста, который считался специалистом по Советскому Союзу и Восточной Европе, и дал ему указание о подготовке предложения по ослаблению напряженности в отношениях с Советским Союзом[16]. 8 апреля Клейст засел за работу.

16 апреля в Берлине прозвучал сигнал тревоги: в этот день в Москве начались англо-франко-советские переговоры. Уже иа следующий день Советский Союз внес свои конкретиые предложения. Суть их заключалась в следующем:

– Советский Союз, Англия и Франция заключают между собой соглашение сроком иа 5 – 10 лет о предоставлении друг другу взаимной помощи, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств;

– Советский Союз, Англия и Франция обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств;

– Советский Союз, Англия и Франция в короткий срок устанавливают размеры и формы военной помощи, оказываемой в обоих случаях, упомянутых выше.

16 апреля, в день открытия московских переговоров, Геринг, находившийся с визитом в Италии, заявил Муссолини, что он немедленно поставит перед Гитлером вопрос о возможности иормализации отиошений с Россией.

17 апреля посол А. Ф. Мерекалов посетил статс-секретаря германского МИД Э. Вейцзекера и вручил ему ноту рутинного содержания: советская сторона просила срочно устранить помехи, чинимые иемецкими властями в Чехословакии, и обеспечить выполнение фирмой "Шкода" своих договориых обязательств перед СССР. Никаких других указаний посол не имел. Это и отражено в телеграмме А. Ф. Мерекалова в Москву, посланной иа следующий день[17].

Текст этой телеграммы значительио отличается от записи беседы той же встречи, которую сделал Э. Вейцзекер[18]. Во-первых, в ней утверждается, что посол якобы впервые с момента своей аккредитации (это произошло 5 июня 1938 г.) попросил встречи со статс-секретарем. В действительности они уже встречались, и иа этот раз именно Э. Вейцзекер (а не кто-нибудь чином пониже) приеял советского посла по прямому указанию Риббентропа. Со стороны Берлина явио ощущалось стремление подчеркнуть высокий уровень и зна-

чение этой советско-германской встречи, чего на самом деле не было. Во-вторых, Э. Вейцзекер в конце отчета об этой беседе приписал советскому полпреду большой абзац, касающийся заинтересованности СССР в нормализации отношений с Германией. В связи с интересом, проявляемым к нему западными исследователями советско-германских отношений, приведем его полностью:

"Политика Советского Союза всегда последовательна. Идеологические разногласия вряд ли влияли на советско-итальянские отношения, они не должны стать камнем преткновения и в отношениях с Германией. Советский Союз не использовал существующих между Германией и западными странами трений и не намерен их использовать и в будущем. С советской точки зрения, нет причин, которые могли бы помешать нормальным взаимоотношениям с нами. А начиная с нормальных, отношения могут становиться все лучше и лучше. Этим замечанием, к которому Мерекалов подвел разговор, он и закончил встречу".

Самое пикантное заключается в том, что А. Ф. Мерекалов ничего подобного не говорил*. Видимо, заместитель Риббентропа вложил в уста советского посла то, что очень хотелось услышать Гитлеру. И запись беседы Э. Вейцзекера пошла на самый "верх".

5 мая временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов представил в МИД нового представителя ТАСС в Берлине И. Д. Филиппова. В ответ на замечание шефа отдела печати Б. Штумма о том, что немецкая пресса смягчила тон своих высказываний в отношении Советского Союза, но взаимности не наблюдается, Г. А. Астахов заявил, что Москва пока не имеет "никаких оснований придавать им серьезное значение, выходящее за пределы кратковременного тактического маневра"[19]. 12 мая он докладывал в Москву, что "немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений... Можно пока констатировать как несомненный факт лишь одно – это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас... При желании можно было бы причислить к числу симптомов улучшения такие моменты, как полное удовлетворение немцами наших претензий по поводу

* Примечательно, что при следующем посещении германского МИД советским дипломатом 5 мая речь шла исключительно о выполнении советских заказов на фирме "Шкода".

заказов у "Шкоды"... Но, отмечая эти моменты, мы конечно, не можем закрывать глаза на их исключительно поверхностный, ни к чему не обязывающий немцев характер... Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было в данной стадии относиться достаточно серьезно"[20].

В Москве было очевидно, что маневры Берлина направлены на то, чтобы затруднить достижение соглашения на англо-франко-советских переговорах в Москве, а "поверхностный", по словам Г. А. Астахова, характер этих маневров объяснялся тем, что в Берлине, где были хорошо информированы о ходе переговоров, знали о возникших на них серьезных трудностях.

Только через три недели, в течение которых угроза новой мировой войны еще более возросла, в Лондоне сформулировали свой ответ на советские предложения от 17 апреля. От Советского Союза требовалось в одностороннем порядке взять на себя обязательство в случае вовлечения Англии и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств перед Польшей и Румынией оказать содействие, "если это окажется желательным". Никаких обязательств Англии и Франции в отношении Советского Союза не предусматривалось. Ясно, что такая позиция западных держав не могла способствовать созданию единого фронта сопротивления гитлеровской агрессии. На это со всей определенностью и было указано Советским правительством в его ответе, который был дан западным странам 14 мая[21].

15 мая, то есть еще до того, как ответ Москвы западным странам стал известен в Берлине, Г. А. Астахова пригласили в МИД якобы для того, чтобы обсудить с К. Ю. Шнурре один из многих вопросов, возникших в связи с захватом гитлеровцами Чехословакии, – вопрос о статусе советского торгового представительства в Праге. Советская сторона хотела оставить его в качестве филиала советского торгпредства в Берлине. Однако К. Ю. Шнурре, как сообщал советский дипломат в Москву, "затрагивает тему об улучшении советско-германских отношений", заверяет "об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных намерений в отношении СССР"[22]. Как свидетельствует запись, сделанная самим К. Ю. Шнурре, он видел свою задачу в том, чтобы прозондировать советскую оценку хода переговоров с западными странами в Москве. "При нынешних условиях, – якобы сообщил ему по этому поводу Г. А. Астахов, – желательные для Англии результаты

едва ли будут достигнуты"[23]. И вновь, как это уже было в случае с Э. Вейцзекером, немецкий дипломат в своей записи беседы приписывает очень осторожному и опытному советскому дипломату слова, которые не находят подтверждения в имеющемся в архиве МИД СССР отчете самого Г. А. Астахова, в соответствии с которым он заявил следующее: "В вопросах международной политики у Германии и Советского Союза нет противоречий, и поэтому нет причин для вражды между двумя странами. Правдой является то, что Советский Союз явно чувствовал угрозу со стороны Германии. Но, конечно, имеется возможность расстроить это ощущение угрозы и недоверие Москвы"[24].

Завершающим аккордом первой фазы германских зондажей в отношении политики Советского Союза явилась беседа В. М. Молотова с Ф. Шуленбургом, состоявшаяся во второй половине дня 20 мая в здании НКИД на Кузнецком мосту. В. М. Молотов впервые после назначения на пост наркома принял немецкого посла по его просьбе. Шуленбург говорил по-французски. В. М. Молотову, не владеющему иностранными языками, переводил его помощник Б. Ф. Подцероб. Значительная часть часовой беседы ушла на перевод.

Посол поставил вопрос о возможности посылки в Москву К. Ю. Шнурре для переговоров с А. М. Микояном по финансово-экономическим вопросам[25]. На это посол получил жесткий и определенный ответ: "О приезде Шнурре в Москву мы слышим не в первый раз. Шнурре уже выезжал в Москву, и его поездка все же была отложена. Экономические переговоры с Германией за последнее время начинались не раз, но ни к чему не приводили... У нас создается впечатление, что Германское правительство вместо деловых экономических переговоров ведет своего рода игру; что для такой игры следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не Правительство СССР. СССР в игре такого рода участвовать не собирается... Для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база"[26]. Ф. Шуленбург пытался ухватиться за последние слова наркома и выяснить, что понимается под словами "соответствующая политическая база". В ответ В. М. Молотов заявил, что над этим должны подумать оба правительства. После этого В. М. Молотов замолк и не произнес больше ни слова. Шуленбургу было ясно, что советская дипломатия нацелена на достижение договоренности не с Германией, а с Англией и Францией. Взволнованный неудачей зондажа, он кинулся

к В. П. Потемкину, чтобы выяснить "ход мыслей" наркома. Но тот ответил, что "он ничего не может добавить к заявлению Молотова, который говорил от имени Советского правительства".

В письме Э. Вейцзекеру 5 июня Ф. Шуленбург был вынужден признать: "В Берлине создалось впечатление, что господин Молотов в беседе со мной отклонил германо-советское урегулирование"[27].

Недовольный медлительностью немецкой дипломатии, Гитлер принял решение ускорить ход событий. 25 мая Э. Вейцзекера и заведующего договорно-правовым отделом министерства иностранных дел Ф. Гауса срочно вызвали в загородную виллу Риббентропа в Зонненберге. Как показал Ф. Гаус на Нюрнбергском процессе, где он выступал в качестве свидетеля, Риббентроп сообщил им: фюрер уверен, что англо-русские переговоры будут успешно завершены, если Германия не вмешается решительным образом. Поэтому фюрер хочет "установить более терпимые отношения между Германией и Советским Союзом". Тут же Риббентроп, Вейцзекер и Гаус набросали проект указаний Шуленбургу, которому предлагалось "как можно скорее" встретиться с В. М. Молотовым и изложить ему новую линию Берлина исходя из того, что фюрер хочет установить более терпимые отношения между Германией и Советским Союзом. Шуленбургу предлагалось заявить: "Между Германией и Советским Союзом не существует столкновения интересов в международных делах... Настало время рассмотреть вопрос об оздоровлении и нормализации германо-советских отношений... Если вопреки нашему желанию начнутся военные действия с Польшей, то даже это, по нашему твердому убеждению, не должно привести к столкновению интересов с Советским Союзом. Мы можем сегодня, более того, заявить, что при решении германо-польского вопроса – в какой бы форме это ни произошло – русские интересы по возможности будут учтены". Далее Шуленбургу следовало подчеркнуть опасность, вытекающую для Советского Союза в случае достижения соглашения о союзе с Англией: "Мы не можем понять, что реально может побудить Советский Союз активно участвовать в английской политике окружения Германии... Это означало бы принятие Советским Союзом на себя односторонних обязательств без действительно равноценных обязательств с английской стороны. Англия не в состоянии, даже если это будет записано в договоре, оказать Советскому Союзу действенную взаимную помощь...

Поэтому мы убеждены, что Англия остается верна своей традиционной политике – предоставлять другим странам таскать для себя каштаны из огня"[28]. Шуленбург должен был заявить Молотову, что Германия не имеет "агрессивных намерений" против Советского Союза и, более того, готова обсудить с Советским Союзом не только экономические вопросы, но и "возвращение к нормальным политическим отношениям".

26 мая проект директив Шуленбургу был представлен на рассмотрение Гитлеру. И, к удивлению Риббентропа, не был им утвержден. По мнению Ф. Гауса, на фюрера произвело впечатление оптимистическое заявление Чемберлена накануне в палате общин, когда английский премьер-министр сообщил, что в результате новых английских предложений он надеется на возможность достижения широкого соглашения с Советским Союзом "в скором времени". И в силу этого фюрер боялся нарваться в Москве на отказ[29].

Представляется, что Гаус, находившийся к моменту своего заявления в 1946 г. в английском плену, решил приукрасить позицию Англии на переговорах и навести тень на ясный день.

Архивные документы проясняют мотивы поведения Гитлера. Позиция Н. Чемберлена, не желавшего заключать какое-либо равноправное соглашение с Советским Союзом, ему была хорошо известна. Заявление Н. Чемберлена в парламенте, и это тоже понимал Гитлер, было политической игрой с целью, с одной стороны, припугнуть фюрера возможным соглашением с Советским Союзом и тем самым побудить его пойти на сговор с Англией*, а с другой стороны – попытаться утихомирить своих политических оппонентов в Англии, требовавших заключения эффективного соглашения о взаимопомощи с Советским Союзом. В этой ситуации, считал Гитлер, слишком далеко идущие авансы Советскому Союзу могут вынудить Чемберлена все-таки пойти на столь ненавистное ему соглашение с Советским Союзом. Сомнения Гитлера разделял и посол Шуленбург. "Существует опасность того, – писал он 5 июня Э. Вейцзекеру, – что Советское правительство использует германские предложения для давления на англичан и французов"[30]. На следующий день, 27 мая, Вейцзекер на-

* 13 – 15 мая в Берлине находился посланец Н. Чемберлена, видный деятель консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольф, который предложил широкую программу англо-германского экономического сотрудничества.

правил Шуленбургу шифротелеграмму, в которой рекомендовал придерживаться "позиции полной сдержанности: вы лично не должны предпринимать никаких шагов до следующего указания".

Вслед за телеграммой Вейцзекер отправил письмо, в котором разъяснял, что в Берлине полагают, что "англо-советское соглашение будет не так легко предотвратить", и высказывал опасение, что решительная попытка Германии помешать этому "вместо пользы может причинить вред, а то и вызвать в Москве взрыв язвительного хохота"[31].

Но время поджимало гитлеровцев. Подготовка к агрессивной войне вступала в завершающую фазу. В докладе, представленном нацистскими экспертами германскому правительству в мае 1939 г., констатировалось, что "в настоящее время военная и военно-экономическая сила стран оси – Германии и Италии – по их готовности и мощи первого удара превосходит силы западных держав". 22 мая Германия и Италия заключили "Стальной пакт", по которому обязались "совместными силами выступать за обеспечение своего жизненного пространства"[32].

Окончательные установки в отношении предстоящей войны с западными странами были даны Гитлером на следующий день после заключения военного пакта с Италией – 23 мая 1939 г. В этот день в имперской канцелярии состоялось секретное совещание высших военных руководителей рейха. "Проблему Польши, – заявил Гитлер, – нельзя отделить от войны против Запада... Англия стоит на пути нашей гегемонии. Англия должна быть лишена мощи. Англия – наш враг, и борьба с ней будет вестись не на жизнь, а на смерть". Задача сухопутных сил состоит в том, указывал Гитлер, чтобы дать возможность флоту и авиации занять удобные позиции для атаки на Англию. Для этого необходимо разгромить Францию. Гитлеровцы намеревались также захватить Нидерланды и Бельгию, не принимая во внимание заявлений этих стран о нейтралитете. Гитлер закончил совещание словами: "Нашей целью было, есть и будет: поставить Англию на колени"[33].

В этой ситуации "проблема Советского Союза" приобретала для гитлеровцев первостепенное значение. "Фактором, тормозящим безусловно имеющиеся агрессивные устремления Германии в отношении Польши, является Советский Союз, – сообщал 25 мая немецкий информатор, советник посольства Германии в Польше Р. Шелия. – По мнению влиятельных берлинских кругов, в настоящее время вопрос о

позиции Советского Союза вообще является самым важным вопросом"[34].

Вечером 27 мая в Берлине получили сообщение, что английский посол в Москве У. Сидс вручил В. М. Молотову новый проект соглашения между СССР, Англией и Францией об оказании совместного противодействия агрессии в Европе. В Берлине вновь решили срочно активизировать свою политику. "Международная обстановка, – писал Г. А. Астахов в этот день в Москву, – толкает немцев в эту сторону"[35].

30 мая по указанию Гитлера Вейцзекер срочной телеграммой дает Шуленбургу новые директивы: "Вопреки планируемой до настоящего момента тактике мы сейчас в конце концов решили установить определенный контакт с Советским Союзом"[36].

В тот же день Вейцзекер пригласил Г. А. Астахова на Вильгельмштрассе. "Перед нами, – заявил заместитель Риббентропа, – встает вопрос о политических отношениях между Германией и СССР в целом. Вы знаете, мы не любим коммунизм и покончили с ним внутри страны. Мы не ожидаем, что в Москве вдруг полюбят национал-социализм. Но идеологические разногласия не должны мешать нам поддерживать нормальные политические отношения и улучшать их". Немецкий дипломат пытался и запугивать советского посла: "Если СССР хочет встать на сторону противников Германии, то Германское правительство... готово к тому, чтобы быть противником". Г. А. Астахов, помня инструкцию Москвы – проявлять максимальную сдержанность и не давать Германии возможности спекулировать на "улучшении отношений с Советским Союзом", – заявил, что у Советского правительства укоренилось, и вполне обоснованно, недоверие к политике Германии[37].

Точки над "i" были поставлены. На следующий день, 31 мая, выступая впервые в качестве наркоминдела с докладом о международном положении и внешней политике СССР на сессии Верховного Совета СССР, В. М. Молотов подчеркнул: "Наши задачи в современной международной обстановке... идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав"[38].

В течение многих недель летом 1939 г. в советско-германских отношениях никаких позитивных сдвигов не произошло, несмотря на попытки немецкой стороны сдвинуть их с мерт-

вой точки. Причем, как отмечалось иа Съезде народных депутатов СССР, "тщательное прочтение документов обнаруживает довольно простую игру. Берлин "обхаживал" нас или, наоборот, отзывал свои авансы в точном соответствии с каждым поворотом в ходе англо-франко-советских переговоров"[39]. Эта игра немецкой дипломатии отчетливо просматривалась в Москве. К тому же советское руководство владело достоверной информацией о закулисиых контактах, которые поддерживались в тот период между Берлином и Лондоном. Сказалось и глубокое иедоверие Сталина к Гитлеру, которое было отнюдь ие меньшим, чем его иедоверие к "мюнхенцам" – Чемберлену и Даладье. Сталин вряд ли обманывался насчет их действительиых намерений, ио опасался упустить возможный шанс договориться. Впоследствии (7 сентября 1939 г.) Сталин, беседуя с Георгием Димитровым в присутствии Молотова и Ждаиова, заметил: "Мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели иметь иас в батраках и притом иичего ие платить! Мы, конечно, ие пошли бы в батраки и еще меньше, ничего ие получая"[40].

Не теряя иадежды иа успех англо-фраико-советских переговоров, Москва оставляла без внимаиия зондажи Берлина. Видимо, ие случайно все лето в Берлине ие было ни советского полпреда, ни торгпреда. Оба находились в "длительном отпуске".

С иемецкой стороны в этот период главным действующим лицом, как правило, выступал посол Ф. Шуленбург. Ои даже разработал и представил Риббентропу целую программу улучшения отиошеиий с СССР. Она предусматривала не только широкие экономические соглашения, но и возможность заключения пакта о иенападении, гарантироваиие обеими странами иезависимости прибалтийских государств, то есть фактический отказ от экспансии Германии в Прибалтику, и даже содействие Германии в урегулировании советско-японских отношений[41].

17 июня 1939 г. вызванный Риббентропом в Берлин Шуленбург встречается с Г. А. Астаховым и от имени шефа без обиняков заявляет, что "атмосфера для улучшения отношений назрела". Нужен лишь позитивный сигнал с советской стороны. Однако его ие последовало. А. И. Микоян встретился в этот же день в Москве с советником германского посольства Г. Хильгером, который передал ему меморандум о согла-

сии германского правительства командировать в Москву Шнурре, снабдив его полномочиями для ведения переговоров о расширении и углублении экономических взаимоотношений между Германией и Советским Союзом. Нарком вновь подтвердил советскую точку зрения: "Опасность превращения переговоров в политическую игру остается и сейчас, а мы против игры"[42].

28 июня 1939 г., вернувшись в Москву, Шуленбург записывается на прием к наркому иностранных дел. "Германское правительство, — заверяет посол в ходе беседы с В. М. Молотовым, — желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР". И добавляет, что он делает это заявление по поручению Риббентропа и оно получило личное одобрение Гитлера. В ответ нарком напомнил об "антикоминтерновском пакте" и других шагах германского руководства, противоречащих советско-германскому договору 1926 г. Стушевавшись, Шуленбург смог лишь сказать, что "не следует возвращаться к прошлому"[43].

Во время беседы немецкий посол пытался представить в качестве дружественного шага по отношению к Советскому Союзу заключение Германией пактов о ненападении с прибалтийскими государствами — Латвией и Эстонией. В ответ было заявлено, что это осуществлено в интересах самой Германии и "не имеет прямого отношения к СССР". Что касается действенности этих договоров, то она весьма сомнительна, учитывая опыт Польши, договор о ненападении с которой был разорван немцами в одностороннем порядке в апреле 1939 г.[44]

Внезапно на следующий день, 29 июня, Гитлер приказывает прервать переговоры с русскими, в том числе и по экономическим вопросам. В тот же день Шуленбург получает указание Риббентропа: немецкой стороной "в политической области сказано достаточно", больше инициативы пока не проявлять[45].

После этого в советско-германских дипломатических отношениях наступила продолжительная пауза, длившаяся целый месяц — до конца июля. Шуленбург не пытался встретиться с кем-либо из советского руководства, Г. А. Астахова, по-прежнему заменявшего отсутствующего полпреда, не приглашали на Вильгельмштрассе. Представляется, что дело не только в известном разочаровании Берлина сдержанной советской реакцией на немецкие зондажи. Главная причина в другом. К тому времени стало очевидно, и Гитлер об этом был хорошо информирован, что в ходе московских перего-

воров Советский Союз н западные страны зашлн в тупнк в вопросе о гарантиях безопасности прибалтнйских государств. Именно этот вопрос Лондон избрал для саботажа переговоров.

По предложенному английской стороной проекту договора о взаимной помощи в случае нападения Германии на прибалтийские государства – Лнтву, Латвию, Эстонию и Фннляндию (а это при отсутствии общей советско-германской границы был самый опасный и вероятный для СССР варнант гитлеровской агрессни) – немедленной, автоматической помощи этим странам со стороны Англии и Франции не предусматривалось. Помощь могла быть оказана лишь при условии, если в результате консультаций действия Германии будут признаны угрожающими независимости и нейтралнтету прибалтийских государств, а также если это составнт угрозу безопасности СССР. Для определения, имеются эти условия в наличии или нет, решающее слово оставалось за Англией и Францией. Такая формулировка давала западным державам возможность затягивать консультации, а затем и просто саботировать предоставление конкретной военной помощи прибалтийским странам.

Обсуждение этого вопроса еще более осложннлось тем, что в 1939 г. Эстония и Латвия заключили с Германией "дружественные" договоры о ненападении. Начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Ф. Гальдер и начальник абвера (гитлеровской военной разведки) адмирал В. Канарис тайно посетили эти страны. Начальник штаба эстонской армии генерал Рэк поднял вопрос о том, какую роль могла бы сыграть его страна в заблокировании совместно с гитлеровцами советского флота в Финском заливе. Прогерманскую позицию занимало также правительство Фннляндии. Вопреки воле народов Прибалтики правящие круги этнх стран были готовы пойти на сговор с Гитлером.

Возникла реальная угроза "косвенной агрессни": переход власти в этих государствах в руки прямых ставленников Гитлера мог бы создать такую ситуацию, при которой Прибалтика была бы превращена в коридор для беспрепятственного продвижения гитлеровского вермахта к северо-западным рубежам Советского Союза. Опасность такой угрозы для Советского Союза понимали не только в Москве, но и в столицах западных стран. Тем не менее англо-французская сторона упорно отказывалась принять ясное и четкое определение

"косвенной агрессии". Переговоры по вине Лондона и Парижа заходили в тупик, и это учитывалось в Берлине.

Учитывали в Берлине и другой факт. Чтобы выйти из тупика на переговорах, В. М. Молотов пригласил в Москву министра иностранных дел Великобритании лорда Э. Галифакса. Однако тот не принял приглашения, и вместо него в Москву был послан чиновник Форин офис У. Стрэнг. "Г-н Невил Чемберлен, лорд Галифакс... не желают союза с Россией" – так прокомментировал этот факт известный английский политический деятель Д. Ллойд Джордж. Это было понятно и Гитлеру. Поэтому он и дал команду, причем в довольно резкой форме, приостановить попытки зондажа в отношении Москвы. "Основным моментом, интересующим германскую верхушку, – докладывал 19 июля Г. А. Астахов в Москву, – является вопрос об исходе наших переговоров с Англией и Францией"[46].

Новый взрыв активности Берлина был непосредственно связан с сообщением о том, что 23 июля правительства Англии и Франции приняли советское предложение – начать с Советским Союзом военные переговоры и направить для этой цели в Москву военные миссии*. Период с 26 июля по 3 августа – принципиально важный рубеж. "Имеиио в этот период, – отмечалось на II Съезде народных депутатов СССР, – происходит активизация контактов на всех направлениях – и по объему, и по содержанию. Именно в это время нарастает давление предварительных позиций и реальных обстоятельств, подводивших к необходимости конечного выбора: быть договореиности или не быть? Если быть, то с кем? С западными демократиями или фашистской Германией?

Именно в это время в политическую игру вводятся те ее "азартные" элементы, которые соответствовали психологии главных действующих лиц..."[47].

Реакция Берлина на возможные подвижки на тройственных переговорах в Москве была незамедлительной. В соответствии с личной директивой Риббентропа К. Ю. Шнурре пригласил Г. А. Астахова и заместителя торгпреда Е. И. Бабарина поужииать 26 июля в фешенебельном ресторане "Эвест". Ужин, начавшийся в отдельном кабинете в 8 часов

* Возможно, на позицию Лондона и Парижа повлияло опубликованное накануне, 22 июля, сообщение Народного комиссариата внешней торговли СССР о том, что в Москве возобновлены советско-германские переговоры о торговле и кредите.

вечера, затянулся за полночь. Шнурре развернул тщательно подготовленную в МИД программу советско-германского сотрудничества, состоявшую из трех этапов.

На первом этапе восстанавливается сотрудничество в экономической области путем заключения кредитного и торгового договора. На втором этапе нормализуются политические отношения, устанавливаются взаимно уважительные отношения в сфере печати, науки, культуры. Астахов мог бы официально участвовать в Днях германского искусства в Мюнхене, а немецкая делегация была бы приглашена на сельскохозяйственную выставку в Москве. На третьем этапе между Германией и Советским Союзом будут восстановлены хорошие политические отношения либо путем подтверждения Берлинского договора 1926 г., либо путем заключения "нового соглашения, которое примет во внимание жизненные интересы обеих сторон".

Излагая эту программу, Шнурре попытался снять геополитические и идеологические помехи на пути возможного улучшения советско-германских отношений. Он заявил, что между обеими странами "во всем районе от Балтийского моря и до Черного моря и Дальнего Востока нет неразрешимых внешнеполитических проблем", что Германия отказалась от всяких посягательств на Украину, а германская политика в Румынии и Прибалтике ни в коем случае не нарушает интересов Советского Союза. Касаясь идеологических противоречий, Шнурре заявил, что "слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов (Полтавской битвы, Петра Первого, битвы на Чудском озере, Александра Невского), изменило интернациональный характер большевизма, особенно с тех пор, как Сталин отменил на неопределенный срок мировую революцию"[48].

Немецкий дипломат без обиняков сказал и о цене, которую должен был заплатить Советский Союз за нормализацию отношений с Германией, – отказ от заключения с западными странами тройственного соглашения на военных переговорах в Москве. Опасаясь, что "Советский Союз сделает свой выбор и встанет вместе с Англией", Шнурре настаивал на скорейшем поиске путей к достижению взаимопонимания между Советским Союзом и Германией. "Что может предложить Англия России? Самое большее – участие в европейской войне, вражду с Германией, но ни одной устраивающей Россию цели, – слово в слово повторял Шнурре директиву,

данную ему Риббентропом. – С другой стороны, что можем предложить мы? Нейтралитет и невовлечение в возможный европейский конфликт и, если Москва этого пожелает, советско-германское понимание взаимных интересов". При этом немецкий дипломат подчеркнул, что "именно такой точки зрения придерживается имперский министр иностранных дел, который в точности знает мысли фюрера"[49].

Даже из записи беседы, принадлежащей перу ее немецкого участника, ясно, что советская сторона на немецкие авансы не среагировала. "Москва не совсем верит в изменение германской политики в отношении Советского Союза... После заявлений русских у меня создалось впечатление, что Москва еще не решила, что она хочет сделать", – докладывал Шнурре Риббентропу. "Ограничиваясь выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно"[50], – одобрил действия Астахова В. М. Молотов в телеграмме, направленной в Берлин 28 июля.

Однако опытный дипломат Г. А. Астахов, тщательно проанализировав все сказанное ему Шнурре, пришел к выводу, что было бы не лишним "втянуть немцев в далеко идущие переговоры", что это позволит "сохранять в своих руках козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться". Именно в этом духе он и составил письмо заместителю наркома иностранных дел В. П. Потемкину, которое отправил дипломатической почтой 27 июля[51].

В Москве также тщательно изучали запись беседы Астахова со Шнурре, анализировали далеко идущие предложения немецкой стороны в свете той ситуации, которая сложилась на англо-франко-советских переговорах. Хотя 23 июля Англия и Франция дали согласие на ведение переговоров военных миссий, но приступать к началу переговоров они не спешили. В то же время Москва имела достоверные данные о том, что Чемберлен активно готовит соглашение с Германией, "новый Мюнхен", на этот раз за счет Польши.

Не переговоры, а видимость переговоров – вот что устраивало и Лондон, и Париж. Соответственно был подобран и состав военных миссий. Английскую делегацию возглавил престарелый адмирал Р. Дракс – начальник военно-морской базы в Портсмуте. До этого он был известен лишь публичными призывами к войне против СССР. Убийственную характеристику дал ему американский историк Уильям Ширер: "По своим данным Дракс был абсолютно неспособен вести на высоком уровне переговоры с русскими, которых он считал

пришельцами с другой планеты"[52]. Французскую делегацию возглавил бригадный генерал Жозеф Думенк. Даже далекий от симпатий к Советскому Союзу У. Стрэнг сообщал в Лондон Галифаксу, что Советское правительство такой состав западных миссий "сочтет за оскорбление".

Можно согласиться с мнением советского историка В.Я. Сиполса: "Ввиду нежелания Англии, Франции и Польши сотрудничать с СССР в отпоре агрессии сохранить мир во всей Европе становилось невозможным. Но положение сложилось так, что Германия, собираясь начинать войну, сама была заинтересована в том, чтобы СССР оставался в стороне от этой войны. Это открывало перед нашей внешней политикой некоторые возможности"[53].

В такой обстановке 28 июля, то есть после получения телеграммы от Астахова о его встрече со Шнурре, советским руководством было принято решение, серьезно изменившее характер советско-германских дипломатических отношений: оно соглашалось вступить в переговоры с Берлином с целью использовать их как своеобразный "козырь", элемент давления на западные страны, чтобы подтолкнуть их на заключение эффективного соглашения с Советским Союзом. Был ли этот расчет Сталина оправдан? Возникают большие сомнения на этот счет. Ведь в Лондоне, узнав о советско-германском флирте и напуганные им, "мюнхенцы" во главе с Чемберленом могли сделать единственный кажущийся им разумным вывод: надо усилить попытки сговора с Гитлером. Это, как мы увидим далее, и было предпринято, но без успеха.

Как бы то ни было, решение Москвой было принято. И утром 29 июля, всего лишь 5 часов спустя после телеграммы, одобрившей осторожность в поведении Астахова, В. М. Молотов отправляет ему новую телеграмму. Видимо, в этот промежуток времени Сталин и принял решение. "Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения, — говорилось в ней. — В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав. Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. До недавнего времени немцы занимались тем, что только ругали СССР, не хотели никакого улучшения политических отношений с ним и отказывались от участия в каких-либо конференциях, где представлен СССР. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они пред-

ставляют конкретно это улучшение... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы"[54].

Таким образом, шлагбаум на пути советско-германских переговоров Москвой был поднят. Однако если Москва, вступая в переговоры, явно тянула, стремясь выиграть время, в Берлине торопились: до назначенного Гитлером срока нападения на Польшу – 1 сентября – оставался лишь месяц. Пока английская и французская военные миссии "укладывали чемоданы", а затем 5 августа наконец отправились в СССР на старом тихоходном товарно-пассажирском пароходе "Сити оф Эксетер", немцы времени зря не теряли. 31 июля статс-секретарь германского МИД шлет Шуленбургу срочную шифровку, настаивая на немедленной встрече с В. М. Молотовым.

2 августа Риббентроп пригласил к себе Астахова и предложил строить дальнейшие двусторонние отношения на принципах невмешательства во внутренние дела и отказа от политики, направленной против жизненных интересов другой стороны. Но самое интересное и важное было впереди. Риббентроп заявил, что в отношении территорий между Балтийским и Черным морями нет проблемы, которую нельзя было бы решить. На Балтике хватит места для обеих стран, и здесь русские интересы ни в коем случае не приходят в противоречие с немецкими. Было особо подчеркнуто, что Германия готова, в отличие от западных стран, вести переговоры серьезно, без тактических ухищрений[55]. Если отбросить дипломатический флер рассуждений нацистского министра, то становится очевидным, что это был недвусмысленный призыв к разграничению сфер государственных интересов Германии и Советского Союза в Восточной Европе.

После встречи с Астаховым Риббентроп, обычно лично не занимавшийся перепиской с послами и доверявший это дело статс-секретарю Вейцзекеру, отправил за своей подписью срочную телеграмму Шуленбургу. Ему предлагалось заявить Молотову, что Берлин желает строить отношения с Советским Союзом "на новой и прочной основе". В более развернутой телеграмме Вейцзекера предлагалось в случае, если Молотов "официально подтвердит желание советской стороны о новом развитии (советско-германских отношений. – *Г. Р.*), можно перейти к конкретному обсуждению проблем"[56].

Еще более насыщенным стал следующий день – 3 августа. И в Берлине, и в Москве немецкая дипломатия пыталась

форсировать развитие событий. Утром Шнурре посетил Астахова и в развитие вчерашнего заявления Риббентропа выразил пожелание немцев перейти к конкретному обсуждению вопросов, которые интересуют Советский Союз[57]. Обсуждение, заявил он, "целесообразно вести в Берлине, так как им непосредственно интересуются Риббентроп и Гитлер"[58].

В тот же день после обеда Шуленбург по указанию из Берлина посетил Молотова. Хотя просьба о визите поступила в Кремль только утром, она впервые в практике советско-германских отношений за последние годы была удовлетворена в тот же день. Более того, как отметил немецкий посол, в беседе, длившейся более часа, Молотов "отказался от обычной сдержанности и казался необычно откровенным".

Посол повторил основные тезисы заявления Риббентропа Астахову, особо подчеркнув желание немецкой стороны как можно быстрее определиться по польской проблеме и Прибалтике. "Жизненным интересам СССР в прибалтийских странах Германия не будет мешать, – заявил посол. – Что касается германской позиции в отношении Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо, противоречащее интересам СССР". Он дал понять, что в случае советско-германской договоренности по восточноевропейским вопросам Германия не будет "одобрять Японию в ее планах против СССР"[59]. Таким образом к возможной советско-германской договоренности добавлялся еще один чрезвычайно важный для Советского Союза пункт.

Не отвергая возможности дальнейших переговоров с Германией, В. М. Молотов, к глубокому разочарованию Шуленбурга, дал понять, что это не снижает для СССР важности заключения оборонительного соглашения с западными странами. "Оставаясь верным своей последовательно миролюбивой политике, – заявил он, – СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться безразлично"[60].

Сообщая в Берлин об этой беседе, Шуленбург писал, что, хотя "из всего поведения М. вытекала большая готовность к улучшению германо-советских отношений, все же продолжает существовать старое недоверие в отношении Германии. Мое общее впечатление состоит в том, что Советское правительство в настоящее время полно решимости заключить соглашение с Англией и Францией, если те выполнят все советские пожелания"[61].

На следующий день, 4 августа, Астахову были даны указания: по вопросу об улучшении отношений продолжать лишь

общий обмен мнениями, что касается конкретных вопросов, то их обсуждение будет зависеть от исхода торгово-кредитных переговоров[62].

Однако ресурс времени, отпущенный советскому руководству для принятия окончательного решения, был уже почти полностью исчерпан. 7 августа на стол Сталину легло донесение: "Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа, и начиная с 20 августа следует считаться с началом военной акции против Польши"[63]. Не надо было быть провидцем для того, чтобы представить дальнейшее развитие событий. Отмобилизованному вермахту понадобится какой-нибудь месяц, чтобы разгромить и оккупировать Польшу и выйти на западные рубежи Советского Союза. А что дальше? Угроза нацистского вторжения воспринималась советским руководством как вполне вероятная. Правда, в Москве знали, что в немецком генштабе в августе 1939 г. еще не было готового плана боевых действий против Советского Союза, как это имело место в отношении Польши, но знали также и то, что для генштабистов рейха требовались лишь недели, чтобы превратить концептуальные указания Гитлера в оперативные директивы вермахту.

Глубокую тревогу вызывала и возможная позиция западных стран в случае германо-советского вооруженного конфликта. Из Лондона поступило сообщение, что хотя адмирал Дракс с членами английской военной миссии и сел 6 августа на пароход, отправлявшийся в Советский Союз, но никаких полномочий на заключение военной конвенции ему дано не было. Более того, Галифакс дал четкое указание затягивать переговоры до октября...

Группа антифашистов, действовавшая в германском министерстве авиации, передала 8 августа сообщение чрезвычайной важности. Чемберлен отнюдь не отказался от идеи решать "польскую проблему" путем "нового Мюнхена", то есть нового сговора с западными странами за спиной Советского Союза и в ущерб его государственным интересам. В донесении сообщалось, что ключевой фигурой в затеянной Лондоном дипломатической игре с немецкой стороны являлся "наци номер два" – Герман Геринг. Под предлогом, что он хочет посетить свою семью, отдыхавшую на острове Зильт, специальный поезд Геринга прибыл на станцию Бредстедт в Шлезвиг-Гольштейне. Отсюда Геринг отправился на автомашине в поместье Зёнке-Ниссен-Коог. Здесь он встретился со

шведским промышленником Биргером Далерусом, который по указанию Чемберлена был уполномочен лично Галифаксом на ведение переговоров с Герингом*. После беседы, которая длилась три часа, Далерус вынес убеждение о готовности немцев на новую, подобно мюнхенской, конференцию четырех держав. Геринг направил к Гитлеру с докладом о встрече с Далерусом своего адъютанта генерала Боденшатца, но окончательное решение было принято позднее, на встрече Геринга с фюрером, состоявшейся 15 августа**.

"Конечно, – отмечает советский историк и публицист Л. Безыменский, – как умелый политик Гитлер не связывал себя безальтернативной доктриной"[64]. Как говорил сам Гитлер, для него "не существовало симпатий или антипатий"[65].

---

* Позднее в печать проникли детали предыстории этой встречи, которые подтвердили правильность и исключительную важность информации, полученной Сталиным. В 1942 г. стало известно, что Далерус подготовил досье на 54 страницах о своей посреднической деятельности между Чемберленом и Герингом в 1939 г. Это вызвало такую тревогу английского правительства, что в октябре 1944 г. оно даже приняло решение об экономическом бойкоте фирмы Далеруса, чтобы принудить его уничтожить досье. Переговоры Далеруса, бизнесмена с благообразной внешностью пастора, с Герингом начались еще 5 июля в поместье нациста Карин-холл. Он, как говорится, взяв быка за рога, предложил Герингу организовать его встречу с "влиятельными англичанами" либо в Швеции, либо на борту шведского корабля. Геринг попросил дать ему время, чтобы доложить идею встречи Гитлеру. Он просил Далеруса узнать, не согласится ли шведский промышленник Аксель Венер-Грен организовать такую встречу на борту его роскошной яхты "Southern Cross". Связались с Венер-Греном, тот сообщил, что ему известно мнение Чемберлена: если сведения о тайной англо-германской встрече в верхах проникнут в печать, это приведет к немедленному падению его кабинета. 21 июля Далерус по поручению Форин офис летит в Гамбург и встречается с Герингом в фешенебельном отеле "Атлантик". Гитлер еще не принял решения об англо-германской встрече в верхах, сообщает он шведу и добавляет: "Я уверен, что он не имеет ничего против". Далерус вылетает в Лондон, где 25 июля получает от Галифакса санкцию на продолжение переговоров с Герингом.

** Впоследствии стало известно, что в ходе беседы 7 августа Геринг открыто призывал англичан ни в коем случае не идти на заключение соглашения с Советским Союзом. "Если бы я достаточно хорошо владел английским языком, – заявил он, – я немедленно отправился бы к англичанам, чтобы открыть им глаза. Ведь если сейчас дело дойдет до войны между нами, то единственным победителем будет Сталин" (цит. по Irving D. Göring. Eine Biographie. – L., 1988. – P. 383).

Таким образом, для принятия советским руководством решения — быть или не быть серьезным переговорам с Германией о нормализации и улучшении советско-германских отношений, что настойчиво предлагали немцы, — оставались считанные дни, менее недели. Затем события могли принять для Советского Союза необратимый и крайне опасный оборот.

Но этим дело не ограничивалось. На столе у Сталина лежали сообщения с Дальнего Востока — от командования 1-й Краснознаменной армии, от комкора Г. К. Жукова, командовавшего группировкой советско-монгольских войск, разведдонесения из Маньчжурии, Японии и Китая. В них говорилось, что японцев не отрезвило поражение, нанесенное им в июле в районе Баин-Цагана на западном берегу реки Халхин-Гол в Монголии. Конфликт на Халхин-Голе принимал все большие масштабы. В первой декаде августа 1939 г. японцы сосредоточили для "генерального наступления" в составе сформированной 6-й армии под командованием генерала Камацубара 75 тыс. солдат и офицеров, 500 орудий, 18 танков, более 300 самолетов. Кто мог в начале августа с определенностью сказать, что благодаря полководческому гению Г. К. Жукова, мужеству и отваге бойцов и командиров Красной Армии через несколько недель эта японская группировка будет разгромлена наголову? До этого, как говорится, надо было еще дожить. Но в чем советское руководство было в те дни твердо убеждено, и не без оснований, так это в том, что если японцы не получат на Халхин-Голе серьезный предметный урок, то военные действия будут расширяться и дальше с перспективой их перерастания в большую войну с Японией на Дальнем Востоке. В этих условиях отказ от предложений Германии официально нормализовать и улучшить советско-германские отношения был чреват для Советского Союза войной на два фронта в самом ближайшем будущем. Принятие же предложений немцев, и это хорошо понимали в Москве, ослабляло агрессивный фашистский треугольник в его важнейшем звене Берлин — Токио.

Наконец, на столе Сталина лежало и письмо Г. А. Астахова из Берлина от 8 августа. В нем опытный советский дипломат давал оценку сложившейся в советско-германских отношениях ситуации и предлагал план дальнейших действий. "Я, разумеется, ни в малой степени не берусь утверждать, — писал Г. А. Астахов, — что, бросая подобные намеки, немцы были бы готовы всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь, что на бли-

жайшем отрезке времени они считают мыслимым пойти на известную договоренность в духе вышесказанного, чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей. Что касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы в результате этих перемен, и предугадывать которые я сейчас не берусь"[66].

Можно только удивляться прозорливости советского дипломата! Решение было за Сталиным. И оно было принято. На вечер 11 августа было назначено заседание Политбюро.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 23 АВГУСТА 1939 г.

Москва. Кремль, поздний вечер 11 августа 1939 г. Только что в кабинете Сталина закончилось заседание Политбюро. Протокола, как и всегда, не велось. Но Молотов направляется в свой кабинет и диктует помощнику Б.Ф. Подцеробу текст телеграммы Астахову для передачи германскому правительству. Ее содержание не допускает двусмысленностей и кривотолков. Во-первых, Советское правительство заинтересовано в обсуждении тех вопросов, которые были поставлены немцами: заключение торгового соглашения, культурное сотрудничество, лояльность прессы, но главное – это польский вопрос и проблема советско-германского договора. Во-вторых, предлагалось поэтапное обсуждение этих вопросов, начиная с заключения торгового соглашения. В-третьих, переговоры предлагалось проводить в Москве, и, наконец, Москва спрашивала, кто с немецкой стороны будет вести переговоры – посол в Москве, то есть Шуленбург, или "другое направленное (из Берлина. – *Г.Р.*) лицо"[1].

Телеграмма была получена Астаховым глубокой ночью. На следующее утро он поспешил в МИД, где встретился со Шнурре. Узнав о содержании полученной советским дипломатом инструкции, он только спросил, на каком этапе будет обсуждаться вопрос о Польше (ответа он не получил), наскоро попрощался с Астаховым и тут же сообщил Риббентропу эту долгожданную на Вильгельмштрассе весть из Москвы. Здесь следует сделать отступление, необходимое для понимания дальнейшего хода событий.

...Резиденция Гитлера Бергхоф в Берхтесгадене, 11 августа 1939 г. Учитывая разницу во времени, действие происходит одновременно с заседанием Политбюро в Москве. В кабинете фюрера с окном во всю стену, из которого открывает-

ся величественная панорама Альпийских гор, Гитлер принимает гостя – Карла Буркхардта, швейцарского дипломата, верховного комиссара Лиги наций в "вольном городе" Данциге. Буркхардт прибыл к Гитлеру отнюдь не как частное лицо. Получив приглашение фюрера на встречу, он тут же запросил согласия на нее министров иностранных дел – лорда Галифакса в Лондоне и Бонне́ в Париже. В ходе беседы Гитлер сделал предложение о немедленной секретной встрече одного из нацистских руководителей с Чемберленом. Стенограмма встречи показывает, что Гитлер, не получая удовлетворительного ответа из Москвы на свои предложения, был готов пойти с англичанами, причем за спиной Франции, на "новый Мюнхен" – за счет Польши.

При этом, зная о закоренелом антисоветизме Чемберлена, Гитлер решил приоткрыть завесу над своими долговременными планами. "Передайте Чемберлену, – заявил Гитлер Буркхардту, – все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может это понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами выступлю против Советского Союза"[2].

После беседы с Гитлером Буркхардт отправился в Базель, где доложил о предложении Гитлера представителю Форин офис. Однако сохранить в тайне "миссию Буркхардта" не удалось. Под сенсационными заголовками о ней сообщила французская газета "Пари-суар". Сообщалось, что швейцарец получил личное послание Гитлера для передачи Чемберлену, в нем британскому премьер-министру предлагалось принять участие в совместном походе против Советской России[3].

Так закончился этот богатый событиями день 11 августа – в Кремле и в Берхтесгадене.

Наступило 12 августа. В кабинете Гитлера гость – министр иностранных дел Италии, зять Муссолини граф Г. Чиано. Явно под влиянием своих предложений Чемберлену, переданных накануне через Буркхардта, фюрер говорит: "Я лично абсолютно убежден, что западные демократии в последний момент не пойдут на развязывание войны". На вопрос Чиано, когда начнется военная акция против Польши, Гитлер сказал: "Самое позднее – до конца августа".

Чиано замечает, что мысли Гитлера витают где-то далеко. Это и понятно: фюрер знал, что в Москве в этот день начинались англо-франко-советские переговоры военных миссий. А

вдруг англичане и французы все-таки примут советское предложение и коалиция трех держав станет фактом? Мысль о такой возможности не давала покоя нацистскому фюреру.

В этот момент беседа неожиданно прерывается. Из Берлина звонит Вейцзекер. Он зачитывает текст телеграммы из Москвы, которую только что Астахов сообщил Шнурре. Гитлер тут же сообщает Чиано: "Русские согласились на поездку в Москву немецкого политического представителя"[4]. Нельзя не признать, что Гитлеру удалось сразу уловить основной смысл, суть сообщения из Москвы. Но его отнюдь не устраивала поэтапность переговоров, на которой особенно настаивала Москва. Чтобы дать им решающий толчок, Гитлер носится с мыслью самому отправиться к Сталину. Но затем приходит к выводу, что достаточно будет направить в Москву Риббентропа...

Вечером 14 августа за подписью Риббентропа, а фактически от имени Гитлера Шуленбургу направляется телеграмма. В ней предлагается срочно встретиться с Молотовым и устно (Берлин осторожничал!) передать ему следующее послание.

"Реальных противоречий интересов между Германией и СССР не существует, – говорилось в нем. – Имперское правительство считает, что между Балтийским и Черным морями нет вопроса, который не мог бы быть урегулирован к полному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся вопросы Балтийского моря, Прибалтики, Польши, Юго-Восточной Европы и т.д. Поэтому политическое сотрудничество обеих стран могло бы быть только полезным. Это касается также немецкой и советской экономики, которые могли бы дополнять друг друга... Сегодня германо-советские отношения достигли исторического поворотного пункта. Решения, которые в ближайшем будущем будут приняты в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для немецкого и советского народов... Прежде обеим странам было всегда хорошо, когда они дружили, и плохо, когда они враждовали... В общих жизненных интересах обеих стран избегать разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным державам. Кризис в германо-польских отношениях, вызванный английской политикой, делает необходимым скорейшее прояснение германо-советских отношений... Иначе события могут принять оборот, который лишит оба правительства возможности восстановить германо-советскую дружбу и в подходящий момент совместно прояснить территориальные вопросы в Восточной Европе... Нам сообщили, что Советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения. Так

как предшествовавший опыт показывает, что через обычные дипломатические каналы такое выяснение протекает медленно, имперский министр иностранных дел готов прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы изложить взгляды фюрера г-ну Сталину. По мнению министра, только путем такого прямого обсуждения... можно заложить фундамент для окончательного урегулирования германо-советских отношений"[5].

В специальном дополнении для Шуленбурга Риббентроп предлагал послу не ограничиваться аудиенцией у Молотова, а постараться попасть на прием лично к Сталину, чтобы непосредственно ему "передать это важное сообщение".

Молотов принял Шуленбурга в 8 часов вечера 15 августа. Он, как и другие члены советского руководства, находился под впечатлением определившегося провала на переговорах с английской и французской военными миссиями. Выяснилось, что у Англии и Франции не только не было конкретных планов эффективного военного сотрудничества с Советским Союзом против агрессии, но не было и стремления к такому сотрудничеству. Стало известно высказывание главы английской военной миссии адмирала Дракса вечером 14 августа: "Я думаю, наша миссия закончилась"[6].

Шуленбург начал зачитывать Молотову послание Риббентропа. Хильгер переводил абзац за абзацем. Молотов слушал с напряженным вниманием и дал своему помощнику В.Н. Павлову указание записывать как можно более полно и точно. Нарком заявил, что Советское правительство приветствует выраженное германской стороной намерение улучшить отношения с Советским Союзом, однако не проявил никаких признаков торопливости. Перед приездом Риббентропа, заметил он, "необходимо провести подготовку определенных вопросов для того, чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры"[7]. Что зто за вопросы? Готова ли Германия заключить с Советским Союзом договор о ненападении, готова ли Германия использовать свое влияние в Токио, чтобы нормализовать советско-японские отношения, которые все более принимали характер крупного военного столкновения? Наконец, что думает Берлин о совместной гарантии Советского Союза и Германии относительно прибалтийских государств?

Положительный ответ Берлина на зти вопросы был получен в Москве незамедлительно: "Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении... Германия готова

совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность прибалтийским государствам, наконец, Германия готова... употребить свое влияние на улучшение и укрепление русско-японских отношений"[8].

Зачитав 17 августа это заявление Молотову, Шуленбург добавил, что Риббентроп готов начиная с завтрашнего дня, то есть с 18 августа, прибыть в Москву, "имея от фюрера полномочия обсудить весь комплекс германо-русских отношений, а если представится возможность – подписать соответствующие соглашения". На следующий день Гитлер и Риббентроп с нетерпением ожидали ответа из Москвы.

Однако реакция советской стороны явилась для Шуленбурга, да и для его шефов в Берлине, ушатом холодной воды. Ею вновь было подчеркнуто, что первым шагом к улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения, а вторым шагом через короткий промежуток времени могло бы стать заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г.[9]

Что касается визита Риббентропа, докладывал Шуленбург в Берлин, то Советское правительство с удовлетворением восприняло эту идею, поскольку "посылка столь видного политического и государственного деятеля (здесь посол явно в угоду шефу хватил через край. – *Г.Р.*) подчеркивает серьезность намерений Германского правительства... Однако поездка германского министра иностранных дел требует тщательной подготовки"[10].

В то же время в Москве проявили интерес к принятию одновременно с подписанием договора о ненападении специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта[11].

"Это был более чем намек на то, – утверждает У. Ширер, – что в отношении раздела Восточной Европы Москва по крайней мере положительно отнеслась к германской точке зрения, что договоренность возможна"[12]. С этим утверждением американского историка едва ли можно согласиться. Он явно смещает события на несколько дней вперед. Имеющиеся в распоряжении исследователей документы свидетельствуют, что на этом этапе переговоров в Москве считали, что речь идет о заявлении обеих стран о намерениях, которое не предполагалось делать секретным документом. Видимо, в этом и не было нужды, ибо Молотов говорил о хорошо известных ве-

щах: о совместных гарантиях независимости прибалтийских государств, посредничестве немцев с целью прекращения японских военных акций против СССР, развитии германо-советских экономических отношений. Каких-либо территориальных претензий, касавшихся Польши или кого бы то ни было, и тем более вопросов о судьбе той или иной конкретной страны, на этом этапе стороны не касались[13].

Днем, который во многом определил дальнейшее развитие событий, стало 19 августа. Рано утром Шуленбург получил шифровку из Берлина. Ему предписывалось без промедления заявить Молотову, что "германо-польские отношения с каждым днем обостряются. Мы должны считаться с тем, что столкновения могут произойти в любой день и это сделает неизбежным возникновение открытого конфликта... С тем чтобы возникновение германо-польского конфликта не застало нас врасплох, фюрер считает необходимым незамедлительно урегулировать германо-советские отношения". Риббентроп предлагает "немедленно прибыть в Москву" с полномочиями "урегулировать весь комплекс проблем". "Подчеркните, – заканчивал свои указания послу Риббентроп, – что германская внешняя политика достигла сегодня исторического поворотного пункта... Добивайтесь быстрого осуществления моей поездки и соответственно отклоняйте любые новые русские возражения"[14].

В 2 часа дня 19 августа Шуленбург был уже у Молотова. Зачитав наркому предложения Риббентропа, он сказал: "В Берлине торопятся"[15]. Молотов "признал несомненную важность предполагаемой поездки (Риббентропа в Москву. – *Г.Р.*)", но вновь заявил, что "в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки, так как она требует тщательных приготовлений"[16]. Казалось бы, предложение о поездке Риббентропа было отложено Кремлем в долгий ящик. Но события в это время развивались не по дням, а по часам. Едва успел Шуленбург вернуться в посольство и засесть за отчет Берлину о своей безуспешной беседе с Молотовым, как его снова пригласили в Кремль. Что произошло за эти 30–40 минут? Молотов доложил Сталину, и тот принял решение. Его-то теперь и должен был сообщить нарком послу. Молотов вручил Шуленбургу советский проект договора о ненападении между СССР и Германией и заявил, что "Риббентроп мог бы приехать в Москву 26–27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения"[17].

Торгово-кредитное соглашение было подписано в Берлине

в ночь на 20 августа. Подписи под ним поставили заместитель торгпреда Е. Бабарин со стороны СССР и К.Ю. Шнурре с германской стороны. Соглашение предусматривало предоставление Германией кредита в размере 200 млн. марок сроком на 7 лет из 5% годовых для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания соглашения. Предусматривалась также поставка советских товаров Германии в тот же срок на сумму 180 млн. марок. ”Новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, – писала ”Правда”, – родившись в атмосфере напряженных политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу”[18].

Гитлер считал, что, поскольку первый этап урегулирования советско-германских отношений – заключение торгово-кредитного соглашения – пройден, у Москвы не будет отговорок затягивать процесс урегулирования дальше. Тем более если он сам вмешается в это дело.

Глубокой ночью с 20 на 21 августа Шуленбурга поднимает с постели дежурный референт посольства: получена шифровка из Берлина с грифом ”Лично послу”. Шуленбургу предписывалось немедленно явиться к Молотову и передать ему личное послание Гитлера Сталину. В нем Гитлер заверял, что Германия якобы ”возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение столетий”, что он принимает проект пакта о ненападении, который подготовила Москва, а также предложение выработать дополнительный протокол к нему. Гитлер предлагал, ”не теряя времени, вступить в новую фазу отношений” и принять Риббентропа в Москве 22 или, в крайнем случае, 23 августа.

В послании Гитлера обращают на себя внимание два момента. Нацистский фюрер, явно запугивая, писал, что ”кризис в германо-польских отношениях может разразиться в любой день” и ”Германия намерена защищать свои интересы всеми имеющимися в ее распоряжении средствами”. По существу, Сталину ставился ультиматум: либо принимайте немецкое предложение, либо в результате неминуемой агрессии Германии против Польши СССР столкнется на своей западной границе с непредсказуемой и опасной ситуацией. Берлин не давал Кремлю и возможности затянуть переговоры Риббентропа в Москве. В послании подчеркивалось, что он, ”принимая во внимание международную ситуацию, сможет остаться в Москве не более чем на один-два дня”[19].

Отправив послание Сталину, Гитлер в ожидании ответа почти сутки пребывал в состоянии крайнего волнения. Он не

мог заснуть. Посреди ночи он позвонил Герингу, чтобы сообщить о своем беспокойстве относительно реакции Сталина на послание – вдруг он использует его как козырную карту в переговорах с западными странами – и излить свое раздражение по поводу тактики проволочек, проводимой Москвой.

Что же в это время происходило в Москве? В 11 часов утра 21 августа в мидовском доме на Спиридоньевке, 17 (ныне улица Алексея Толстого, 17), началось заседание советской, английской и французской военных делегаций.

Поскольку от правительств Великобритании и Франции так и не был получен ответ на поставленный советской миссией "кардинальный вопрос" – о пропуске и действиях Советских Вооруженных Сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, глава английской делегации адмирал П. Дракс предложил отложить заседание на три-четыре дня. К.Е. Ворошилов предложил сделать перерыв на более продолжительный срок. "Собираться нам до того, как будут получены ответы английской и французской миссиями от своих правительств, – заявил он, – очевидно, нет практической необходимости".

Сразу после окончания утреннего заседания, где-то около 13 часов, К.Е. Ворошилов сообщил Сталину, что англо-франко-советские переговоры зашли в тупик и прерваны на неопределенный срок. Еще раньше В.М. Молотов сообщил Сталину, что Шуленбург срочно просит принять его для вручения документа особой важности. Однако Кремль не спешил принимать немецкого посла – ждали результатов переговоров военных миссий. Только в 15 часов послание Гитлера было наконец передано Шуленбургом Молотову для передачи Сталину. Ввиду полной ясности для Кремля сложившейся к этому времени ситуации на московских переговорах ответ Сталина Гитлеру последовал уже через два часа.

"Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру, – говорилось в телеграмме. – Благодарю за письмо. Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собой. Согласие Германского правительства на заключение пакта о ненападении создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что

оно согласно на приезд в Москву Риббентропа 23 августа. И. Сталин"[20].

Передавая Шуленбургу телеграмму, Молотов предложил, чтобы сообщение о поездке Риббентропа было опубликовано одновременно в Берлине и в Москве на следующий день – утром 22 августа. Однако уже в 22 часа 30 минут музыкальная передача немецкого радио была внезапно прервана и диктор объявил: "Имперское правительство и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении. Для завершения переговоров имперский министр иностранных дел прибудет в Москву в среду, 23 августа".

На формирование предложений, с которыми Риббентроп собирался отправиться в Москву, большое влияние имело сообщение, переданное ТАСС представителям иностранных телеграфных агентств одновременно с информацией о предстоящей поездке нацистского министра. В нем говорилось, что прибытие Риббентропа для заключения договора о ненападении не является несовместимым с продолжением переговоров между СССР, Англией и Францией в целях организации отпора агрессии*. Это сообщение ТАСС было немедленно доложено шефом ведомства печати германского МИД фон Штуммом Риббентропу, а затем и Гитлеру[21].

Было очевидно, что Москва, дав согласие на подписание договора с Германией, все еще не отказалась от мысли побудить тем самым Англию и Францию заняться делом на переговорах о военном союзе с СССР. Заявление Ворошилова, сделанное им на заседании военных миссий, также свидетельствовало о том, что Кремль, не исключая позитивных результатов предстоящих переговоров, держал двери для возобновления переговоров с Англией и Францией открытыми[22].

22 августа Ворошилов принял главу французской военной миссии генерала Ж. Думенка и вновь подтвердил, что англо-франко-советские переговоры могут быть возобновлены, как только от английского и французского правительств будет получен ответ на "кардинальный вопрос", согласованный с правительствами Польши и Румынии[23].

---

* Текст сообщения ТАСС гласил: "Переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идет о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряженности, другое – на подготовку путей и средств в целях борьбы с агрессией, если она произойдет" (**Международная жизнь**. – 1989. – № 9. – С. 113).

"Мы на бесполезную работу не можем тратить времени, – подчеркнул Ворошилов. – Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать". Как справедливо отмечала немецкая исследовательница И. Флейшхауэр, "переговоры с западными партнерами оставались в Москве и дальше на повестке дня"[24].

Гитлер решил одним ударом обесценить любые британские и французские маневры, стремясь побудить Сталина сжечь запасные мосты. В ночь с 21 на 22 августа в ходе многочасовых совещаний Гитлера и Риббентропа в Берхтесгадене было решено предложить Сталину больше, чем он мог ожидать[25]. Вместо заявления о намерениях, предлагаемого Москвой, договор о ненападении, по мысли нацистских вожаков, должен был сопровождаться подписанием к договору секретного протокола, конкретно определявшего сферы государственных интересов Германии и Советского Союза на территории Прибалтики и Восточной Европы.

Получив письменные полномочия Гитлера заключить договор о ненападении "и другие соглашения" с Советским Союзом, которые должны были вступить в силу с момента их подписания, Риббентроп вылетел в Москву под вечер 22 августа. Многочисленная немецкая делегация провела ночь в Кенигсберге. По свидетельству переводчика Гитлера Пауля Шмидта, который, несмотря на незнание русского языка, сопровождал Риббентропа в Москву, нацистский министр иностранных дел трудился всю ночь, несколько раз связывался с Гитлером в Берхтесгадене и своими сотрудниками в Берлине, составляя множество записей для своих переговоров со Сталиным и Молотовым[26].

Утром 23 августа четырехмоторный "Кондор", личный самолет фюрера, ведомый его шеф-пилотом полковником Гансом Бауэром, с Риббентропом и 37 членами немецкой делегации на борту взял курс на Москву и после четырех часов полета приземлился на Центральном аэродроме советской столицы. Через несколько минут пошел на посадку и второй "Кондор" с многочисленной охраной и прислугой министра.

Пилот Бауэр вспоминал впоследствии: «Поскольку мы шли на посадку с выключенными моторами, я слышал, как Риббентроп говорил сопровождавшим его советникам: "Партия, которую нам придется сыграть, обещает быть трудной. Нужно усыпить недоверие советских руководителей – завтра, как и сегодня, они останутся нашими врагами. Придет время – и свастика заполощется здесь на месте серпа и молота"».

Риббентроп, ожидавший пышного приема, был раздосадован. В протокольном отделе НКИД для организации церемо-

нии встречи не нашлось нацистских флагов с изображением свастики. Их в последний момент удалось раздобыть на киностудии "Мосфильм", где снимались антифашистские фильмы. На аэродроме не было ни членов дипломатического корпуса, ни представителей прессы. Встречали его лишь заместитель министра В.П. Потемкин и шеф протокола НКИД Барков. Не предоставили Риббентропу и правительственной резиденции. Шуленбург разместил своего министра в здании бывшего австрийского посольства. После аншлюса Австрии оно с разрешения советских властей использовалось немцами в качестве подсобного помещения посольства. Не было и никакого приема Риббентропа советскими руководителями. После устроенного Шуленбургом импровизированного завтрака в посольстве нацистский министр отправился на переговоры в Кремль.

Прежде чем перейти непосредственно к этой встрече в Кремле, следует несколько слов сказать о личности Риббентропа, поскольку именно с ним пришлось иметь дело советским руководителям на последующих переговорах.

"Риббентроп, – пишет Г. Хильгер, – всегда старался быть в непосредственной близости к Гитлеру... Это был человек, занимавший ответственный пост, для которого он не имел ни таланта, ни знаний, ни опыта, и сам он это прекрасно знал. Вследствие этого он зависел от огромного штата консультантов, которые должны были в любую минуту находиться у него под рукой. В то же время он пытался надменностью скрыть собственную неполноценность...

Он чувствовал себя полностью зависимым от благосклонности Гитлера и лихорадочно старался сохранить ее. Один из способов, к которым он для этого прибегал, заключался в следующем: Риббентроп имел среди окружения Гитлера своего человека (посланника Вальтера Хевеля, старого личного друга Гитлера, сидевшего с ним в 1924–1925 гг. в Ландсбергской тюрьме. – *Г.Р.*). Хевель сообщал ему, что говорил Гитлер в кругу своих ближайших сподвижников. На основании такого рода информации Риббентроп делал выводы о намерениях и идеях Гитлера, а затем в надлежащий момент преподносил их Гитлеру как свои собственные мысли. Фюрер не раз попадался на эту удочку и восхвалял "феноменальную интуицию и дальновидность" министра иностранных дел"[27].

В специальном поезде Риббентроп повсюду сопровождал Гитлера, чтобы всегда быть в непосредственной близости к нему. Поезд состоял из салон-вагона для самого министра,

двух вагонов-ресторанов и не менее восьми вагонов, в которых размещались помощники и секретарши, советники и консультанты, а также многочисленная охрана, отвечавшая за личную безопасность Риббентропа. "Все это весьма напоминало цирк, который разбивал свои палатки то здесь, то там по мере надобности или по капризу министра иностранных дел"[28].

"Внешняя политика Риббентропа, – сообщал советник немецкого посольства в Варшаве Р. Шелия, – определяется единственно Гитлером. Риббентроп может лишь своей грубостью, высокомерием и недостаточной интуицией в беседах с иностранными послами и посланниками сделать еще более неудобоваримыми и без того трудно перевариваемые пожелания и требования Германии... На основании этого формального впечатления в кругах иностранных дипломатов считают его инициатором ожесточенной германской внешней политики"[29].

Переговоры начались в кремлевском кабинете Молотова ровно в 15 часов 30 минут. Риббентропа сопровождали Шуленбург и в качестве переводчика советник посольства Хильгер. Риббентроп был убежден, что в начале переговоров ему придется иметь дело с Молотовым, а Сталин будет присутствовать лишь на более поздней их стадии. "Поэтому он так изумился, – вспоминал Хильгер, – когда, войдя в кабинет, увидел Сталина, стоящего рядом с Молотовым. Это был ход, рассчитанный на то, чтобы вывести Риббентропа из равновесия; это был и намек на то, что договор будет заключен либо сейчас, либо никогда".

Участник переговоров, руководитель юридического департамента МИД Германии Фридрих Гаус свидетельствует: Риббентроп хотел начать с заранее подготовленной пространной выспренней речи о том, что "дух братства, который связывал русский и немецкий народы..." Однако Молотов его тут же оборвал: "Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле"[30]. В своем докладе Гитлеру Риббентроп сообщал, что, отвечая на один из его вопросов, Сталин заявил: "Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас".

В ходе начавшихся переговоров, пишет их участник Г. Хильгер, "Сталин держался просто и без претензий. Эта манера была частью его тактики при переговорах, как и отеческая благожелательность, благодаря которой он умел пленять своих партнеров и усыплять их бдительность. Но инте-

ресно было наблюдать, с какой быстротой радушие Сталина в отношении Риббентропа сменялось ледяной холодностью, когда он отдавал краткие приказания или задавал какой-либо относящийся к делу вопрос"[31].

Переговоры завершились через три часа. Если учесть, что половина времени ушла на перевод (с советской стороны его осуществлял В. Павлов), то можно согласиться с Хильгером, что, к удивлению немцев, "переговоры проходили легко"*. За основу договора о ненападении был положен проект, предложенный ранее советской стороной. Обе стороны обязались воздерживаться от всякого насилия, агрессивного действия и нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами (ст. 1). В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий (в советском проекте было "насилия или нападения") со стороны третьей державы, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу (ст. 2). В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися державами они будут разрешаться исключительно мирным путем (ст. 5). По инициативе немецкой стороны было добавлено, что ни одна сторона не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны (ст. 4). Несколько часов спустя, при подписании договора, Сталин спросил Риббентропа, а как же в таком случае обстоит дело с "антикоминтерновским пактом". На что Риббентроп, смеясь, ответил: "Ну что же, Советский Союз присоединится к "антикоминтерновскому пакту", и все вопросы отойдут сами собой". Шутка нацистского министра, как свидетельствуют очевидцы, имела у Сталина успех. Также по инициативе немецкой стороны была добавлена статья о консультациях с целью информировать друг друга о вопросах, затрагивающих общие интересы (ст. 3), и изменен срок действия договора – с 5 до 10 лет. Немцы по вполне очевидной причине – война с Польшей была запланирована на следующую неделю – настояли на том, чтобы договор вступил в силу с момента его подписания, а не после ратификации, как первоначально предлагалось советской стороной.

Церемонию подписания договора отложили на вечер, а

---

* В письме Муссолини 25 августа Гитлер писал, что он и "понятия не имел о возможной продолжительности переговоров с СССР и какой-либо гарантии их успеха".

1938 г. И.В. Сталин, В.М. Молотов и М.М. Литвинов

Берлин.
Внутренний двор новой имперской канцелярии

Август 1939 г.
Геринг готов отправиться в Англию

Сталин и Риббентроп после подписания пакта о ненападении

22 сентября 1939 г.
Генерал Гудериан и комбриг Кривошеин
принимают совместный военный парад при передаче вермахтом
Бреста частям Красной Армии

Берлин, 27 сентября 1939 г.
Проводы Риббентропа в Москву
В центре – советский посол А.А. Шкварцев

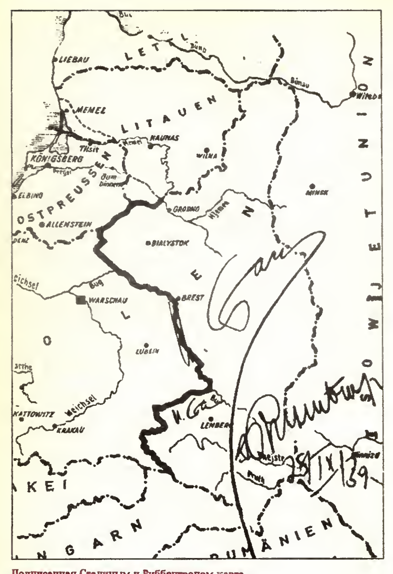
Москва, 27 сентября 1939 г.
Встреча Риббентропа на Центральном аэродроме.
Слева – немецкий посол в СССР Ф. Шуленбург

Молотов и Риббентроп обмениваются рукопожатием
после подписания договора о дружбе и границе

Москва, Кремль, утро 29 сентября 1939 г.
В.М. Молотов подписывает советско-германский договор
о дружбе и границе

Риббентроп подписывает советско-германский договор
о дружбе и границе

Подписанная Сталиным и Риббентропом карта с обозначением советско-германской границы

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ.

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 28 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п.1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см.карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

28 сентября 1939 года.

Für die Deutsche Reichsregierung

J v Ribbentrop

28/IX/39

Секретный дополнительный протокол
к советско-германскому договору о дружбе и границе

В.М. Молотов
выступает на сессии
Верховного Совета
с докладом
о ратификации
советско-германского
договора о дружбе
и границе

25 июня 1940 г.
Гитлер
в захваченном
фашистами
Париже

Берлин, 13 ноября 1940 г.
Встреча В.М. Молотова с Герингом

Возвращение
В.М. Молотова
в Москву
после переговоров
12–13 ноября 1940 г.
в Берлине

18 декабря 1940 г.
Генерал Паулюс
докладывает Гитлеру
о плане
"Барбаросса"

Берлин, март 1941 г.
Гитлер и Риббентроп приветствуют
министра иностранных дел Японии Мацуоку

ТЕЛЕГРАММА вх.№ 89084

из Токио . . II . . 40 . . I июня 41
. . 17 . . 45 . . I июня 41

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГШ КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 30 мая 1941 г.

Берлин информировал своего посла в Японии ОТТ, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня.

Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

ОТТ совершенно уверен, что война скоро начнется, поэтому он потребовал от военного атташе не посылать никаких важных сообщений через территорию СССР.

Технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание возвратиться в Германию.

РАМЗАЙ

. . I . . 30. 18 15

Адресату

Одна из телеграмм Рихарда Зорге в Москву незадолго до начала войны

сейчас приступили к обсуждению протокола к договору. Риббентроп вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул и передал для перевода Хильгеру. О его содержании не знали не только Сталин и Молотов, но и сопровождавшие Риббентропа лица. Это был плод личной дипломатии Гитлера. Хильгер читал перевод, а Риббентроп напряженно всматривался в лицо Сталина: какова будет его реакция на предложение Гитлера? Текст документа гласил:

"В случае подписания Пакта о ненападении между Германской империей и Союзом Советских Социалистических Республик уполномоченные обеих сторон, подписавшие документ, в строго конфиденциальном порядке обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Этот обмен мнениями привел к следующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Латвии одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом обеими странами признаются интересы Литвы в Виленской области.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

3. Вопрос о том, явится ли в интересах обеих сторон желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в ходе дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос на путях дружественного обоюдного согласия"[32].

Хильгер кончил чтение документа. Наступила пауза. Все смотрели на Сталина. Сталин, конечно, понимал и аморальность, и взрывоопасность секретной сделки с Гитлером. Было ясно, что, давая свою редакцию протокола, Гитлер готовил почву, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией. Согласиться с немецкой редакцией протокола означало предать принципы советской внешней политики, заложенные Лениным, принять такие постулаты, как "сфера интересов", "территориально-политическое переустройство" и пр., что до сих пор было порождением политики империализма по разделу и переделу мира.

Но выгоды, предлагаемые Гитлером, были слишком заманчивы: ликвидация антисоветского "санитарного кордона" на западных границах Советского Союза, перспектива воссоединения народов Украины и Белоруссии, выход из "маркизовой лужи" на просторы Балтики, – и имперские амбиции Сталина взяли верх. Он принял активное участие в предложенной ему Гитлером сделке.

В немецкий проект протокола, который теперь по согласию обеих сторон становился тайным, Сталин предложил внести одну поправку и одно дополнение. Он потребовал, чтобы порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) вошли в сферу государственных интересов Советского Союза и были подтверждены интересы СССР в Бессарабии, оккупированной румынами в 1919 г. Риббентроп немедленно запросил согласия Гитлера на эти изменения протокола, и вскоре из Берлина был получен лаконичный ответ: "Согласен"[33]. Путь к подписанию протокола был открыт.

Встал вопрос о заключительном коммюнике. В проекте, который представил Риббентроп, в цветистых и высокопарных выражениях восхвалялась "вновь обретенная германо-советская дружба". Сталин прочел его и снисходительно улыбнулся. "Не думаете ли вы, – сказал он, обращаясь к Риббентропу, – что нам следует несколько больше считаться с общественным мнением в наших странах? Годами мы выливали друг на друга целые ведра помоев, а теперь мы сразу хотим, чтобы наши народы поверили, что все предано забвению и прощению. Так скоро не бывает. Общественное мнение следует постепенно подготовить к тем переменам в наших отношениях, которые вызовет этот договор"[34]. Он предложил проект коммюнике, составленный в умеренных выражениях, который и был принят. Хотя стрелки часов давно перевалили за полночь, когда Молотов и Риббентроп ставили свои подписи под документами – советско-германским договором о ненападении и секретным протоколом к нему, они были датированы 23 августа 1939 г.

После этого был организован длившийся почти до утра дипломатический прием, сопровождавшийся беседой Сталина с Риббентропом. Остальные участники переговоров, в том числе Молотов и Шуленбург, в ней участия не принимали. Риббентроп выразил готовность способствовать урегулированию советско-японских отношений. Однако Сталин, понимая, что после заключения советско-германского договора Япония едва ли рискнет пойти одна на крупный военный конфликт с

СССР, заявил: "Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее и готов к ней. Если Япония хочет мира – тем лучше". "Он (Сталин. – *Г.Р.*) считает помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений полезной, но он не хочет, – писал Риббентроп об этой беседе, – чтобы у японцев создались впечатления, что инициатива исходит от Советского Союза"[35]. Риббентроп еще не знал того, что знал Сталин и что стояло за его словами. За несколько минут до появления Риббентропа в Кремле на стол Сталина легло донесение с Дальнего Востока. В нем сообщалось, что наступление советских войск в районе Халхин-Гола успешно развивается и к исходу дня 23 августа (там разница во времени с Москвой составляла 6 часов) основные силы 6-й японской армии окружены в пределах территории Монгольской Народной Республики.

Беседуя со Сталиным, Риббентроп был поражен прекрасной осведомленностью советской стороны о дипломатических маневрах, предпринимаемых английскими "мюнхенцами" в Берлине. Сталин даже упомянул о письме Чемберлена Гитлеру, которое всего несколько часов назад было передано в Берхтесгадене английским послом в Германии Гендерсоном.

Были поданы бокалы с шампанским. Нацистский министр, подвизавшийся в молодости в роли коммивояжера по продаже вин, высоко оценил продукцию Абрау-Дюрсо. Первый тост был, естественно, за Сталиным. "Я знаю, – сказал он, подняв свой бокал, – как сильно немецкий народ любит своего вождя, поэтому я хотел бы выпить за его здоровье".

Был ли случайным этот тост? Очевидно, нет. "Тон его (Сталина. – *Г.Р.*) разговоров о Гитлере и манера, с которой он провозглашал тост за него, позволяли сделать заключение, – пишет Г. Хильгер, – что некоторые черты и действия Гитлера, безусловно, производили на него впечатление... Это восхищение было, по-видимому, взаимным, с той только разницей, что Гитлер не переставал восхищаться Сталиным до последнего момента, в то время как отношение Сталина к Гитлеру после нападения на Советский Союз перешло сначала в жгучую ненависть, а затем в презрение"[36].

Появившийся на импровизированном приеме сопровождавший Риббентропа личный фотограф Гитлера Генрих Гофман спешил запечатлеть "историческое событие". Был поднят тост и за него. Гофман ответил, обращаясь к Сталину: "Для меня большая честь, Ваше Превосходительство, передать Вам сердечный привет и пожелания моего друга Адоль-

фа Гитлера. Он был бы рад лично познакомиться с великим вождем русского народа"[37].

Риббентроп попросил связать его по телефону с Гитлером. Поскольку еще накануне между Кремлем и имперской канцелярией была установлена прямая телефонная связь, просьба нацистского министра была тут же удовлетворена. Усевшись в кресло Молотова, Риббентроп, весьма довольный собой, с пафосом доложил фюреру о полном успехе своей миссии*.

Последним аккордом на этой встрече стали слова Сталина, сказанные Риббентропу при прощании: "Советское правительство очень серьезно относится к новому договору. Я могу дать мое честное слово, что Советский Союз не обманет своего партнера". Говорят, что именно последние слова собеседника запоминаются особенно хорошо и как бы подводят итог беседе...

Риббентроп покинул советскую столицу через 24 часа после своего прибытия – в полдень 24 августа. К этому времени советско-германский договор о ненападении уже находился в центре внимания мировой общественности – его текст опубликовали на первых полосах крупнейшие газеты мира. Сообщениями о нем были заполнены передачи радиостанций.

Подведем некоторые итоги событий этого знаменательного дня – 23 августа 1939 г.

В Берлине сообщение об успехе миссии Риббентропа было встречено с нескрываемым удовлетворением. По свидетельству посланника В. Хевеля, после телефонного звонка Риббентропа из Москвы утром 24 августа Гитлером овладела патологическая мания величия. Он стучал кулаками по стене и вопил: "Теперь весь мир в моем кармане! Теперь Европа принадлежит мне!" Гитлер считал, что он добился своей цели: при помощи "второго Рапалло" ему удалось нейтрализовать СССР как потенциального противника на срок до двух лет, то есть до того момента, когда, по гитлеровским планам, немецко-фашистской агрессии подвергнется сам Советский Союз. Всего через пять дней после заключения советско-германского договора о ненападении, 28 августа, на совещании в имперской канцелярии Р. Гесс от имени Гитлера дал указание разъяснить всем членам нацистской партии, что договор

* Об этом эпизоде В.М. Молотов в конце 60-х годов рассказал писателю И. Стаднюку (см. Огонек. – 1986. – № 34. – С. 4–5).

является лишь временной мерой и совершенно не меняет враждебного отношения Германии к Советскому Союзу.

Примечательно, что временный и крайне неустойчивый характер "перемирия" в советско-германских отношениях хорошо понимал и посол Шуленбург, лично приложивший немало усилий для заключения договора. Своему референту Гансу фон Херварту Шуленбург заявил: "Я трудился не покладая рук над улучшением отношений между Германией и Советским Союзом, и может показаться, что в известной степени я этого достиг. Но вы-то сами знаете, что в действительности я ничего не добился"[38].

Сложнее обстояло дело с оценкой советско-германских соглашений и поворота в отношениях с Германией в Москве. После подписания советско-германских документов Сталин пребывал в состоянии крайней неуверенности: а вдруг Гитлер вознамерится использовать прокламированное сближение с СССР как дубинку для выколачивания нужных ему уступок, а "новое Рапалло" пустит под откос[39]? Для таких опасений были веские основания. Москве было известно, что между Берлином и западными столицами шли оживленные дипломатические переговоры. Уже вечером 25 августа Кремль получил сообщение, что днем Гитлер принял в Берхтесгадене британского посла Гендерсона и передал ему личное послание Чемберлену. Нацистский фюрер заявил послу, что в отношении Англии он "желает сделать шаг, который будет таким же решительным, как тот, который был сделан по отношению к России и который привел к заключению соглашения"[40]. В тот же день Геринг вручил представителю шведских деловых кругов Биргеру Далерусу для передачи в Лондон германские условия соглашения с Англией. На следующий день последовал ответ Герингу министра иностранных дел Англии Галифакса: "Мы будем стремиться сохранить дух, который проявил фюрер, а именно стремиться найти удовлетворительное решение вопросов, вызывающих в настоящее время беспокойство"[41]. 28 августа в новом послании Гитлеру Чемберлен писал, что полностью разделяет желание рейхсканцлера "сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей". В ответ Гитлер в качестве предпосылки "нового Мюнхена" потребовал безоговорочной передачи Германии Данцига и "польского коридора".

Неудивительно, что в Москве, зная двуличие и вероломство Гитлера и закоренелый антисоветизм Чемберлена, лома-

ли голову над вопросом, к каким результатам может привести эта дипломатическая игра между Берлином и Лондоном.

Стремясь перестраховаться, Сталин в эти дни, используя различные каналы, пытался склонить Лондон и Париж к продолжению трехсторонних военных переговоров в Москве. На это, в частности, прямо намекал Ворошилов Драксу и Думенку в ходе прощальной аудиенции 24 августа. В качестве даты возобновления переговоров предлагалось 30 августа. Однако никакого отклика на эти предложения не последовало. Лондон и Париж полностью утратили интерес к Советскому Союзу. Тогда советская сторона поспешила ратифицировать советско-германский договор о ненападении. Верховный Совет СССР осуществил этот акт 31 августа 1939 г.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что во многом активность английской дипломатии в последние дни августа в немалой степени определялась и тем, что правительствам западных стран стал известен и текст советско-германского секретного протокола. Утром 24 августа, то есть в то время, когда Риббентроп еще не покинул Москву, уже упомянутый референт Шуленбурга Херварт, являвшийся давним осведомителем американского посольства в Москве под кличкой "Джонни", встретился с сотрудником посольства США Чарльзом Юстисом Боленом (будущим – в 1953–1957 гг. – послом США в СССР) и подробно проинформировал его о содержании секретного протокола[42]. Уже в 12 часов дня американский посол в Москве Л. Штейнгардт направил телеграмму об этом государственному секретарю К. Хэллу, а вечером сообщил о содержании секретного протокола британскому послу в Москве У. Сидсу[43].

Таким образом, у западных стран имелась возможность адекватно отреагировать на шаг Гитлера в сторону Москвы: немедленно возобновить военные переговоры с Советским Союзом и завершить их подписанием тройственного соглашения об эффективной военной помощи друг другу в случае агрессии. Это создало бы серьезную помеху и для захватнических планов Гитлера в отношении Польши. Но этого не произошло. Несмотря на развернутую на Западе широкую антисоветскую кампанию в связи с подписанием советско-германского договора о ненападении, в тиши дипломатических кабинетов западных столиц продолжали делать вид, будто бы никаких сдвигов в отношениях Германии с Советским Союзом не произошло. Руководители английской политики пребывали в традиционном отпуске. Чемберлен в своем поме-

стье ловил рыбу, Галифакс в Шотландии охотился на куропаток. На встрече 25 августа английский посол в Германии Гендерсон признался Гитлеру, что "ему лично куда милее, что не Англия, а Германия имеет договор с Россией"[44]. Французский посол в Варшаве Л. Ноэль сообщал в Париж о реакции на советско-германский договор польского министра иностранных дел Ю. Бека: "Бек совершенно спокоен и, кажется, нисколько не озабочен. Он считает, что по существу почти ничего не произошло".

Другим было мнение международной общественности. "Одно было очевидно всем, – пишет У. Ширер, – англо-французская дипломатия полностью обанкротилась. Шаг за шагом западные демократии отступали перед Гитлером. С Советским Союзом на их стороне они все еще могли убедить германского диктатора не начинать войну или, если бы это не удалось, сравнительно быстро победить его в вооруженной схватке. Но они позволили этой последней возможности ускользнуть из рук"[45].

С позиции сегодняшнего дня, спустя более 50 лет после происшедших событий, советско-германский договор и секретный протокол к нему подверглись тщательному анализу во время подготовки ко II Съезду народных депутатов СССР, в ходе дискуссии на съезде и, наконец, в принятом им постановлении "О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 г.".

Какими видятся сегодня плюсы и минусы решений, принятых Советским правительством в 1939 г.? Что касается договора о ненападении, то признано, что его содержание "не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований". Договор в соответствии с нормами международного права утратил силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 г.[46] То, что произошло потом, определялось другими факторами. Поэтому при оценке последствий заключения договора необходимо не выходить из конкретных исторических рамок, а именно периода 1939–1941 гг.

Заключая договор, СССР стремился выиграть время для подготовки к отражению немецко-фашистской агрессии, которую Сталин считал неизбежной. В критической международной ситуации, в условиях нарастающей опасности агрессии фашистской Германии в Европе и милитаристской Японии в Азии договор ставил своей целью отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. "В конечном счете, – конста-

тировал II Съезд народных депутатов СССР, – эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии"[47]. В то же время рубеж, с которого Советский Союз был вынужден обороняться в 1941 г., был отодвинут на несколько сот километров от Ленинграда, Минска, Киева и других жизненных центров. Ряд видных германских военных расценили такое изменение стратегической ситуации как "предательство" Гитлером интересов рейха, которое во многом обесценило плоды победы Германии над Польшей[48].

Заключение советско-германского договора о ненападении оказало сильное влияние на отношения между Берлином и Токио. Антикоминтерновская конструкция оказалась деформированной. Япония потеряла доверие к своему немецко-фашистскому союзнику, и оно так и не было восстановлено до конца войны. Токио был вынужден пересмотреть свою военную доктрину, отодвинув на неопределенное время планы агрессивных действий против СССР. В Великой Отечественной войне второго фронта против нашей страны на Дальнем Востоке не было. Это сыграло немалую роль в ускорении разгрома гитлеровского вермахта и достижении победы над фашистской Германией.

Важным позитивным следствием советско-германского договора явился выход СССР из состояния международной изоляции, в какую он попал после Мюнхена. Западные державы были вынуждены наконец начать считаться с Советским Союзом как с военным и политическим фактором. Пусть на время, но стратегия канализации гитлеровской экспансии в сторону Советского Союза оказалась подорванной. Советский Союз убедительно доказал, что способен проводить на международной арене свой собственный, отвечающий его интересам курс.

В то же время внезапный поворот от непримиримой борьбы к сотрудничеству с нацистской Германией дезориентировал демократические, миролюбивые силы. В исключительно сложное положение попали многие компартии, которым решением Коминтерна предписывалось оправдать то, что еще вчера решительно осуждалось. Депрессия охватила многих эмигрантов-антифашистов, видевших в скорейшем вооруженном столкновении Советского Союза с Германией путь к освобождению своих стран от фашистского гнета. В то же время не следует преувеличивать значение этого негативного

фактора. Коммунистическое движение на Западе в силу своей слабости не являлось в то время действенным фактором мировой политики. Видимо, не случайно у Сталина уже в 1939 г. зрела мысль о роспуске Коминтерна. Разрозненными и спорадическими были и выступления миролюбивых сил в буржуазном лагере.

Что касается советских людей, то и после заключения договора с Германией они в основной массе не изменили своего отношения к фашизму. В 1988 г. в ходе телемоста Волгоград – Кёльн ветерану Сталинградского тракторного завода был задан вопрос: "Как вы стали относиться к Гитлеру после заключения договора в августе 1939 г.?" Последовал ответ: "Как и прежде – как к фашисту и агрессору".

Небезынтересна оценка отношения советского населения к этому договору, данная немецким послом в Москве. "Страх перед войной, особенно боязнь германского нападения оказали за последние годы глубокое воздействие на настроение населения, – писал Шуленбург в Берлин. – Поэтому заключение пакта о ненападении с Германией встречено с большим облегчением и приветствуется. Однако неожиданное изменение политики Советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки в настоящее время плохо понимается населением, особенно вызывают сомнения утверждения официальных агитаторов, что Германия больше не является агрессором".

К числу негативных последствий заключения Советским Союзом договора с фашистской Германией следует отнести и то, что с осени 1939 г. в правящих кругах Англии, Франции, США стали еще более крепнуть позиции противников любого сотрудничества с СССР. Как мы увидим далее, в 1939–1941 гг. не однажды предпринимались попытки свернуть вооруженный конфликт между западными державами на базе объединенного похода против Советского Союза.

Наконец, необходимо отметить, что договор от 23 августа 1939 г. и особенно утвердившаяся затем тяга Сталина к параллельным действиям с Германией расширили свободу маневра для нацистского руководства, в том числе при осуществлении военных операций в Западной Европе.

Значительно более сложным для современной оценки является секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении. Прежде всего необходимо отметить, что, хотя подлинник секретного протокола не обнаружен в совет-

ских и немецких архивах, наличие его сомнений не вызывает. В архиве МИД СССР обнаружена служебная записка. Она фиксирует передачу в апреле 1946 г. подлинников секретных протоколов одним из помощников В.М. Молотова – Д.В. Смирновым другому – Б.Ф. Подцеробу[49]. Далее следы подлинников теряются. По мнению автора, судьба их окончательно была решена в январе – феврале 1948 г., когда государственный департамент США в сотрудничестве с английским и французским министерствами иностранных дел опубликовал текст протокола в сборнике трофейных немецких дипломатических документов "Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.". Многое говорит за то, что именно тогда Сталиным была дана команда уничтожить подлинники протоколов. Молотов же, в свою очередь, потребовал от сотрудников МИД СССР придерживаться версии, что протокол вообще не существовал. Такое указание, в частности, было дано лично Молотовым впоследствии и А.А. Громыко, когда тот в 1948 г. занял пост заместителя министра иностранных дел[50].

Немецкий подлинник протокола по указанию Риббентропа вместе с другими важнейшими дипломатическими документами рейха был уничтожен в 1945 г. Перед сожжением документы, в том числе и секретный протокол, были микрофильмированы. Специалисты провели экспертизу подписей Молотова на оригинале договора о ненападении и фотокопии секретного протокола, хранящейся в архиве МИД ФРГ, и пришли к выводу об их идентичности*.

Но главное не в этом. Все последующее развитие советско-германских отношений подтверждает наличие этого да и других, как мы увидим позже, секретных протоколов. Так, советские и германские войска в своих действиях ориентировались в сентябре 1939 г. на линию разграничения, установленную секретными протоколами от 23 августа и 28 сентября того же года. О секретных протоколах упоминается во многих дипломатических документах 1939–1941 гг., их содержание

* В то же время ошибочной является упоминавшаяся на II Съезде народных депутатов ссылка на существование разграничительной карты, завизированной Сталиным 23 августа 1939 г. Действительно, существует карта, причем на ней две подписи Сталина. В одном случае – общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин синим карандашом делает поправку и расписывается на ней. Но речь идет о советско-германской границе, и карта подписана 28 сентября 1939 г. Фотокопия карты публикуется в данной книге.

стало предметом обсуждения между советской и германской сторонами во время визита В.М. Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 г.

Секретные соглашения или приложения к договорам заключались в предвоенные годы, как известно, сплошь и рядом. Не раз объектом таких тайных сделок, совершавшихся между немцами, англичанами, французами и поляками, становился сам Советский Союз. Но это ни в малейшей степени не оправдывает Сталина и его окружение, пошедших на тайную сделку с Гитлером.

Во-первых, Сталин и Молотов, по существу, капитулировали перед Гитлером, приняв за основу немецкий проект протокола. Конечно, Советский Союз имел не меньшее, чем другие державы, право обозначить передний край жизненных интересов СССР в условиях, когда молнии войны уже сверкали над головой. Первоначальным намерением советской стороны, как подтвердил в Нюрнберге Риббентроп, было установление "демаркационной линии", дальше которой немецкие войска в случае германо-польской войны не должны были продвигаться на восток[51].

Принятие же немецких формулировок ("территориально-политическое переустройство" и пр.) было явным отходом от ленинской внешней политики. Были забыты советской стороной выражавшиеся ранее пожелания, чтобы Советский Союз и Германия дали "двойные гарантии" независимости прибалтийских стран. Предпринятые в протоколе разграничения сфер интересов СССР и Германии находились в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда восточноевропейских государств. Они не соответствовали духу и букве договоров, которые СССР раньше заключил с этими странами, находились в противоречии с обязательствами при всех обстоятельствах уважать их суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность. Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал затем изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними странами, попавшими в "сферу государственных интересов" Советского Союза. СССР не настоял на отражении в протоколе готовности Германии воздействовать на Японию, удовлетворившись устными обещаниями Риббентропа на сей счет. Более того, Сталин явно шел на неоправданный риск, "освящая" подписью Молотова в преддверии надвигавшейся войны территориально-политическое переустройство Польши. Эта затея, вместо того чтобы дать передышку, могла кончиться втягиванием СССР в войну,

причем не только с Польшей, но и с ее союзниками – западными странами[52].

Во-вторых, переговоры с Германией о секретном протоколе велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР. Молотов даже не имел должным образом оформленных полномочий на его подписание*. Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами, протокол являлся изначально противоправным документом. Решение о подписании протокола и по существу, и по форме было актом личной власти Сталина и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за сговор Сталина с Гитлером.

Можно сказать, что секретный протокол от 23 августа 1939 г. точно отразил внутреннюю сущность сталинизма – крайний субъективизм, отстранение народных масс, государственных и правительственных органов от принятия важнейших политических решений.

II Съезд народных депутатов СССР, осудив факт подписания "секретного дополнительного протокола" от 23 августа 1939 г., провел четкую разницу между правомерным, обоснованным советско-германским договором о ненападении и морально негодным, неприемлемым, несовместимым с социализмом секретным протоколом**. "Мы обязаны вернуться

* Заметим, что Риббентроп такие полномочия имел.

** "Нужно четко и точно сказать, – говорил В.М. Фалин на чрезвычайном III Съезде народных депутатов СССР, – что в августе 1939 г., когда с Германией подписывался московский договор о ненападении и подписывался секретный протокол, о присоединении трех прибалтийских республик к Советскому Союзу, о вхождении их в состав Советского Союза не было и речи" (**Известия.** – 1990. – 17 марта). Необходимо иметь в виду, что ни советско-германский договор о ненападении, ни протокол к нему не определяли юридического и политического статуса Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии. Изменение их статуса произошло в силу других обстоятельств. Они должны всесторонне и тщательно исследоваться, исходя прежде всего из сложных и противоречивых внутренних процессов, происходивших там в контексте очевидных агрессивных поползновений гитлеровской Германии. Перед лицом реальной угрозы фашистского порабощения люди искали защиты от нацистского варварства и расизма, от душегубок и гестаповского террора. Достоверная картина событий тех лет возможна лишь при честном, объективном и высоконравственном историческом анализе (см. **Вестник МИД СССР.** – 1990. – № 4. – С. 57).

на твердую, здоровую почву незыблемых нравственных критериев, – подчеркивалось на съезде. – Пора осознать – беззаконие страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считаться нормой"[53]. Поэтому решение II Съезда народных депутатов о секретном протоколе явилось не только его политическим, но и моральным осуждением.

ТРЕВОЖНЫЙ МЕСЯЦ СЕНТЯБРЬ

1 сентября 1939 г., 4 часа 45 минут утра по среднеевропейскому времени. Над Данцигской бухтой рассеивается легкий предутренний туман. Все отчетливее вырисовывается черно-серая громада германского броненосца "Шлезвиг-Гольштейн", бросившего здесь якорь накануне. Внезапно предутреннюю тишину разрывает грохот взрывов. 280-миллиметровые орудия немецко-фашистского корабля один за другим обрушивают снаряды на польскую крепость Вестерплатте. Это были первые залпы второй мировой войны. Нацистский вермахт обрушился на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили о состоянии войны с Германией.

Начавшаяся вторая мировая война открыла совершенно новый этап в развитии советско-германских отношений. Теперь они в значительной степени определялись развитием военных действий на фронтах.

Видимо, в первые дни войны советское руководство в своих политических расчетах не исключало возможности, что значительные военные силы Германии будут прикованы к Западному фронту и вследствие этого германо-польская война не будет носить скоротечный характер и закончится территориальными передвижками в пользу Германии при сохранении независимости и суверенитета Польши*. 2 сентября советский посол в Варшаве Н.И. Шаронов по указанию из Москвы посетил министра иностранных дел Польши Ю. Бека и, сославшись на интервью К.Е. Ворошилова от 27 августа, в котором упоминалась возможность оказания Польше советской

* Примечательно, что в беседе с Шуленбургом 10 сентября Молотов был вынужден признать, что Советское правительство было застигнуто врасплох неожиданно быстрыми германскими успехами.

помощи путем поставок сырья и материалов*, поставил вопрос: почему Польша не обращается к Советскому Союзу за помощью?

Однако эти расчеты советского руководства оказались построенными на песке. В Лондоне и Париже над необходимостью помочь своему союзнику Польше возобладала старая мюнхенская антисоветская линия – пожертвовать Польшей, чтобы немецко-фашистский вермахт занял исходные рубежи на западных границах Советского Союза.

Объявив Германии войну и приступив к мобилизации вооруженных сил своих стран, правительства Англии и Франции не спешили выполнить свои союзнические обязательства и прийти на помощь Польше. 9 сентября главнокомандующий французской армией генерал Гамелен заявил польским представителям в Париже, что активных военных действий французская армия в ближайшее время предпринимать не будет. В тот же день польские представители в Лондоне узнали, что у английского правительства вообще нет никаких конкретных планов оказания военной помощи Польше.

Неудивительно, что уже 3 сентября Гитлер издает "директиву № 2" о дальнейшем ведении войны, где указывалось, что объявление Англией и Францией войны Германии ничего не меняет, цель остается прежней – "быстрейшее окончание операций против Польши"[1].

Может быть, Англия и Франция не имели возможности оказать реальную военную поддержку сражающейся Польше? Отнюдь нет. В начале сентября 1939 г. сухопутная армия Франции насчитывала почти 2,5 млн. человек. На границе с Германией были сосредоточены 8 французских армий – 85 дивизий. Против 300 орудий, которыми гитлеровцы располагали на Западном фронте, у французской армии было 6000 орудий, против 700 самолетов – 1500 самолетов. Группа армий "Ц", расположенная на западной границе Германии, не имела танковых и моторизованных частей, все они были брошены против Польши[2].

"Успех в Польше, – признавал впоследствии на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Ф. Гальдер, – стал возможен лишь в результате полного оголения западной границы. Если бы французы использовали скованность вермахта в Польше, они были бы в состоя-

---

* "Чтобы давать Польше сырье и военные материалы, вовсе не требуется заключения пакта о взаимопомощи и тем более военной конвенции", – заявил К.Е. Ворошилов.

нии форсировать Рейн без сопротивления с нашей стороны и угрожать Рурской области, что явилось бы решающим фактором для дальнейшего хода войны"[3].

Позиция западных держав и определила в решающей степени развитие событий на германо-польском фронте. Гитлеровцы обрушили на Польшу более чем полуторамиллионную армию. Против 42 польских дивизий с устаревшей техникой фашистская Германия бросила 62 дивизии, из них 7 танковых и 8 моторизованных, 2800 танков и 2000 самолетов 1-го и 4-го воздушных флотов. На направлении главного удара немецко-фашистская армия имела численное превосходство над польской: в пехоте – в три, в танках – в восемь раз. На один польский самолет приходилось десять немецких.

В Кремле, где воспоминания о советско-польской войне были живы, понятное чувство злорадства ("польских панов бьют") быстро сменилось глубокой тревогой. Фашистский вермахт стальной лавиной быстро приближался к западным границам Советского Союза. Остановится он или нет на рубеже Вислы, то есть на демаркационной линии "сфер государственных интересов" Германии и Советского Союза, установленной секретным протоколом от 23 августа 1939 г.?

"Население Советского Союза, – докладывал Шуленбург в Берлин 6 сентября, – высказывает опасения, что после разгрома Польши Германия повернет против Советского Союза"[4].

Уже 4 сентября части вермахта вышли к Висле, а 8 сентября прорвались к Варшаве. Ни о каком перемирии с Польшей в Берлине и не помышляли. Перейдя 9 сентября демаркационную линию, гитлеровцы стремительно продвигались на восток. К 15 сентября части вермахта, заняв Брест, пересекли и "линию Керзона", признанную Западом в 1919 г. западной границей Советского государства. В Москве было известно и другое: в Западной Украине гитлеровская агентура развернула кипучую деятельность по подготовке провозглашения здесь при подходе немецких войск "независимого государства", которое стало бы марионеткой в руках Берлина. 10 сентября Гальдер, получив указание из Берлина, обсуждал конкретные детали этой "проблемы" со своими сотрудниками[5]. Не являлось ли это, как не без основания считали в Москве, политической подготовкой к будущей атаке на Советскую Украину?

В условиях разгрома польской армии и фактического распада польской государственности выдвижение частей Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию

было единственным средством остановить дальнейшее продвижение вермахта на восток. Но процесс принятия этого решения Кремлем был весьма непростым. Было очевидно, что вступление советских войск в Польшу, какими бы вескими причинами оно ни диктовалось, таило в себе угрозу создания единого антисоветского блока западных держав, а главное – острого конфликта с союзниками Польши – Англией и Францией. Это понимали не только в Москве, но и в Берлине. Именно поэтому немецкая дипломатия настойчиво подталкивала советскую сторону на скорейшее военное вмешательство. 3 сентября этот вопрос поднял Гитлер, принимая верительные грамоты вновь назначенного советского полпреда в Берлине А.А. Шкварцева.

В тот же день Шуленбургу телеграммой с весьма необычным грифом "Очень срочно! Только послу! Совершенно секретно! Расшифровать лично!" предписывалось немедленно обсудить с Молотовым вопрос, "не считает ли Советский Союз целесообразным, чтобы Советские Вооружённые Силы были в удобное время приведены в действие против польских войск в советской сфере интересов"[6]. В Москве не спешили, и Шуленбург был принят в Кремле лишь 5 сентября. В советском ответе содержались три принципиальных момента. Во-первых, указывалось, что время для "конкретных действий" еще не наступило. Во-вторых, подчеркивалось, что такие действия могут втянуть СССР в конфликт с западными странами, и, в-третьих, немцам предлагалось, если они в ходе военных операций и пересекут демаркационную линию, установленную 23 августа 1939 г., затем отвести свои войска за нее[7].

9 сентября со ссылкой на прекращение поляками организованного сопротивления ту же тему поднимает Риббентроп. "В такой ситуации, – приказывает он Шуленбургу, – я считаю неотложным возобновление ваших бесед с Молотовым о военных намерениях Советского правительства"[8]. 10 сентября Молотов сообщил Шуленбургу, что если Германия заключит с Польшей перемирие, то военная акция со стороны Советского Союза вообще исключается. 12 сентября Гитлер заявил главнокомандующему сухопутными силами Браухичу, что "русские, очевидно, не хотят выступать... Они считают, что поляки будут согласны заключить мир"[9].

13 сентября Москве было сообщено, что о перемирии с Польшей "не может быть и речи". На следующий день Риббентроп заявил, что без военной акции со стороны Советского

Союза в Восточной Польше "могут возникнуть условия для формирования новых государств"[10].

Это не был обычный шантаж, характерный для руководителя нацистской дипломатической службы. 12 сентября начальник верховного командования вермахта Кейтель провел совещание, на котором рассматривались разные модели "окончательного решения" польской проблемы. Один из вариантов предусматривал, что "Галиция и Польская Украина" станут "независимыми".

Под данный вариант начальнику абвера адмиралу Канарису было приказано поднять восстание в украинских районах, "провоцируя восставших на уничтожение евреев и поляков". В этих районах намечалось осуществить то, о чем группенфюрер СС Гейдрих докладывал 27 сентября своему начальству: "В занятых нами областях польская элита выкорчевана до 3 процентов". Приказ о восстании с использованием националистической банды Мельника был затем отменен лишь после вступления частей Красной Армии в Западную Украину[11].

С 14 сентября ясно просматривается стремление советской стороны поскорее начать наступление, выйти на рубеж установленной демаркационной линии, чтобы не дать немецким войскам продвинуться глубже на восток. В этот день директивой наркома обороны перед войсками была поставлена задача к исходу 16 сентября сосредоточиться и быть готовыми к переходу советско-польской границы. Однако проходил час за часом, а Кремль медлил отдавать приказ о выступлении.

Понять нерешительность советского руководства можно лишь с учетом "дальневосточного фактора". Для Кремля не было тайной, что, хотя подписание советско-германского пакта о ненападении и явилось серьезным ударом по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, в Токио не оставляли надежды на то, что война в Европе вскоре может быть превращена в антисоветский поход империалистических государств. Поэтому и после разгрома японских войск на Халхин-Голе переговоры об урегулировании советско-японского военного конфликта, проходившие в Москве, затягивались. Лишь вечером 15 сентября Молотов и японский посол в Советском Союзе С. Того заключили соглашение, согласно которому всякие военные действия между советско-монгольскими войсками, с одной стороны, и японскими – с другой, прекращались с 14 часов 16 сентября. Получив поздно вечером 16 сентября сообщение, что соглашение

вступило в силу и военные действия на Дальнем Востоке прекратились, Сталин решился наконец отдать распоряжение о выступлении частей, сосредоточенных на советско-польской границе.

Накануне выступления частей Красной Армии в советско-германских отношениях остро встал вопрос об аргументации ввода войск. 10 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что если советские войска выступят, то это будет объяснено следующими соображениями: "Польша распадается, и это вынуждает Советский Союз прийти на помощь украинцам и белорусам, которым... угрожает Германия"[12]. 14 сентября в "Правде" была опубликована редакционная статья "О внутренних причинах военного поражения Польши", в которой подчеркивалось, что "корень слабости Польского государства и внутренняя причина его военного поражения" лежат в национальной политике правящих кругов Польши, характеризующейся подавлением и угнетением национальных меньшинств, составляющих 40% населения страны, и особенно 8 млн. украинцев и 3 млн. белорусов[13].

Освободительный характер действий советских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, да еще перед лицом немецкой угрозы их населению, Берлин явно не устраивал. Необходимо, как представлялось там, подчеркнуть единство действий и целей обеих стран. В предложенном Риббентропом совместном советско-германском коммюнике говорилось, что целью СССР и Германии на польских территориях после распада польской государственности является "установление там нового порядка, имея в виду установление естественных границ и жизнеспособных экономических структур"[14]. В ответ вечером 16 сентября Шуленбургу было заявлено, что "в совместном коммюнике вообще больше нет нужды"[15].

В конце концов была выработана компромиссная формулировка: задача советских и германских войск "состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования"[16].

В 2 часа ночи 17 сентября Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял Шуленбурга и предложил ему довести до сведения германского правительства, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем ее протяжении – от Полоцка до Каменец-Подольска. Тут же были

оговорены и первоочередные вопросы советско-германского военного сотрудничества:

а) германской авиации предлагалось не залетать восточнее линии Белосток – Брест – Львов;

б) представителям советского и немецкого военного командования встретиться в Белостоке;

в) принципиально важные военные вопросы будут в дальнейшем решаться напрямую Ворошиловым и германским военным атташе в Москве генерал-лейтенантом Кестрингом[17].

В тот же день, 17 сентября, через час после выступления советских войск, в 7 часов утра, германское командование отдает приказ: частям вермахта остановиться на линии Сколе – Львов – Владимир-Волынский – Брест – Белосток[18].

17 сентября заместитель наркоминдела В.П. Потемкин вручил польскому послу в Москве В. Гржибовскому ноту Советского правительства, в которой утверждалось, что Польское государство фактически перестало существовать*. "Указанное заявление, – говорится в тезисах, подготовленных весной 1989 г. Комиссией ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами, – противоречило нормам международного права, поскольку оккупация Польши германскими войсками не могла перечеркнуть факт существования государства как субъекта международного права, признаваемого союзниками и нейтральными государствами"[19].

Тезис о несуществовании Польского государства был публично повторен Молотовым на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Он заявил: "...Надо указать такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара со стороны германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей"[20].

Это было противоправное и оскорбительное по отношению

---

* Вызывает недоумение, почему в этой ноте не содержалось упоминания о том, что Западная Белоруссия была в 1920 г. отторгнута от Советской России, а Западная Украина насильственно присоединена к Польше после распада Австро-Венгрии и образования Западно-Украинской народной республики. Очевидно, этот факт был упущен из-за спешки (см. Красная звезда. – 1989. – 17 сент.).

к Польше заявление. Закономерно, что в обстановке утверждения нового политического мышления советское руководство и научная общественность от него решительно отмежевались.

Какова же была реальная ситуация в те роковые для Польши дни? В сентябре польское правительство было вынуждено под ударами гитлеровцев перебраться из Варшавы в Люблин, оттуда 9 сентября в Кременец, 13 сентября в Залещики, что у самой румынской границы, а 16 сентября начать эвакуацию в Румынию. По свидетельству польских источников, эта эвакуация продолжалась до вечера 17 сентября, а переход в Румынию офицеров польского верховного командования завершился под утро 18 сентября. Из сообщений итальянского посланника из Бухареста следовало, что продвижение Красной Армии на южном направлении было замедлено, чтобы дать возможность польским властям, а также части польских вооруженных сил уйти в Румынию.

И после 17 сентября части польской армии, способные вести борьбу, продолжали сопротивление гитлеровцам. Славную страницу в историю справедливой борьбы польского народа против гитлеровского нашествия вписали жители Варшавы, сражавшиеся до 28 сентября. До 30 сентября держалась крепость Модлин. В течение месяца гитлеровцы не могли использовать Гданьский порт из-за мужественного сопротивления польских солдат и моряков, укрепившихся на узкой косе Хель. Однако героическая борьба польских патриотов не могла изменить общий ход событий. К 17 сентября военный разгром Польши и очевидная способность вермахта в кратчайший срок довершить оккупацию всей польской территории и выйти на подступы к Минску и Киеву стали суровой реальностью. И не считаться с этим в Москве не могли*.

Выступив утром 17 сентября, советские войска к 25 сентября продвинулись на 250–350 *км*. С отрядами польских

---

* В ходе Чичеринских чтений в Дипломатической академии МИД СССР 29 ноября 1989 г., посвященных обсуждению международной обстановки и внешнеполитических акций Советского Союза осенью 1939 г., не получил поддержки тезис польского ученого и дипломата Я. Пристрома о том, что вступление Красной Армии на территорию Польши 17 сентября 1939 г. ослабило боевые возможности польской армии, сопротивление которой гитлеровской агрессии при ином развитии событий могло бы быть более эффективным и продолжительным (см. **Вестник МИД СССР. – 1990. – № 2. – С. 65**).

войск серьезных боев, по сути, не было. Немалую роль в этом сыграл приказ маршала Рыдзы-Смиглы: "С Советами в бой не вступать, оказывать сопротивление только в случае... попыток разоружения наших частей... Части, к которым подошли Советы, должны начать с ними переговоры с целью вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию". Не настраивали поляков на враждебность и действия советских войск. Как писал начальник штаба польского главного командования генерал Вацлав Стахевич, польские части "дезориентированы поведением большевиков, потому что они в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они приходят на помощь Польше против немцев"[21].

Оценивая ныне действия Советского Союза в сентябре 1939 г. на территории Польши, нельзя не отметить их глубокую противоречивость. С одной стороны, очевидна позитивность того факта, что украинское и белорусское население Польши избежало в 1939 г. фашистской оккупации, а затем смогло объединиться с братскими советскими народами. Д. Ллойд Джордж писал польскому послу в Лондоне, что СССР занял "территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии".

Однако не сбросишь со счетов и то, что все это осуществлялось в соответствии с секретным протоколом, подписанным руководством СССР и гитлеровской Германии. Неся свободу от фашистской оккупации населению Западной Украины и Западной Белоруссии, Советский Союз одновременно в глазах демократической общественности понес существенные моральные издержки. Если украинское и белорусское население отнеслось к Красной Армии как к освободительнице, то поляки встретили ее настороженно.

"Верно, что народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность, – отмечалось на II Съезде народных депутатов СССР. – Но разве по тем же общечеловеческим меркам нельзя понять и чувства тех, кто оказался бессильной игрушкой более сильных, кто через призму содеянных Сталиным несправедливостей стал оценивать всю свою последующую историю?"[22].

Важную роль в определении дальнейшего поведения Сталина в отношении фашистской Германии и лично Гитлера сыграло быстрое решение – в течение двух-трех дней – вопроса о том, будут ли немцы соблюдать демаркационную ли-

нию, установленную секретным протоколом от 23 августа, или предпочтут удержание занятой ими территории советской "сферы государственных интересов".

С первых часов вступления советских войск в Польшу в Кремле царила тревога: непредсказуемость действий нацистского фюрера была хорошо известна. Уже в ночь на 18 сентября Сталин вызвал к себе Шуленбурга и выразил определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование в соответствующее время придерживаться московской договоренности и отведет ли войска на согласованную линию Писса – Нарев – Висла – Сан. Его сомнения, заявил он, "основываются на хорошо известном факте, что все военные неохотно очищают завоеванные территории"[23].

Ставка была крупной, и в игру включился Гитлер. Нацистский фюрер рассчитал точно. Для того чтобы усыпить подозрительность Сталина и заручиться его "дружбой" (на срок не более двух лет!), стоило подтвердить секретный протокол и отвести части вермахта за демаркационную линию – на несколько десятков километров на запад. С военной точки зрения в случае агрессии против СССР потеря была незначительной, а политический выигрыш, и немалый, налицо. 19 сентября Шуленбург получает указание передать Сталину, что московские договоренности, разумеется, будут соблюдены и станут "фундаментом новых дружественных отношений с Советским Союзом"[24]. На следующий день начальник штаба оперативного руководства верховного командования вермахта генерал Йодль передает Браухичу и Гальдеру приказ Гитлера: "Действовать совместно с русскими... Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию". Негодованию генералов не было границ. "День позора немецкого политического руководства"[25], – записывает Гальдер в своем служебном дневнике.

Но Гитлер рассчитывал дальше, чем его генералы. 22 сентября было опубликовано германо-советское коммюнике, где говорилось, что Германия и СССР "установили демаркационную линию между германской и советской армиями", и дальше дословно повторялась формулировка секретного протокола от 23 августа.

Сталин проглотил наживку, брошенную ему Гитлером. Кремль предложил немедленно начать переговоры для окончательного определения структуры польских территорий. "При этом, – докладывал Шуленбург в Берлин, – Молотов дал

понять, что первоначально Советское правительство и лично Сталин были склонны сохранить остаток Польши (в качестве самостоятельного государства? – *Г.Р.*), теперь же возобладала тенденция разделить Польшу по линии рек Писса – Нарев – Висла – Сан"[26]. Риббентроп незамедлительно дал согласие на новую поездку в Москву.

В эти дни в советско-германских отношениях со всей остротой встал литовский вопрос. Выход частей Красной Армии к границам Литвы в Каунасе рассматривали как важный фактор, противодействующий угрозе гитлеровской агрессии. Командующий литовской армией генерал С. Раштикис отдал распоряжение войскам встречать части Красной Армии в дружественном духе. В военных литовских кругах, как сообщал в Москву полпред Н.Г. Поздняков, господствовало мнение, что "Литва, опираясь на соседство Советского Союза, будет чувствовать себя лучше, чем в последнее время"[27].

В этой обстановке Берлин решил ускорить захват Литвы. 18 сентября литовский посланник в Берлине К. Шкирпа был срочно вызван к Риббентропу, который потребовал, чтобы министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис немедленно прибыл на встречу с ним в Данциг, причем эта встреча должна быть секретной. Риббентроп вручил литовцам подготовленный в его ведомстве и одобренный Гитлером проект основных принципов "договора об обороне между Германией и Литвой". В нем говорилось, что "Литва отдает себя под опеку германского рейха", а чтобы "эта опека могла осуществляться на деле, Германия и Литва заключают между собой военную конвенцию", причем "численность, дислокация и вооружение литовской армии должны быть устанавливаемы при полном согласии вермахта". Следить за выполнением условий договора должна была специальная германская военная миссия[28]. Литовское правительство немедленно проинформировало о немецких домогательствах Москву[29]. Об этом стало известно в Берлине. Реакция Гитлера была незамедлительной. 25 сентября он подписывает "директиву № 4", в которой говорилось: "Держать в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления"[30]. Оценивая эту директиву, генерал С. Раштикис позднее признавал, что "немцы просто готовились оккупировать Литву: если она не хочет быть сателлитом, то пусть будет завоеванной страной"[31]. И для Каунаса, и для Москвы было очевидно, что до гитлеровской агрессии против Литвы оставались считанные часы.

В этой обстановке советское руководство делает совершенно неожиданный для Берлина ход. Вечером 25 сентября Кремль предлагает в ходе предстоящего визита Риббентропа в Москву обсудить новое советское предложение: линия, разграничивающая сферы государственных интересов СССР и Германии, установленная секретным протоколом от 23 августа, изменяется. Польская территория между Вислой и Бугом – Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства – переходит в сферу государственных интересов Германии, а Германия отказывается от своих претензий на Литву[32]. Смысл советской акции очевиден – помешать немецкой экспансии в Прибалтике и снять с повестки дня в советско-германских отношениях "польский вопрос": западные рубежи Советского Союза устанавливались по общепринятой Западом "линии Керзона", установленной в 1919 г. на Версальской мирной конференции.

Одновременно предлагалось советско-германскую демаркационную линию на территории Польши оформить как окончательную границу специальным договором. Предварительное согласие Берлина было получено, и вечером 27 сентября Риббентроп второй (и последний) раз прибыл в Москву для переговоров с советскими руководителями.

Разница между двумя вояжами нацистского министра в СССР была разительной. В Москве теперь всячески старались подчеркнуть "дружбу" с фашистской Германией. На этот раз Риббентропа на аэродроме встречал Молотов с многочисленной свитой высших чинов. Наркоминдела и Генерального штаба. Был выстроен почетный караул; развевались флаги с фашистской свастикой.

Переговоры в кабинете Сталина начались в 22 часа вечера и продолжались до глубокой ночи. От натянутости прошлой встречи не осталось и следа. Обстановка была настолько непринужденной, вспоминал впоследствии Риббентроп, что порой ему казалось, что он "находится в кругу старых товарищей по партии"[33].

Прежде чем переходить к постатейному обсуждению проекта нового советско-германского договора, который по предложению немецкой стороны должен был именоваться "договором о дружбе и границе", советская сторона предложила прежде всего согласовать текст секретного дополнительного протокола к нему. Он гласил: "Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государ-

ства включается в сферу интересов СССР, так как, с другой стороны, Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии"[34]. Таким образом, советско-германская граница от Литвы до Карпат устанавливалась по рекам Нарев – Буг – Сан. Это и было зафиксировано на карте, которую Молотов развернул перед Риббентропом. Внеся в линию границы незначительные изменения, нацистский министр предложил Сталину совместно поставить свои подписи на карте, приложенной к немецкому тексту секретного протокола. Сталин охотно согласился. Сталин синим, а Риббентроп красным карандашом размашисто расписались на документе. Риббентроп захватил эту карту с собой в Берлин, где она и осела в архивах германского министерства иностранных дел.

Таким образом, важнейший вопрос о советско-германской границе был согласован – это и было затем зафиксировано в статье 1 договора. По предложению советской стороны граница была признана "окончательной". Германия обязывалась не вмешиваться в дела Западной Украины и Западной Белоруссии, а СССР признал за Германией право на "необходимое государственное переустройство" на территории Польши. Договор рассматривал это как "надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений" между народами обеих стран[35].

К исходу первого раунда переговоров, к утру 28 сентября, было согласовано еще два документа: секретный дополнительный протокол и доверительный протокол к "договору о дружбе и границе". В первом обе стороны брали обязательство не допускать "на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны". Второй документ урегулировал вопрос о переселении в соответствии с желанием немцев, проживающих в советской сфере интересов, на запад, а украинцев и белорусов, оказавшихся по ту сторону советско-германской границы, – в Советский Союз.

Переговоры в Кремле возобновились 28 сентября в 15 часов. В центре их оказался вопрос о включении Литвы в сферу государственных интересов Советского Союза. В принципе этот вопрос был уже предопределен решением о переносе советско-германской границы на восток – с Вислы на Буг.

Отказавшись (временно!) от планов аннексии всей Литвы, гитлеровцы тем не менее предъявили претензии на значительную часть литовской территории, пограничной с Восточной Пруссией. В ходе развернувшейся дискуссии с Риббентропом Сталин и Молотов заняли беспринципную и аморальную позицию. Вместо того чтобы с порога отвергнуть домогательства гитлеровцев вести переговоры о территории третьей страны – Литвы, они втянулись в длительную дискуссию, настаивая лишь на ограничении немецких территориальных притязаний. В итоге в предложенный советской стороной текст секретного дополнительного протокола, изменяющего секретную договоренность от 23 августа 1939 г., было внесено дополнение: "Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии"[36].

Необходимо отметить, что первоначально Риббентроп предъявил немецкие претензии на добрую треть литовской территории. Впоследствии литовский посланник в Москве Л. Наткавичюс со слов Молотова писал, что немцы "с большим трудом согласились довольствоваться" узкой полосой территории на юго-западе Литвы (район Вилкавишкис – Мариямполе – Лаздияй) площадью 3198 *кв. км*, с населением 184 тыс. человек*.

Такое соглашение, принятое без согласия литовского правительства, представляло собой грубое нарушение принципов и норм международного права. Есть свидетельство, что и советское руководство понимало неправомерность своих действий в отношении литовской территории. Как свидетельствует Ю. Урбшис, даже сам Сталин, когда 8 октября 1939 г. Урбшис заявил ему о своем недовольстве по поводу такого решения, сказал: "Здесь мы, пожалуй, сделали ошибку".

Но это признание было потом, а сейчас...

Обе стороны остались довольны исходом переговоров. Вечером Правительство СССР дало в честь Риббентропа торжественный обед, чего раньше удостаивались лишь главы

---

* Затем на основе советско-германского секретного протокола от 10 января 1941 г. эта территория в конечном счете осталась в составе Литвы.

государств и правительств. Затем нацистский министр в сопровождении Молотова направился в Большой театр на балет "Лебединое озеро".

Заключительная стадия переговоров началась в полночь на 29 сентября. Как свидетельствуют документы, в отличие от того, что было месяц назад, советское руководство было настроено более оптимистично. Урегулировав территориальные и пограничные вопросы с Германией, Сталин считал, что его стратегия приносит свои плоды: на Западе продолжается война Германии с Англией и Францией, а Советский Союз стоит в стороне от схватки империалистических держав. Основу для дальнейшего сохранения такой ситуации он видел в стабильности советско-германских отношений. Ради этого он был готов пойти на совершенно не оправданные шаги как в политической, так и в экономической сфере. В ходе последнего раунда переговоров с Риббентропом советское руководство, по существу, сошло с позиции нейтралитета и встало на путь сотрудничества с гитлеровской Германией. Об этом свидетельствует совместное советско-германское заявление, подписанное Молотовым и Риббентропом и опубликованное в печати 29 сентября. В нем говорилось, что если усилия правительств Германии и СССР по ликвидации войны в Западной Европе не достигнут цели (а ни в Берлине, ни в Москве, как мы знаем, и не стремились к этому), "но таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны.., Правительства Германии и Советского Союза будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах"[37]. Риббентроп в заявлении перед отъездом из Москвы выразился более определенно: "Если в этих странах (Англии и Франции. – *Г.Р.*) возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это"[38].

В условиях, когда из-за англо-французской морской блокады получение Германией стратегического сырья из-за рубежа было в значительной степени затруднено, советское руководство взялось "компенсировать" эти потери. Именно в этом был смысл писем, которыми обменялись Молотов и Риббентроп на последнем раунде переговоров в Москве.

Более того, в тот же день была достигнута принципиальная договоренность, по которой советская сторона обязалась предоставить немцам на побережье Баренцева моря порт или место для военно-морской базы, куда могли заходить герман-

ские рейдеры, действовавшие на морских коммуникациях союзников в Атлантике*.

В 5 часов утра 29 сентября все советско-германские документы были подписаны. (Они были датированы 28 сентября.) Через несколько часов нацистский министр покинул советскую столицу.

В отличие от советско-германского договора о ненападении, в оценке которого имеется широкий спектр несовпадающих мнений, заключенный 28 сентября 1939 г. "договор о дружбе и границе" с Германией вызывал уже в то время и вызывает сейчас резкую "реакцию неприятия". Прежде всего это качественно новый договор. Договор о ненападении – договор мирного времени, второй же заключен со страной – гитлеровской Германией, совершившей неприкрытый акт агрессии. Если договор о ненападении в основном соответствовал тогдашней международной практике, то договор от 28 сентября ставил под сомнение, если не подрывал, статус Советского Союза как нейтральной страны и втягивал его в беспринципное сотрудничество с гитлеровской Германией.

Закономерно поставить вопрос: была ли вообще необходимость в таком договоре? Конечно, правильным было решение проводить размежевание с гитлеровцами по линии этнического раздела между областями с большинством собственно польского населения и районами проживания украинцев и белорусов. Однако неправомерным было квалифицировать такое размежевание как границу между Советским Союзом и Германией, полностью игнорируя Польшу и польский народ. Установление этой "границы" нельзя оправдать и тем, что она в основном совпадала с "линией Керзона" – советско-польской границей, установленной в 1919 г. Версальской мирной конференцией. Можно с полным основанием сказать, что

* В ходе переговоров немцы поставили вопрос об использовании германскими ВМС Мурманска с его развитой системой судоремонта. Однако впоследствии главнокомандующий нацистскими ВМС адмирал Редер не стал настаивать на этом. Учитывалось, что из-за присутствия иностранных кораблей скрыть деятельность германских ВМС в Мурманске будет невозможно, а "русские, – как доносил в Берлин немецкий военно-морской атташе в Москве Баумбах, – готовы удовлетворить немецкие пожелания, если им удастся сохранить хотя бы видимость нейтралитета". Поэтому было согласовано, что база для гитлеровских ВМС (под флагом "концессии") будет сооружена в Западной Лице. Уже в октябре 1939 г. немцы стали там строить причалы, ремонтные мастерские, склады снабжения. База получила кодовое название "Пункт Норд". За аренду губы Западная Лица немцы рассчи-

заключение договора 28 сентября 1939 г. было грубой политической ошибкой, усугубленной обещанием развития "дружбы" с гитлеровской Германией, содержащимся в самом названии и тексте договора. Ни с политической, ни с моральной точки зрения оправданий этой ошибке быть не может. Сталин пошел на крупные политические и нравственные издержки, полагая, что ему лично удастся установить с Гитлером стабильное взаимопонимание. Это опасная иллюзия была развеяна 22 июня 1941 г.*

Важным производным советско-германских договоренностей в августе – сентябре 1939 г. стало установление предела экспансии Германии в Восточной Европе. Она была вынуждена отказаться от притязаний на Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию. Выступая по лондонскому радио 1 сентября 1939 г., Черчилль заявил: "То, что русские армии должны находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда господин фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении балтийских государств и Украины должен быть положен конец".

Сложность ситуации заключалась в том, что в сентябре 1939 г. возник не только Восточный фронт для Германии, но и Западный фронт для Советского Союза. Гитлеровский

тались недостроенным тяжелым крейсером "Лютцов" (см. Сорокатердьев В. Арктические игры, рожденные пактом//Молодая гвардия. – 1990. – № 6). 5 сентября 1940 г. Шуленбург получил указание МИД Германии сообщить Москве, что немецкий военный флот "намерен отказаться от предоставленной ему базы на мурманском побережье, так как в настоящее время ему достаточно баз в Норвегии". Шуленбургу поручалось выразить Советскому правительству благодарность за "неоценимую помощь". Одновременно телеграмму с благодарностью наркому военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецову направил главнокомандующий нацистскими ВМС адмирал Редер (см. ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 25).

* По соглашению между СССР и Польшей от 30 июля 1941 г. правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 г., касающиеся территориальных изменений в Польше, утратившими силу. Нынешняя советско-польская граница определена Договором о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г.

вермахт занял позиции непосредственно у западных рубежей Советского Союза. Опыт молниеносного разгрома Польши показал, что прибалтийские страны не смогли бы оказать сопротивления фашистской Германии, если бы она в нарушение советско-германских договоренностей напала на них. В этой обстановке Советское правительство предложило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы заключить пакты о взаимопомощи. Эта мера была призвана способствовать как укреплению безопасности северо-западных границ Советского Союза, так и ограждению прибалтийских государств от угрозы фашистской агрессии. В результате проходивших в Москве двусторонних переговоров такие пакты были заключены: 28 сентября – с Эстонией, 5 октября – с Латвией, 10 октября – с Литвой.

Согласно условиям пактов, Советский Союз получил право разместить на территории этих стран ограниченное количество войск (20–25 тыс.) и создавать в определенных пунктах военно-морские базы и аэродромы. Договор с Литвой предусматривал также совместную защиту литовской границы. Никаких сомнений в законном характере этих международных документов не было и нет. Они были подписаны полномочными представителями соответствующих правительств и ратифицированы парламентами соответствующих стран. Вступление ограниченного контингента советских войск на территорию Литвы, Латвии и Эстонии не вызвало негативной реакции у общественности и печати этих стран, ибо они оставались независимыми и полностью суверенными. "Ни вашу конституцию, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем"[39], – заявил Сталин министру иностранных дел Латвии В. Мунтерсу 20 октября 1939 г. "Пакт о взаимопомощи не задевает наших суверенных прав, – объявил, выступая по радио, президент Эстонии К. Пятс. – Наше государство остается самостоятельным, таким, каким оно было и до сих пор"[40].

Советские воинские контингенты, размещенные в прибалтийских странах, имели строжайшие предписания непосредственно от К.Е. Ворошилова исключать контакты с местным населением[41]. По линии НКИД СССР дипломатическим представителям в прибалтийских республиках (К.Н. Никитину – в Эстонии, И.С. Зотову – в Латвии, И.Г. Позднякову – в Литве) в категорической форме запрещалось какое-либо вмешательство во внутренние дела этих стран[42]. Укреплению положения прибалтийских стран способствовали и новые торго-

вые соглашения, заключенные ими с Советским Союзом, по которым они начали получать нефть, железо, хлопок и другие сырьевые товары. Это облегчило их экономическое положение, компенсировало утрату значительного объема торгово-экономических связей с западными государствами, нарушенных в результате войны и исключения балтийских морских путей из сферы международного торгового общения.

От Латвии, Литвы и Эстонии была отведена непосредственная угроза оказаться оккупированными фашистской Германией. Это признал и военный министр Великобритании Л. Хор-Белиша, которого никак нельзя было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу. Выступая 21 октября, он отметил, что Германия всегда выступала с притязаниями на Прибалтику. "Теперь, – заявил он, – Россия уничтожила все эти планы и намерения немцев".

Необходимо отметить, что оказались сорванными и планы пронацистских кругов в прибалтийских странах. Так, 24 сентября по указанию главнокомандующего вооруженными силами Эстонии Й. Лайдонера в Германию был срочно направлен помощник начальника штаба вооруженных сил полковник Р. Маазинг. В Кенигсберге он встретился с представителем ОКВ и поставил вопрос о совместной вооруженной борьбе против Советского Союза. В ответ было сказано: "Мы воюем с Западом. В нынешний момент мы не можем оказаться в конфликте с Советской Россией. Это привело бы к войне на два фронта. По этой причине Германия проиграла первую мировую войну"[43]. О маневрах пронацистских элементов в Прибалтике Москве было известно, и это заставляло Кремль торопиться.

Вместе с тем необходимо отметить грубость и нетерпимость, проявленные Сталиным и Молотовым в ходе переговоров о заключении пактов о взаимной помощи с прибалтийскими государствами. Игнорировался тот факт, что отношения этих стран с Советским Союзом к тому времени уже регулировались целым комплексом соглашений, в том числе и договорами о ненападении[44]. В ходе переговоров сказались и геополитические устремления советского руководства. "То, что было решено в 1920 г., не может оставаться на вечные времена, – заявил Сталин 2 октября латвийской правительственной делегации. – Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться

нельзя. Поэтому хотим гарантировать себе использование портов, путей к этим портам и их защиту"[45].

Примечательно, что такая постановка вопроса находила понимание в определенных кругах западных стран. Так, в беседе с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским У. Черчилль заявил, что "прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря", и "очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не германскую государственную систему. Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможности "лебенсраум" (жизненного пространства. – *Г.Р.*) для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают"[46].

К середине октября 1939 г. сложная и опасная дипломатическая игра между Москвой и Берлином, начатая в конце лета, казалось, подошла к концу. Сферы государственных интересов Советского Союза и Германии были четко определены на всем протяжении от Балтийского моря до Карпат. Здесь части Красной Армии и вермахта встали друг против друга. В отношениях между Советским Союзом и Германией помимо рутинных вопросов двусторонних отношений (торгово-экономические и финансовые проблемы, консульские дела) на первый план все более весомо выходили "фланги" – позиции сторон на Балканах и в Финляндии.

"ФИНСКИЙ КАПКАН"

В 8 часов утра 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа во взаимодействии с Балтийским и Северным флотами перешли государственную границу Финляндии. Началась советско-финская война, ход и исход которой существенно повлияли на решения, принятые затем Гитлером и его окружением в отношении Советского Союза.

Формально Германия с началом войны продемонстрировала готовность соблюдать советско-германский договор о ненападении и заявила о своем нейтралитете. "Ясно, – записал 2 января 1940 г. статс-секретарь германского МИД Эрнст фон Вейцзекер, – что в ситуации, как она развивалась за последние полгода, мы не могли занять другую позицию"[1]. 2 декабря 1939 г., а затем повторно 6 декабря германские представительства за границей получили указание "в разговорах о финско-русском конфликте избегать любых антирусских нюансов" и подчеркивать ответственность Англии за развязывание войны[2]. При этом добавлялось, что "наши симпатии, естественно, на стороне Финляндии, с которой нас связывают многие дружественные связи. Но германская внешняя политика определяется не эмоциями"[3]. В этом же духе все ведущие газеты Германии опубликовали в воскресных номерах 9 декабря статью "Германия и финский вопрос", текст которой был продиктован лично Гитлером[4]. Официально было объявлено, что запрещаются экспорт немецкого оружия в Финляндию и транзит через Германию военных поставок для финнов из других стран. Однако, в то время как ведомство Риббентропа широко афишировало нейтральный статус Германии в советско-финской войне, под руководством Геринга, куратора германской военной экономики, втайне от об-

щественности осуществлялись мероприятия по снабжению Финляндии оружием и боеприпасами.

В ряде бесед, которые Геринг провел со шведским промышленником Биргером Далерусом 5–12 декабря 1939 г., была высказана точка зрения нацистского руководства: Германия готова, "насколько это возможно", снабжать Швецию оружием, которое затем будет перепродаваться Финляндии. Далерус был уверен, что "Геринг не мог бы сделать это без согласия Гитлера"[5]. Геринг особо подчеркивал, что "операция" должна носить сугубо секретный характер и ни в коем случае не должна стать достоянием общественности. Однако (не с подачи ли советского посольства в Стокгольме?) сообщение о ней проникло на страницы шведских газет. 21 декабря Геринг был вынужден сообщить Далерусу и шведскому военному атташе в Берлине полковнику Юлин-Донфельту, что вследствие советского протеста замысел готовившейся сделки рухнул. Теперь Швеции предлагалось снабжать Финляндию оружием из собственных запасов, а взамен получать германское оружие. Шведы представили "лист пожеланий" на сумму 500 млн. крон, в том числе предусматривалась поставка 100 истребителей "мессершмитт", артиллерийских орудий и танков. Соответствующее количество шведской боевой техники направлялось в Финляндию.

16 января 1940 г. германским руководством в секретном порядке было принято принципиальное решение, разрешающее транзит через немецкую территорию финских военных закупок в Италии, Венгрии и Швейцарии[6].

Считая нецелесообразным открыто оказывать военную помощь Финляндии, Берлин широко использовал для этой цели своего союзника – фашистскую Италию. Буквально с первого дня войны транзитом через Германию в Финляндию стали направляться итальянские самолеты, зенитные орудия, боеприпасы. В декабре 1939 г. министр иностранных дел Италии Г. Чиано записал в своем дневнике: "Принял финского посланника, он благодарил за моральную поддержку его стране. Просил помощи оружием и, по возможности, специалистами. Мы не возражаем. Несколько самолетов уже отправлено. Но для этого, конечно, требуется согласие Германии... Посланник ответил, что он не видит трудностей в этом деле, и сообщил, что и сама Германия уже отправила финнам оружие, в частности трофейное из Польши"[7]. Двуличие немецкой дипломатии стало предметом решительного демарша советской стороны. 9 декабря 1939 г. Шуленбург докладывал Риб-

бентропу: "Сегодня во второй половине дня Молотов пригласил меня к себе и высказал озабоченность в связи с тем, что Италия поставила на днях Финляндии 50 истребителей, а Германия разрешила транспортировать их через свою территорию. Молотов заявил, что поведение Италии является вызывающим и возмутительным и что Советское правительство уже сделало Италии соответствующие представления по этому поводу. Что касается содействия Германии в этом вопросе, то оно является для Советского правительства абсолютно непонятным"[8].

Именно такая позиция – формальный нейтралитет Германии в советско-финской войне при тайной поддержке Финляндии – в сложившейся конкретной обстановке в наибольшей степени отвечала агрессивным планам гитлеровского руководства. Гитлер обосновывал свою позицию в советско-финской войне необходимостью "все силы сконцентрировать на Западе". Разгром Польши рассматривался в Берлине лишь как прелюдия к широкому наступлению на западе. 27 сентября на совещании в имперской канцелярии с верхушкой нацистского генералитета Гитлер приказал форсированно развернуть практическую подготовку операции. А уже 8 октября он подписывает подготовленную верховным командованием вермахта "директиву № 6 на ведение войны". Необходимо, говорилось в ней, "без промедления приступить к активным наступательным действиям" через территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга[9]. Цель кампании на Западе была сформулирована с предельной четкостью – "окончательный военный разгром западных держав"[10]. Гитлеровцы рассчитывали, что быстрый военный разгром Франции заставит английское правительство, во главе которого по-прежнему стоял убежденный "мюнхенец" Н. Чемберлен, принять немецкие требования. Лишь после этого, обеспечив свой тыл на Западе и ликвидировав опасную для них проблему войны на два фронта, политические и военные руководители фашистской Германии планировали сокрушить Советский Союз. "Мы имеем договор с Россией, – заявил Гитлер на совещании с генералитетом 23 ноября 1939 г., – но договоры соблюдаются, лишь когда они целесообразны... Мы сможем выступить против России лишь тогда, когда будем свободны на Западе"[11]. При этом Гитлер подчеркнул, что благоприятная обстановка для нападения на Советский Союз вследствие ослабления его вооруженных сил сохранится еще год-два.

Дата начала немецкого наступления на Западе устанавли-

валась и переносилась Гитлером неоднократно. В первый раз это было 12 ноября, затем – 17 января 1940 г. Оба раза оно откладывалось уже после того, как войска начинали выдвигаться на исходные рубежи. Сначала наступлению помешала неготовность танковых частей вермахта, затем – неблагоприятные зимние погодные условия. В конце концов окончательным сроком было определено начало мая 1940 г.

Обострять отношения с Советским Союзом из-за Финляндии в момент, когда фашистский вермахт изготовился к прыжку на Запад, было, как считали в Берлине, явно нецелесообразно. Это и лежало в основе формально нейтральной позиции, занятой Германией. Гитлеровская дипломатия исходила при этом из того, что интересам Германии более всего соответствовал бы затяжной характер советско-финской войны. Это позволило бы Германии в момент "марша на Запад" испытывать меньшее давление со стороны Восточного фронта. В сложившейся обстановке, разъяснял Гитлер генералам, на Востоке можно оставить лишь несколько дивизий.

Расчет гитлеровцев состоял и в том, что затяжной советско-финский конфликт ухудшит и обострит отношения Советского Союза с западными странами. Немалые надежды в Берлине возлагали на то, что антисоветская политика Англии и Франции в конечном счете спровоцирует резкую реакцию со стороны Советского Союза, вплоть до военного отпора этой политике, что втянуло бы Советский Союз в вооруженный конфликт с империалистическими противниками Германии. "Ничто не могло быть более желанным для Германии, – писал финский политический деятель, современник тех событий Ю. Ниукканен, – как выступление Англии против Советского Союза". Таким образом, начиная войну с Финляндией, которая явилась плодом "личной дипломатии" Сталина, советское руководство в угоду своим имперским амбициям и неверно понятым интересам безопасности Советского Союза совершило грубые ошибки при оценке как боевых возможностей финской армии и внутриполитической обстановки в Финляндии, характеризовавшейся патриотическим подъемом, так и международной обстановки в целом. Ошибочным был расчет Кремля, что Германия скрупулезно выполнит пункт секретного протокола от 23 августа 1939 г., по которому Финляндия входила в сферу государственных интересов СССР. Ошибочным был и расчет, что Англия и Франция, находясь в состоянии войны с Германией, не отреагируют на советские действия в Финляндии. В результате всех этих просчетов ста-

линское руководство, начав эту бесславную "зимнюю войну", угодило в "финский капкан".

Но вернемся к действиям гитлеровской дипломатии. Прежде всего она сыграла немалую роль в непримиримой позиции, которую заняла финская сторона на предшествовавших войне переговорах с Советским Союзом в Москве. Посещение Финляндии в июне 1939 г. начальником штаба сухопутных сил Германии генералом Ф. Гальдером вылилось в демонстрацию братства по оружию финской армии и немецко-фашистского вермахта. Гальдер совершил инспекционную поездку на Карельский перешеек и в Лапландию – районы основных направлений будущих военных действий против СССР с территории Финляндии. Тесное взаимодействие военных разведок обеих стран было согласовано летом 1939 г. во время посещения Хельсинки руководителем нацистского абвера адмиралом В. Канарисом. В сентябре была достигнута договоренность о предоставлении финнами для немецких подводных лодок баз снабжения на островах неподалеку от Хельсинки[12]. В конце октября, когда советско-финские переговоры достигли критической стадии, Финляндию посетил родственник Геринга граф Армфельд. Он передал финским руководителям – министру иностранных дел Э. Эркко и фельдмаршалу К.Г. Маннергейму – рекомендацию Берлина "держаться жестко" и обещание "вернуться к данному вопросу, если положение Финляндии осложнится". Это имело свои результаты. По словам начальника политического отдела МИД Финляндии А. Пакаслахти, "Эркко был склонен в течение всех наших переговоров в Москве возлагать какие-то надежды на поддержку Германии"[13]. Тогда же Германия под предлогом осуществления контроля за торговыми судами Эстонии, Латвии и Финляндии стала концентрировать военные корабли у входа в Рижский и Финский заливы. Шуленбургу было заявлено в НКИД, что эти действия представляются советской стороне демонстративным актом, направленным явно против СССР и в пользу Финляндии.

Ссылаясь на свой нейтралитет, Берлин в начале января 1940 г. не поддержал просьбу финнов о посредничестве между Финляндией и Советским Союзом, что могло бы приблизить сроки окончания войны. А несколько дней спустя, 11 января, германский посланник в Хельсинки фон Бюлов настойчиво советовал финнам по-прежнему занимать жесткую позицию в отношении СССР[14]. Советский полпред в Англии И.М. Майский с тревогой докладывал 17 января

1940 г. в Москву: "Германский мининдел ведет сейчас такую линию: стравливать СССР с Англией и Францией, используя для этого финские события, в надежде довести дело до окончательного разрыва между Москвой и западными державами, затягивать финскую войну..." 4 марта в беседе со шведским исследователем Свеном Гедином, известным своими симпатиями к нацистам, Гитлер выразил уверенность, что советско-финская война затянется по крайней мере до мая – июня 1940 г.[15]

Вопреки ожиданиям советского руководства война в Финляндии действительно затягивалась. В Берлине с удовлетворением наблюдали, как политика западных держав приобретала все более враждебный Советскому Союзу характер. Под видом оказания помощи Финляндии в Лондоне и Париже принялись за спешную подготовку военного нападения на СССР как с севера, так и с юга, с тем чтобы превратить советско-финскую войну в отправной пункт объединенного военного похода стран Запада против СССР. Предполагалось, что на определенном этапе в антисоветском походе примет участие и фашистская Германия, организовав вторжение в центральные районы Советского Союза.

"Финский капкан", казалось, начинал срабатывать. 19 декабря 1939 г. верховный военный совет союзников принял решение о подготовке военного нападения на СССР, а 5 февраля постановил отправить англо-французские войска в Финляндию. Предполагалось, что 150-тысячный англо-французский экспедиционный корпус, высадившись в Нарвике и Петсамо, должен был двинуться на Ленинград и Мурманск. На 12 марта была намечена отправка судов, а на 20 марта – высадка войск. Одновременно шла подготовка к удару против СССР с юга: планировались бомбардировка англо-французской авиацией советских нефтяных промыслов Баку, Майкопа и Грозного, вторжение в Черное море английской морской армады, а в Закавказье – сухопутных англо-французских сил под командованием генерала Вейгана.

Гитлеровское руководство рассматривало англо-французские приготовления к агрессии против СССР как важный фактор, отвлекающий внимание Лондона и Парижа от подготовки отпора предстоящему удару вермахта на Западе. Поэтому гитлеровская "пятая колонна" во Франции и Англии поддерживала надежды Лондона и Парижа на предстоящий совместный поход против СССР и дележ советской территории. "Мир был бы заключен за счет России, – писал француз-

ский дипломат Т. Барду, – против которой сразу же после заключения перемирия выступил бы вермахт. Англия получила бы Туркестан. Границы Ирана и Турции оказались бы отодвинутыми до Каспийского моря. Италия имела бы долю участия в нефти, а Германия аннексировала бы Украину"[16].

Советскому руководству было известно, что наряду с подготовкой антисоветской интервенции Лондон и Париж усилили маневры, направленные на прекращение войны и достижение "нового Мюнхена" с фашистской Германией. В декабре 1939 г. министр иностранных дел Англии А. Галифакс через датского промышленника Плесс-Шмидта довел до сведения Берлина англо-французские условия договоренности с Германией: сохранение гитлеровского господства в Австрии, Чехословакии и западной части Польши, возвращение Германии потерянных в первую мировую войну колоний, создание антисоветского блока в составе Англии, Франции, Германии, Италии и Испании. Примирить воюющие западноевропейские страны на антисоветской основе стремился и заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес, посетивший в феврале – марте 1940 г. Рим, Берлин, Лондон и Париж.

Из донесений, поступавших в Кремль от групп разведчиков, связанных с германским МИД, в Москве было известно, что и в гитлеровском руководстве, и среди германских промышленников были лица, допускавшие сговор с западными странами на антисоветской основе. Примечательна запись в мемуарах немецкого посланника в Хельсинки В. фон Блюхера: "Если бы немецкой внешней политикой руководил Макиавелли, то он твердо бы придерживался точки зрения, что расширение финско-русского конфликта отвечает реальным политическим интересам Германии, что из этого конфликта вытекает возможность втянуть все западные страны в столкновение с Россией. Это направило бы все мировое развитие по другим рельсам"[17].

Советская дипломатия вследствие просчета Сталина попала в сложнейшее положение. Узел затягивался. Война с Финляндией продолжалась, и это вело к морально-политической изоляции Советского Союза на международной арене. Оставались считанные дни до развертывания вооруженными силами Англии и Франции военных действий против Советского Союза на его северных и южных рубежах. Гитлеровская дипломатия, несмотря на явное угодничество Сталина перед Берлином, а, может быть, также и благодаря ему, стала

проявлять пренебрежительный тон в отношениях с Москвой*. В Берлине считали, что "сотрудничество с Германией приобрело для Советов решающее значение" и "с Кремлем можно говорить совсем другим языком"[18].

Разрубить этот узел могло только немедленное заключение мира с Финляндией. Военные успехи Красной Армии в конце февраля – начале марта создали для этого благоприятную почву. 12 марта 1940 г. в 22 часа мирный договор был подписан. На следующий день военные действия между Советским Союзом и Финляндией прекратились.

Вопреки широковещательным заявлениям советского руководства, которые затем были подхвачены официальной историографией**, укрепления безопасности Советского Союза на его северо-западных рубежах в итоге войны не произошло. Хотя граница была отодвинута от Ленинграда и Мурманской железной дороги на несколько десятков километров, это не помешало тому, что в ходе Великой Отечественной войны Ленинград попал в кольцо блокады, а Мурманская железная дорога была перерезана. Но главное заключалось в другом: не было достигнуто существенного укрепления безопасности Советского Союза на северо-западе. В результате "зимней войны" Финляндия не стала дружественной Советскому Союзу страной, которая в случае фашистской агрессии против СССР по крайней мере заняла бы нейтральную позицию. В руководстве Финляндии окончательно возобладали реваншистские элементы, которые делали ставку на поддержку гитлеровской Германии в осуществлении своих антисоветских планов. Министром иностранных дел стал Р. Виттинг. Он заявил германскому посланнику В. фон Блюхеру, что правительство Финляндии будет ориентироваться "исключительно на Берлин". Это стало базой для быстрого сближения Финляндии с рейхом и включения ее политики в фарватер подготовки гитлеровской агрессии против Совет-

---

* Образчиком угодничества Сталина перед Гитлером являлись его ответы на вопросы "Правды", опубликованные 30 ноября 1939 г. Там, в частности, говорилось: "...а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну... Таковы факты".

** См., например: **Внешняя политика правительства**//Правда. – 1940. – 30 марта; **История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945.** – Т. 1. – М., 1960; **История второй мировой войны 1939–1945.** – Т. 3. – М., 1974.

ского Союза. Заключение 12 марта 1940 г. мирного договора с Советским Союзом рассматривалось и в Берлине, и в Хельсинки лишь как вынужденная пауза в противоборстве с Советским Союзом.

В начале марта 1940 г. Геринг передал через Свена Гедина финскому руководству, что "советско-германский договор – это временное соглашение, которое отпадет само собой после падения Англии. После победы Германии Финляндия получит все обратно и даже более того". В. Гриндхер, руководитель департамента "Север" в ведомстве Риббентропа, 6 марта заявил финскому посланнику в Берлине, что сейчас Финляндии в результате катастрофического положения на фронте "необходимо заключить мир, чтобы позже выиграть войну с помощью Германии". В Хельсинки немецкий военный атташе даже определил срок, когда Германия нападет на СССР, – через два-три года[19].

28 марта в качестве особо уполномоченного германского правительства в Хельсинки прибыл К. Шнурре для согласования "чрезвычайной программы", разработанной германским МИД совместно с министерством экономики[20]. Она предусматривала полную ориентацию финской экономики на Германию, прежде всего резкое увеличение поставок в Германию стратегического сырья – никеля, молибдена, меди, леса. 5 мая финское правительство приняло эту программу[21]. Таким образом, экономика Финляндии была поставлена на службу военной машине гитлеровского рейха. Это прямо задевало экономические интересы Советского Союза, нарушало торговые соглашения, имевшиеся между СССР и Финляндией. Так, 23 июля 1940 г. концерн "ИГ Фарбениндустри" гарантировал себе поставки 60% финского никеля[22]. Позднее Гитлер отмечал, что "весной 1940 г. финны напрашивались на протекторат Германии".

Таким образом, хотя Советский Союз заключением мира с Финляндией в самый последний момент избежал военного столкновения с Англией и Францией, его военно-стратегическое положение тем не менее осложнилось. Германия показала, что она отнюдь не намерена строго соблюдать условия секретного протокола, заключенного 23 августа 1939 г. Теперь сфера государственных интересов Германии фактически была распространена и на Финляндию.

Становилось все более очевидным, что в случае гитлеровской агрессии у Советского Союза будет не только фронт от Черного моря до Балтийского, но и 1000-километровый фронт на северо-западе – от Балтики до Ледовитого океана. Появление в Финляндии немецких войск теперь стало только вопросом времени.

Такая крайне опасная для Советского Союза ситуация возникла не в последнюю очередь из-за грубых ошибок и просчетов, допущенных Сталиным в отношениях с Финляндией и в оценке международной ситуации в целом.

Другим негативным последствием советско-финской войны стало падение престижа Советского Союза как мощной военной державы. "Финская кампания, – констатирует немецкий исследователь Г. Юбершер, – показала германскому генералитету серьезные недостатки Красной Армии в проведении военных операций и организации руководства войсками"[23]. Уроки "зимней войны" анализировались не только в Москве, но, пожалуй, еще более тщательно в Берлине. На совещаниях, проходивших весной 1940 г. в имперской канцелярии и Бергхофе, Гитлер разъяснял генералам, что неудачи Красной Армии на фронте являются следствием ее ослабления "в результате внутренних процессов" в Советском Союзе (сталинских репрессий). Конечно, Сталин сделает из неудач необходимые выводы и примет меры для укрепления "русского вермахта", но для этого ему потребуется время, а его-то, подчеркивал Гитлер, как раз у Сталина и не будет. Если первоначально война против СССР намечалась ориентировочно, как свидетельствуют нацистские документы, на весну 1942 г., то сейчас ее сроки вследствие выявившейся военной неподготовленности Советского Союза были приближены. Весной 1940 г. руководство фашистской Германии приняло решение принципиальной важности: сроки подготовки к нападению на СССР после победы на Западе будут максимально сжаты. Если удастся поставить Англию и Францию на колени в кампании 1940 г., то уже следующий удар будет нанесен по Советскому Союзу.

После совещания в имперской канцелярии 27 марта 1940 г. генерал Варлимонт, заместитель Йодля, непосредственно занимавшийся высшим стратегическим планированием, записал указание Гитлера: "Русский вопрос должен быть

включен в программу руководства вермахта самое позднее весной 1941 г."

Таков был второй результат финской авантюры Сталина.

Можно согласиться с оценкой этой войны, данной американским исследователем Чарльзом Лундином. Перефразируя слова Талейрана, он пишет: "Даже с точки зрения самой прагматичной политики теперь очевидно, что все советские мероприятия были хуже, чем преступление, они были колоссальной ошибкой"[24].

Решение Гитлера о корректировке "расписания" актов агрессии не осталось тайной для Кремля. Здесь весной 1940 г. тоже проходили многочасовые совещания. Выводы из оценки сложившейся ситуации, к которым пришло советское руководство, сыграли немалую роль в характере дальнейших отношений между Москвой и Берлином.

ВЕРМАХТ ПОВОРАЧИВАЕТ НА ВОСТОК

Двусмысленная позиция, занятая Германией во время советско-финской войны, вызвала заметное охлаждение отношений между Москвой и Берлином. "В течение некоторого времени, – докладывал Шуленбург 11 апреля 1940 г., наблюдалась явно неблагоприятная по отношению к нам перемена со стороны Советского правительства"[1]. Была замедлена репатриация граждан немецкой национальности с Западной Украины и Западной Белоруссии, полностью прекращена депортация германских граждан, отбывавших сроки наказания в советских тюрьмах. Советская сторона поставила вопрос о целесообразности закрытия базы снабжения немецких кораблей на побережье Баренцева моря.

Реакция нацистской дипломатии не заставила себя ждать. В Берлине явно хотели умаслить Сталина и его окружение – ведь до намеченного удара вермахта на Западе оставались считанные дни. Дипломатическая активность Берлина развивалась по двум направлениям. В имперской канцелярии и на Вильгельмштрассе вдруг воспылали желанием содействовать улучшению отношений СССР с Италией. 13 марта Риббентроп, только что прибывший из Рима, где он встречался с Муссолини и Чиано, приглашает к себе советского посла Шкварцева. Странное впечатление оставляют записи беседы, составленные ее участниками. Нацистский министр пространно разглагольствовал о миролюбии дуче, который-де еще в 1924 г. выступил инициатором установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Шкварцев же ничего толком не мог ответить на поставленные ему вопросы о том, как оценивает советская сторона перспективы дальнейшего развития отношений с Италией и Японией. Отдельные факты, о которых он упоминал, носили случайный характер. В этом эпизоде

проявился еще один штрих сталинской дипломатии: в ответственный момент в советско-германских отношениях Москву представлял в Берлине деятель неавторитетный и некомпетентный*. Прошли времена, когда советские интересы в Германии достойно защищали такие опытные дипломаты, как К.К. Юренев, Н.Н. Крестинский, З.Я. Суриц.

Встретившись со Шкварцевым 21 марта, Риббентроп вновь убеждает посла, что вопрос о содействии в улучшении советско-итальянских отношений являлся чуть ли не основным на переговорах, которые Гитлер только что провел с Муссолини в Бреннере[2].

Хорошо просматривается и другой маневр нацистской дипломатии в отношении Кремля, предпринятый весной 1940 г. Возрождается старая идея о визите в Берлин советского руководителя в ответ на два посещения Москвы Риббентропом. 10–11 марта Риббентроп, находясь в Риме, обсуждает этот вопрос с Муссолини. Из немецкого посольства в Италии организуется "утечка информации", и высказывания Риббентропа становятся известными Москве. Однако, как имели возможность убедиться в Берлине, советское руководство идею визита не подхватило и никакой активности в этом направлении не проявляло.

Но в Берлине от демонстрации "германо-советской дружбы" пока не отказываются. "Я не расстался с мыслью о визите Молотова в Берлин, – конфиденциально сообщает Риббентроп Шуленбургу 28 марта, – наоборот, мне хотелось бы реализовать ее, если возможно, в ближайшем будущем"[3]. Более того, посол получает указание прозондировать почву, не приедет ли в Берлин сам Сталин. При этом подчеркивается, что "он будет принят в соответствии с его положением" и Гитлер "окажет ему все почести, которые необходимы в данном случае".

Через день на Вильгельмштрассе был получен ответ Шуленбурга. В данном случае надо отдать должное прозорливости немецкого посла, его трезвому и глубокому пониманию движущих пружин дипломатии Сталина. Шуленбург сообщал, что "в настоящее время шансы на принятие приглашения ничтожны"[4]. Посол весьма убедительно аргументировал свою

* Это стало очевидно и Молотову во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г. Шкварцев был отстранен от переговоров, которые вел там Молотов, и отозван в Москву. Его место занял доверенный человек Берии – В.Г. Деканозов.

точку зрения. Советское правительство, писал он, полно решимости придерживаться в настоящей войне нейтралитета и по возможности избегать всего, что могло бы вовлечь его в конфликт с западными странами. Занимая такую позицию, Советское правительство опасается, что манифестация отношений, существующих между Советским Союзом и Германией, такая как визит Молотова, а тем более Сталина в Берлин, в настоящее время связана с риском разрыва дипломатических отношений или даже военных действий с западными странами. Небезынтересна мотивация послом весьма вероятного отказа от поездки в Берлин Молотова или Сталина по личным обстоятельствам. "Хорошо известен факт, что Молотов, который пока никогда не был за границей, испытывает большие затруднения при общении с иностранцами. Это в такой же, если не в большей, степени относится и к Сталину. Поэтому только очень благоприятная обстановка или очень существенные для советских интересов причины могут склонить Молотова или Сталина к такой поездке"[5].

Выступление Молотова на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. и опровержение ТАСС распространяемых на Западе слухов о предстоящей поездке Молотова в Германию подтвердило правильность позиции Шуленбурга[6].

3 апреля посол получил "отбойную" телеграмму от имени Риббентропа: "Дальнейшей инициативы впредь не проявлять".

Несмотря на бесплодность зондажей нацистской дипломатии, сдвиги в советско-германских отношениях действительно произошли, но они были связаны с развитием событий на фронтах второй мировой войны. На рассвете 9 апреля части гитлеровского вермахта, флота и авиации обрушились на две нейтральные Скандинавские страны – Данию и Норвегию. Это был акт неспровоцированной агрессии против малых стран, грубейшее нарушение фашистской Германией общепризнанных норм международного права. Казалось бы, эта акция должна была вызвать хотя бы на словах осуждение Москвы. Но этого не произошло. Посетившему Кремль спустя несколько часов после нацистской агрессии Шуленбургу Молотов заявил буквально следующее: "Мы желаем Германии полного успеха в ее оборонительных мероприятиях"[7].

В основе беспринципной и противоречащей ленинской внешней политике позиции Кремля лежали ошибочные стратегические и тактические расчеты Сталина. В стратегическом плане, считал он, вторжение гитлеровцев в Скандинавию еще

туже затягивает узел военного противоборства Германии с Англией и Францией, углубляет межимпериалистические противоречия, еще дальше отодвигает возможность достижения западными странами антисоветского сговора с Гитлером. Такое поощрение фашистских агрессоров на деле закрывало в тот момент двери для проведения подлинно нейтральной политики, которая, в свою очередь, могла бы в подходящий момент стать основой для постепенного сближения всех антигитлеровских сил.

В тактическом плане Сталин считал, что оккупация немцами Дании и Норвегии ставит крест на англо-французских планах использовать Скандинавию для вооруженного вторжения в Советский Союз. Вскрывая подоплеку позиции советских руководителей, Шуленбург докладывал 11 апреля в Берлин: "Наша акция в Скандинавии принесла Советскому правительству огромное облегчение, сняла, так сказать, камень с груди... Если англичане и французы намеревались оккупировать Норвегию и Швецию, то можно с уверенностью сказать, что эти планы были известны Советскому правительству и оно было ими страшно напугано... Теперь благодаря нашим действиям этот страх ослабел"[8].

Советское руководство и в тактическом плане ошибочно оценивало обстановку, сложившуюся в Скандинавии. Во-первых, оно как бы закрывало глаза на то, что окончание советско-финской войны и твердая отрицательная позиция, занятая правительствами Швеции и Норвегии в отношении пропуска англо-французского экспедиционного корпуса через свою территорию, уже в значительной степени сняли существовавшую до того угрозу. Советское руководство продолжало действовать как бы с позиций вчерашнего дня.

Но главный просчет при оценке ситуации заключался в другом. Заняв Данию и Норвегию, гитлеровцы не стали, как показало затем дальнейшее развитие событий, щитом для Советского Союза от угрозы с Запада, а, напротив, использовали территорию этих стран в качестве военного плацдарма для "закупорки" Балтийского моря и создания серьезнейших помех в Баренцевом море для связи Советского Союза с его западными союзниками в годы Великой Отечественной войны.

Неверная оценка сложившейся ситуации обусловила в Кремле новый прилив прогерманских настроений. "Советское правительство снова сделало полный поворот, – докладывал Шуленбург в Берлин. – Приостановка поставок нефти и

зерна была названа "излишним усердием низших инстанций, которая будет немедленно отменена..." Господин Молотов был сама любезность, он с готовностью вошел во все наши трудности и обещал свое содействие. Он по собственной инициативе затронул ряд интересующих нас вопросов и сообщил об их положительном решении. Должен честно признать, что я был полностью поражен такой переменой"[9].

Укреплению взаимопонимания Москвы и Берлина, казалось, должен был способствовать и обмен 13–15 апреля нотами о заинтересованности обеих сторон в соблюдении шведского нейтралитета[10].

Однако своего рода эйфория, воцарившаяся в Кремле по поводу перспектив советско-германских отношений, была недолгой. В 5 часов 35 минут утра 10 мая 1940 г. части фашистского вермахта вторжением в Бельгию, Голландию и Люксембург в соответствии с планом "Гельб" начали генеральное наступление на Западном фронте. Казалось, расчет Сталина на углубление военного конфликта между Германией и западными странами начинает сбываться. Шуленбургу, посетившему Кремль вечером в день вторжения немецких войск, Молотов заявил, что "он понимает, что Германия должна была защищать себя от англо-французского нападения", и что он "не сомневается" в успехе немцев[11]. В Кремле явно рассчитывали, что при сложившемся соотношении сил бои на Западе примут затяжной, изнурительный, позиционный характер. Однако развитие событий на Западе приняло неожиданный оборот и для Берлина, и для Москвы. Немецкое наступление развивалось стремительно. Уже на третий день фронт союзников был прорван и танковая армада гитлеровцев устремилась к Ла-Маншу. 31 мая последние части английского экспедиционного корпуса поспешно эвакуировались с материка. 14 июня пал Париж, а 22 июня в Компьене в том самом вагоне-салоне, где в 1918 г. была подписана капитуляция Германии, Гитлер продиктовал капитуляцию Франции. Сухопутный фронт на Западе для гитлеровцев существовать перестал.

Можно представить, с какой тревогой и озабоченностью наблюдали в Кремле за успехом гитлеровского блицкрига на Западе. "Советские руководители были потрясены падением Франции"[12], – пишет У. Черчилль. Сталин испытывал настоящий шок. По существу, обанкротилась вся его внешнеполитическая стратегия. Вместо Германии, ослабленной в кровопролитной схватке с западными державами, Советскому Союзу с лета 1940 г. противостоял нацистский рейх, опирающийся на

ресурсы и возможности всей континентальной Европы. Соотношение сил в кратчайший срок изменилось в ущерб Советскому Союзу и в пользу фашистской Германии. Война, в которую СССР мог бы оказаться вовлеченным, по расчетам Сталина, значительно позже, на ее завершающем этапе, стремительно приближалась, причем в обстановке крайне невыгодной для Советского Союза, по существу, не менее опасной, чем осенью 1939 г.

Использовала ли советская дипломатия те немногие возможности, которые еще оставались у нее в сложившейся обстановке? Представляется, что на этот вопрос можно дать отрицательный ответ. Международное положение СССР и его позиция по отношению к гитлеровской Германии окрепли бы, если бы Кремль, не теряя времени, решительно улучшил отношения с Великобританией, где "мюнхенец" Чемберлен был уже сметен с политической арены и к правительственному рулю пришел Уинстон Черчилль – стойкий защитник интересов британского империализма от посягательств нацистской Германии. Активная дипломатия Кремля могла бы способствовать сплочению и других стран, опасавшихся гитлеровской агрессии, – Турции, Румынии, Югославии. Однако этого не произошло. Как свидетельствуют документы, с мая 1940 г. Кремль все больше скатывался к политической линии, которую можно сформулировать следующим образом: не давать Берлину ни малейшего повода для осложнения советско-германских отношений, скрупулезно выполнять обязательства по договорам и договоренностям от 23 августа и 28 сентября 1939 г., торгово-экономическим соглашениям от 19 августа 1939 г. и 11 февраля 1940 г., отвергать попытки Лондона улучшить англо-советские отношения, демонстрируя при этом лояльность и дружелюбие к Берлину.

Понять такой ход мысли Сталина и его окружения можно, но оправдать нельзя. Для того чтобы залатать прорехи в боевой подготовке Красной Армии, вызванные массовыми репрессиями командного состава в 1937–1938 гг. и наглядно выявившиеся в ходе финской войны, нужно было время – по крайней мере два-три года. Оно нужно было и для осуществления развернувшегося с весны 1940 г. перевода экономики страны на военные рельсы. Анализ документов Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР свидетельствует, что с весны 1940 г. деятельность руководства партии и правительства целеустремленно была направлена на

подготовку армии и экономики страны к отпору фашистской агрессии[13].

Но при этом допускался грубейший просчет при оценке возможного развития событий на международной арене. Сталин считал, что Гитлер, учитывая исторический опыт, не пойдет на военное столкновение с Советским Союзом при наличии второго фронта с Англией на Западе*. Поэтому советская дипломатия, демонстрируя лояльность и дружелюбие к фашистской Германии, старательно избегала всего, что могло бы свидетельствовать о нормализации советско-английских отношений.

Сразу после окончания советско-финской войны, 18 марта 1940 г., полпреду СССР в Лондоне И.М. Майскому было заявлено в Форин офис, что теперь открывается возможность для улучшения англо-советских отношений. Однако позитивной реакции Кремля не последовало. В качестве нового посла Лондон направил в Москву в июне видного деятеля лейбористской партии Великобритании Стаффорда Криппса.

Лишь в начале июля ему удалось встретиться со Сталиным и передать ему личное послание У. Черчилля, в котором излагались предложения английского правительства:

– английское правительство убеждено, что Германия стремится к господству в Европе и хочет поглотить все европейские страны. Это представляет опасность как для Советского Союза, так и для Англии. Поэтому обе страны должны прийти к согласию по поводу проведения общей линии самозащиты от Германии;

– независимо от этого Англия желала бы развивать торговые отношения с СССР при условии, что английские товары не будут перепродаваться Германии.

В английских предложениях подчеркивалась особая роль и заинтересованность Советского Союза на Балканах и в Черноморских проливах.

Вместо того чтобы начать диалог по этим предложениям, которые выражали существенный отход правительства Черчилля от мюнхенской антисоветской политики Чемберлена, Сталин с порога отверг их. Криппсу было заявлено, что он, Сталин, "хорошо знаком с несколькими руководящими государственными деятелями Германии" и "не заметил у них

* Видимо, не случайно в Москве именно в это время были опубликованы "Мысли и воспоминания" Бисмарка, а также книга А. Коленкура о провале похода Наполеона в Россию.

никакого стремления к поглощению европейских государств"[14]. Более того, демонстрируя свою лояльность Гитлеру, Сталин поспешил через Шуленбурга 13 июля довести текст английских предложений до сведения Берлина[15]. Точка была поставлена 22 мая. В этот день ТАСС опубликовал сообщение, где говорилось, что из-за враждебной позиции английского правительства в отношении СССР удовлетворительное развитие переговоров по торгово-экономическим вопросам невозможно[16].

Можно во многом согласиться с оценкой политики Кремля в тот период, данной впоследствии У. Черчиллем. "Нужно отдать справедливость Сталину, – пишет он. – Он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером... И он, и Молотов исправно посылали свои поздравления с каждой германской победой. Они направляли в Германию бесконечным потоком продовольствие и важнейшее сырье... Они были готовы в любой момент достигнуть мирного урегулирования с нацистской Германией по многим важным нерешенным вопросам... Они были исполнены решимости любыми средствами выиграть время и не намеревались основывать русские интересы и стремления исключительно на победе Германии. Две великие тоталитарные империи, не знающие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг против друга... Сталин все больше стал осознавать угрожавшую ему опасность и все больше старался выиграть время. Тем не менее весьма знаменательно, какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шел ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Еще более удивительными были те просчеты и то неведение, которое он проявил относительно ожидавшей его судьбы"[17].

Представляется жесткой, но справедливой оценка внешней политики Сталина в тот период, данная в ходе Чичеринских чтений в Дипломатической академии МИД СССР директором Института славяноведения и балканистики АН СССР В.К. Волковым: по существу, у СССР не было никакой внешней политики, была лишь линия пассивного выжидания развития событий[18]. Опасность этой "политики страуса, прячущего голову в песок" становилась особенно очевидной, если из кабинетов Сталина и Молотова в Кремле перенестись на Запад в ставку Гитлера "Горное гнездо" близ германо-люксембургской границы.

Новая обстановка, сложившаяся в Европе в результате

успеха гитлеровского блицкрига на Западе, потребовала от германских политических и военных лидеров новых оценок и стратегических решений. Как свидетельствуют многочисленные данные нацистских архивов и воспоминания очевидцев, они были приняты в период с конца мая до середины июля 1940 г. Коротко говоря, новую стратегическую линию рейха можно сформулировать так: поворот агрессивной политики на Восток, подготовка и развязывание истребительной войны против Советского Союза. При этом предусматривалась временная (на период антисоветской агрессии) нейтрализация Англии военно-политическими средствами. Расчет делался на те круги в правящем лагере Англии, которые под впечатлением военных успехов нацистов были бы не прочь возродить дух Мюнхена в англо-германских отношениях. По существу, гитлеровская дипломатия в новой международной обстановке пыталась повторить свой старый маневр: если в 1939 г. Германия, чтобы обеспечить себе свободу рук на Западе, стремилась нейтрализовать Советский Союз, то сейчас, готовясь к прыжку на Восток, ставилась задача нейтрализовать Англию.

Учитывая осведомленность Москвы о мероприятиях нацистского руководства, антисоветская направленность новой стратегической линии Берлина, как представляется, уже летом 1940 г. не была секретом для советского руководства. Однако, как мы увидим, в Кремле выводы делались в отрыве от реальной действительности, в результате чего советская дипломатия либо была обречена на пассивность и бездействовала, либо ее действия носили характер, неадекватный международной обстановке, что усугубляло и без того опасную ситуацию, в которой находилась страна.

Обратимся к фактам.

20 мая 1940 г., когда немецкие танковые колонны выходили к побережью Ла-Манша, Гитлер заявил на оперативном совещании: "Англичане могут немедленно получить сепаратный мир, если отдадут колонии"[19].

21 мая генерал Ф. Гальдер после беседы с представителем Риббентропа при генеральном штабе сухопутных войск Хассо фон Этцдорфом записывает в своем дневнике: "Мы ищем контакт с Англией на почве раздела мира"[20].

В эти же дни Йодль, выражая позицию Гитлера и его окружения, заявил, что Англия борется теперь не ради победы, а лишь для удержания своих имперских позиций[21].

Нацистский фельдмаршал Мильх так вспоминал о посе-

щении Гитлером побережья Ла-Манша в последние дни мая: «Фюрер приехал на побережье Франции, посмотрел в бинокль на скалы Дувра и сказал: "Рано или поздно англичане убедятся, что с нами бесполезно воевать и что для нас и для них будет лучше встретиться и договориться об условиях мира... Я буду великодушен, я не хочу уничтожать Британскую империю". Навязчивой идеей фюрера была Россия. При всяком случае он повторял, что "единственный подлинный враг Европы находится на Востоке"»[22].

24 мая Гитлер отдает танковой группе Клейста знаменитый "Стоп-приказ", который позволил группировке англо-французских войск избежать окружения и эвакуироваться в Англию. До сих пор историки спорят, военными или политическими причинами были вызваны эти действия Гитлера. Но несомненно одно. "Готовясь к войне с Советским Союзом, – пишет советский историк Ф.Д. Волков, – Гитлер дрался против союзнических войск лишь "одной рукой", сберегая силы, особенно танковые корпуса, не только для завершения войны на Западе, разгрома и капитуляции Франции, но и для будущей войны против СССР"[23].

2 июня, прибыв в ставку командующего группой армий "А" генерала Рундштедта, Гитлер в доверительной беседе с Рундштедтом и начальником его штаба генералом Зоденштерном заявил, что Англия "вскоре будет готова заключить разумный мир" и тогда у него "освободятся руки для выполнения его великой задачи – покончить с большевизмом". Рундштедт понял: на очереди война с Советским Союзом[24]. Сразу после капитуляции Франции, вспоминал Кейтель, "Гитлер надеялся на быстрое прекращение войны с Англией. Я знаю, что были предприняты соответствующие зондажи"[25].

28 июня. На совещании Гитлера с Кейтелем и Йодлем господствовало мнение, что Россию победить будет даже легче, чем Францию, что восточная кампания не несет с собой большого риска. Гитлер заявил: "Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, война против России была бы в противоположность войне с Францией похожа только на игру в кубики"[26].

7 июля. Во время посещения рейхсканцелярии министром иностранных дел Италии Чиано Гиммлер заметил, что "война должна быть закончена к началу октября"[27].

13 июля. В Бергхофе Гитлер проводит совещание с командованием сухопутных сил (Браухич, Гальдер, командующие группами армий), на котором окончательно утверждается

стратегия фашистской Германии после разгрома Франции. Фюрер требует от генералов не только развернуть форсированную подготовку вермахта к нападению на Советский Союз, но и провести эту операцию уже осенью 1940 г. Йодль сумел доказать, что для подготовки победоносного похода против СССР понадобится по крайней мере четыре месяца. Гитлер неохотно соглашается перенести операцию на весну 1941 г. И ему, и генералам было ясно, хотя об этом никто из присутствовавших не заикнулся, что начинать вторжение накануне зимы означает повторение похода Наполеона с его же исходом для агрессора. Гитлер утверждает представленную Браухичем программу расширения сухопутных сил, прежде всего танковых и механизированных соединений. Их число еще в 1940 г. предполагалось увеличить более чем в два раза – с 14 до 30[28].

Таким образом, с этого дня – 13 июля 1940 г. – подготовка к нападению на СССР стала приобретать форму конкретных военных и политических планов. Адский будильник, заведенный Гитлером 13 июля 1940 г., зазвенел 22 июня 1941 г.*...

На совещании Гитлер сформулировал задачи и в отношении Англии. Крушение Британской империи в данный момент Гитлер не без оснований считал нецелесообразным. "Если мы разгромим Англию в военном отношении, – заявил он, – то вся Британская империя распадется. Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие"[29]. Замысел Гитлера, и это подтверждают материалы совещания, состоял в том, чтобы дипломатическими, а если это не удастся, то военно-политическими средствами нейтрализовать Англию на период восточного похода вермахта. Широкие военные действия против позиций Англии в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии и Африке предполагалось развернуть лишь после победы над Советским Союзом.

Открытую дипломатическую атаку на Англию Гитлер начал 18 июля. В этот день в Берлине в честь победы над Фран-

---

* Стратегические цели, общий замысел войны против СССР, предварительные сроки были уточнены затем на расширенном совещании руководящего состава вооруженных сил Германии 31 июля. Гитлер заявил на этом совещании: "...Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 г." (цит. по Halder F. Kriegstagebuch. – Bd. II. – Stuttgart, 1963. – S. 77).

цией состоялся военный парад. Двенадцати генералам вермахта был присвоен чин фельдмаршала, а Герингу – уникальный чин рейхсмаршала. После этой демонстрации силы Гитлер тут же протянул Англии "оливковую ветвь мира". Прямо с военного парада он поспешил в рейхстаг, где выступил, как обычно, с многочасовой речью. "В этот час я полагаю, – заявил нацистский фюрер, – что моя совесть велит мне еще раз воззвать к разуму и здравому смыслу Великобритании. Я считаю для себя возможным выступить с этим призывом, ибо являюсь не побежденным врагом, который просит пощады, а победителем". Гитлер прямо обращался к пронацистски настроенным кругам в Великобритании: не надо ждать, когда вследствие новых военных неудач Черчилль удерет в Канаду, надо вступать в мирные переговоры с Германией сейчас[30].

Сразу после этого "мирного" выступления Гитлера ведомство Риббентропа через дипломатические представительства Германии в Ватикане, Стокгольме и Вашингтоне направило правительству Черчилля секретные послания с предложением начать переговоры о мирном урегулировании. В Лондоне понимали, что Гитлер собирается вести их с позиции силы, и вечером 22 июля, выступая по лондонскому радио, министр иностранных дел Великобритании Антони Иден решительно отверг "мирный" зондаж нацистского фюрера.

1 августа 1940 г. по приказу Гитлера немецкие военно-воздушные силы начали против Англии операцию "Адлер" – массированные бомбардировки английских городов. Цель Гитлера была очевидна – принудить Англию к миру путем военного нажима. Но правительство Черчилля не встало на путь капитуляции перед Гитлером. Решающую роль сыграли стойкость и мужество английских летчиков, солдат и моряков, всего населения. Впоследствии Черчилль признавал, что любое английское правительство, которое в этот момент вступило бы в переговоры с Гитлером, было бы сметено народом за 24 часа. Итак, фронт против нацистской Германии на Западе летом 1940 г. продолжал существовать, и с этим должны были считаться и в Берлине, и в Москве. Таков был международный фон, на котором развертывались советско-германские дипломатические отношения летом 1940 г.

Тактическая линия гитлеровской дипломатии в этот период характеризовалась стремлением подчеркивать дружественный характер отношений с Москвой, что объяснялось следующими расчетами Берлина. С одной стороны, готовя военное нападение на Советский Союз, Берлин стремился

усыпить бдительность Кремля нормальным развитием дипломатических отношений. К тому же в Берлине считали: стоит ли поднимать шум из-за советских акций в Прибалтике и Бессарабии, если через несколько месяцев эти территории будут оккупированы немецкими войсками. Такая тактика способствовала созданию у Сталина и его окружения иллюзий, будто бы Германия по-прежнему привержена советско-германским договорам и секретным протоколам к ним, что если и есть в советско-германских отношениях спорные вопросы, то они могут быть решены за столом дипломатических переговоров*.

С другой стороны, подчеркнутой демонстрацией дружественных германо-советских отношений гитлеровская дипломатия стремилась оказать давление на Англию, показать Лондону, что за тыл на Востоке Германии нечего опасаться – лишний довод в пользу принятия английским правительством гитлеровских условий мира.

17 июня 1940 г. немецким дипломатическим миссиям за границей была разослана за подписью Вейцзекера циркулярная телеграмма, в которой говорилось: "Укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, проводимая с целью обеспечить более тесное сотрудничество этих стран с Советским Союзом, касаются только России и Прибалтийских государств. Поэтому ввиду наших неизменно дружеских отношений с Советским Союзом у нас нет никаких причин для волнения... Избегайте во время бесед каких-либо высказываний, которые могут быть использованы как пристрастные"[31].

Получив циркулярную ноту, Шуленбург через своих сотрудников поспешил довести ее содержание до сведения НКИД**. "Дружественная" позиция Германии по вопросу о

* Примечательно, что германская дипломатия остро реагировала на действия советских представителей, которые не согласовывались с официальной, сталинской точкой зрения. Так, 14 июля 1940 г. Шуленбург получил указание Берлина: обратить внимание Молотова на заявления, якобы сделанные полпредом СССР в Швеции А.М. Коллонтай бельгийскому посланнику, о том, что страны Европы имеют общий интерес противостоять германскому империализму.

** О лицемерии гитлеровцев говорит хотя бы такой факт. Полпред СССР в Литве 13 июля докладывал в Москву: "Немецкая организация в Литве "Культурфербанд" ведет усиленную работу против выборов не только среди литовских граждан немецкой национальности (35–40 тыс.), но и вообще в населении. Например, распространяется угроза, что когда придут в Литву немцы, то всем, кто будет иметь на паспорте отметку об участии в выборах, не посчастливится" (АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 2. – П. 21. – Д. 252. – Л. 17).

Прибалтике была высоко оценена Кремлем. Поздно вечером 18 июня Молотов пригласил Шуленбурга и поздравил его по поводу "блестящего успеха германских вооруженных сил"[32].

22 июня Советское правительство сделало еще один демонстративно-дружественный шаг в сторону фашистской Германии. В этот день было опубликовано сообщение ТАСС, автором которого, по мнению дипломатического корпуса в Москве, был сам Сталин. Это сообщение по праву можно поставить в один ряд с печально знаменитым заявлением ТАСС от 14 июня 1941 г. Опровергнув распространяемые на Западе слухи о концентрации в Прибалтике советских дивизий с целью "произвести давление на Германию", в сообщении утверждалось, что "добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения Пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкотравчатой пропагандой, ибо эти отношения основаны не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии"[33].

Гитлеровская дипломатия умело использовала в своих интересах обострение советско-румынских отношений из-за Бессарабии. Формально Берлин не возражал против воссоединения Бессарабии с Советским Союзом. 24 июня Риббентроп представил Гитлеру специальный меморандум по этому вопросу, где ссылался на секретный протокол от 23 августа 1939 г.[34] Но явно желая испортить отношения Румынии с Советским Союзом (а почву для этого давали и ультимативный тон заявления Советского правительства от 26 июня, и угрозы применить силу), гитлеровская дипломатия умело воспользовалась промахами Кремля, взяла дипломатическую инициативу в свои руки и выступила в роли "честного посредника" между СССР и Румынией.

Вечером 25 июня Шуленбург посетил Молотова и от имени Риббентропа заявил: "Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу... Претензии Советского правительства в отношении Буковины – нечто новое. Буковина была частью австрийской короны... и... никогда не принадлежала даже царской России"[35].

Когда Молотов 26 июня сообщил Шуленбургу, что Советский Союз, идя навстречу Берлину, ставит вопрос лишь о северной части Буковины, тот, следуя инструкциям Риббентропа, тут же поставил вопрос о возвращении Румынии золотого запаса румынского национального банка, переданного в Моск-

ву на хранение во время первой мировой войны. Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию[36].

В итоге действия Кремля в немалой степени способствовали тому, что вместо мирного решения бессарабского вопроса, которое могло бы сблизить обе страны перед лицом угрозы гитлеровской агрессии, произошло обратное. В Румынии еще более пышным цветом расцвел антисоветизм. В румынских правящих кругах многие стали видеть в фашистской Германии союзника против СССР. 7 сентября Антонеску установил в стране при поддержке гитлеровцев фашистскую диктатуру, а затем обратился к Берлину с просьбой о военной помощи и введении в Румынию частей вермахта.

Таким образом, можно констатировать, что "румынская акция" сталинской дипломатии летом 1940 г. закончилась фиаско. Самонадеянность и неуклюжесть действий Кремля привели к тому, что Румыния стала военным союзником Гитлера, а фронт потенциальной агрессии расширился для Советского Союза от Карпат до Черного моря.

О просчетах сталинской дипломатии в результате субъективистских и не соответствовавших реальному положению оценок и решений свидетельствует и еще один эпизод, ставший летом 1940 г. объектом дипломатической переписки между Москвой и Берлином. В связи с вхождением Литвы в состав Советского Союза на повестку дня советско-германских отношений весьма неожиданно встал вопрос о судьбе литовской территории, которая по секретному протоколу от 28 сентября 1939 г. вошла в сферу государственных интересов Германии. В соответствии с протоколом на этой части территории Литвы советские войска размещены не были. Воздерживалась вводить туда свои войска и Германия.

Однако в начале июля германское правительство напомнило Москве о своем праве установить время, когда Германия сможет занять эту область. "Заявление Шуленбурга, – пишет советский исследователь С. Горлов, – давало основание считать, что Германия намерена приступить к вводу своих войск в эту часть Литвы"[37].

13 июля 1940 г. Молотов заявил Шуленбургу, что Советское правительство еще раз внимательно рассмотрело вопрос о полосе литовской территории и пришло к выводу, что гер-

манские притязания на эту полосу и советское обязательство уступить ее являются бесспорными. В теперешней ситуации, однако, Советскому правительству передавать эту территорию было бы крайне неудобно и тяжело. Поэтому Москва настоятельно просит германское правительство, учитывая чрезвычайно дружеские отношения между Германией и СССР, оставить эту часть территории за Литвой[38]. Поскольку в Берлине вопрос о предстоящей агрессии против СССР к этому времени был уже предрешен, то эту полосу литовской территории Гитлер решил сделать предметом торга – получить за отказ от нее максимум финансово-экономических уступок. Не случайно, что уже 13 июля, докладывая в Берлин о просьбе Советского правительства, Шуленбург писал, что "этой советской просьбой можно воспользоваться для реализации наших экономических и финансовых требований"[39].

2 августа Риббентроп довел до сведения Кремля, что Берлин принимает к сведению просьбу Москвы, но, учитывая, что "это представляет существенное изменение московского договора в невыгодную для Германии сторону, хотел бы узнать, что Советское правительство предложит взамен"[40].

12 августа Молотов вручил Шуленбургу меморандум Советского правительства. Оно было готово в течение двух лет уплатить за отказ Германии от части литовской территории 3,86 млн. долл. Оплата должна была производиться по выбору Германии – либо золотом, либо товарами[41]. Сообщая в Берлин об этом решении Советского правительства, Шуленбург с нескрываемым удовлетворением отмечал, что предложенная Москвой сумма составляет половину той, которую США уплатили России за продажу Аляски. Тем не менее 11 октября Берлин заявил, что предложенная сумма компенсации для него неприемлема[42].

Готовясь к агрессии против СССР, Берлин начал длительный торг с Москвой из-за соглашения о полосе литовской территории, которое должно было потерять значение в первый же день войны. И Берлину удалось преуспеть в этом. Стремясь получить от СССР в последние предвоенные недели как можно больше золота и сырья, он добился подписания 10 января 1941 г. секретного советско-германского протокола, по которому СССР должен был выплатить Германии 7,5 млн. долл.

Причем часть этой суммы ($^1/_8$) СССР должен был выплатить поставками цветных металлов в течение трех месяцев с момента подписания протокола. (Напомним: до назначенного Гитлером срока нападения на СССР – 15 мая 1941 г. – оставалось всего четыре месяца!) Остальная часть суммы просто списывалась с германского долга в золоте, платежи по которому Германия по имевшимся соглашениям должна была произвести к 11 февраля 1941 г.*

Таковы основные аспекты советско-германских отношений летом 1940 г. – в период, когда нацистский вермахт осуществлял поворот на Восток.

---

* Эту линию Берлин проводил и дальше. С одной стороны, всячески тормозились предусмотренные соглашениями поставки немецких товаров в СССР. С другой стороны, предъявлялись требования выплаты Германии значительных сумм. Так, прибывший в ноябре 1940 г. в Москву К. Шнурре потребовал от Советского правительства в кратчайший срок уплатить Германии 315 млн. марок в качестве компенсации немцам, переселившимся в 1939–1940 гг. из Прибалтики в рейх.

МОЛОТОВ В БЕРЛИНЕ

С осени 1940 г. дипломатические отношения между Советским Союзом и Германией определялись конкретными целями, которые ставило нацистское руководство в преддверии агрессии против Советского Союза. Эти цели можно сформулировать следующим образом:

– расширить фронт будущей агрессии по всему периметру западной границы СССР – от Черного до Баренцева моря – путем установления полной гегемонии на Балканах, а также в Финляндии, размещения здесь немецких войск и превращения этих стран в военно-стратегические плацдармы фашистской Германии;

– укрепить агрессивный блок Германии, Италии и Японии и роль в нем Германии как лидера с целью подключения Италии, а по возможности и Японии к антисоветскому походу;

– максимально препятствовать нормализации отношений Советского Союза с Англией и США, чтобы добиться внешнеэкономической изоляции Советского Союза от его потенциальных союзников по борьбе с гитлеровской агрессией;

– предложением крупных политических акций (об организации встреч и расширении контактов руководителей СССР и Германии, разделе сфер интересов в глобальном масштабе) притупить бдительность советского руководства и тем самым замедлить развернувшийся в СССР с весны 1940 г. многосторонний процесс укрепления обороноспособности страны.

Практика советско-германских отношений того периода позволяет ответить на вопросы, каким образом нацистская дипломатия пыталась добиться этих целей и в какой степени были адекватными действия Кремля.

30 августа 1940 г. Германия и Италия, игнорируя интересы СССР в соседних странах, предъявили Румынии ультима-

тум о передаче Северной Трансильвании Венгрии. Одновременно страны фашистской оси "гарантировали" новые границы Румынии*. Пришедшее к власти на волне шовинизма фашистское правительство Антонеску сразу же взяло курс на тесное сотрудничество с Германией в ее агрессивных планах против Советского Союза. 19 сентября с согласия Антонеску в Румынии началось размещение немецких войск. Директивой верховного командования вермахта перед ними ставилась задача обеспечить снабжение Германии румынской нефтью и занять выгодные стратегические рубежи в преддверии войны против Советского Союза[1].

Три дня спустя, 22 сентября, Германия заключила с Финляндией секретное соглашение, разрешающее транзит немецких войск и военных материалов в Норвегию через финскую территорию[2]. Под прикрытием этого соглашения началась переброска в Финляндию крупных контингентов вермахта.

27 сентября в Токио был подписан тройственный германо-итало-японский военный пакт. Это был военно-политический союз агрессивных государств с целью завоевания мирового господства. Хотя статья 5 пакта маскировала его антисоветскую направленность ссылками на то, что пакт якобы не затрагивает "существующих в настоящее время политических отношений его участников с Советским Союзом", по замыслу Берлина, Япония должна была сковывать силы США, не давая им выступить в качестве союзника СССР в Европе, и одновременно держать в напряжении Советский Союз, отвлекая на себя десятки дивизий Красной Армии и значительную часть авиации. "Эта палка, – говорил Риббентроп в тесном кругу о пакте, – будет иметь два конца – против России и против Америки"[3].

Так складывалась к осени 1940 г. международная ситуация, обусловившая и характер развития советско-германских отношений в этот период. В их центре оказалось грубое игнорирование Германией статьи 3 советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., согласно которой обе стороны обязались поддерживать друг с другом контакты для консультаций, информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Так, о "венском арбитраже", прямом вмешательстве Германии и Италии в дела Юго-Восточной Европы при полном

---

* Эти "посреднические" действия Германии и Италии известны как "венский арбитраж".

игнорировании интересов Советского Союза, в Москве узнали нз сообщений западных газет н радио. 31 августа Молотов заявил немецкому послу, что "Германское правнтельство нарушнло статью 3-ю договора о ненападенни от 23.08.1939, где говорится о консультацнях по вопросам, интересующим обе стороны. Германское правнтельство нарушило эту статью, не проконсультировавшнсь с Советским правнтельством в вопросе, который не может не затрагивать ннтересы СССР, так как дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах"[4]. 2 сентября Шкварцев посетил Риббентропа и, поздравив его с годовщиной подпнсания советско-германского пакта о ненападении, обратил внимание на необходимость соблюдения немецкой стороной статьи 3 пакта. Рнббентроп уклонился от обсуждения с советским послом вопросов, связанных с "венским арбитражем", зато на следующий день послал Шуленбургу ноту для вручения советскому руководству.

И тон ее, и содержание явились обескураживающими для Кремля. С одной стороны, утверждалось в ноте, Германия "жизненно заинтересована" в румынской нефти и продовольствии, а с другой стороны — в Берлине считают, что с решением бессарабской проблемы интересы Советского Союза на Балканах удовлетворены н высказываемая советской стороной заинтересованность в тамошних делах якобы противоречит советско-германскому секретному протоколу. "О ссылке на соседство (СССР с этими странами. — *Г. Р.*), — утверждал нацистский министр, — не может быть н речи"[5]. Тон ноты да н смысл ее были настолько вызывающими, что Шуленбург не спешил вручить ноту, напротив, спрятал текст ее в личный сейф, а Рнббентропу направнл посланне с просьбой смягчить формулировкн ноты[6]. Видимо, и на Внльгельмштрассе поняли, что хватили через край.

Новый, менее жесткий текст ноты Шуленбург передает Молотову 9 сентября. Однако ее смысл по существу остается прежним. Соседство СССР с Румынней не идет якобы в сравненне с "жнзненнымн интересами" Германии в Румынии. СССР имеет в достатке нефть н продовольствне, а Германия — нет. Поэтому нх отношение к Румынии "нн в коем случае нельзя ставнть на одну доску"[7]. Прннимая ноту, нарком заявил, что поведенне германского правнтельства в случае с "венским арбнтражем" "было не совсем лояльным" н "позиция немецкого правительства не может изменить советскую точку зрения".

Воспользовавшись краткосрочной командировкой Шуленбурга в Берлин, 21 сентября ему вручают для передачи немецкому руководству памятную записку, где сформулирована советская точка зрения по следующим спорным вопросам:

– предоставленные Германией Румынии гарантии могут расцениваться как направленные против СССР, хотя СССР не угрожает территориальной целостности Румынии;

– Советское правительство не согласно с трактовкой, выдвинутой германским правительством, что будто бы "после разрешения вопроса о Бессарабии у СССР и Германии в отношении Румынии и Венгрии нет общих интересов с точки зрения Московского договора о ненападении", что Советское правительство "после разрешения бессарабского вопроса будто бы целиком и полностью признало за Германией исключительную заинтересованность в вопросах Румынии, а также в прочих вопросах, касающихся Дунайского бассейна. На самом деле Советское правительство не признавало ни устно, ни письменно подобного права за Германией";

– если статья 3 Договора о ненападении, предусматривающая обмен информацией и консультации, "представляет, с точки зрения Германского правительства, известные неудобства и стеснения, Советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене этой статьи Договора"[8].

Прямого ответа на советское заявление Берлин не дал, но косвенный – последовал. Фарисейства и лицемерия нацистской дипломатии было не занимать. 9 октября Риббентроп советует Типпельскирху как бы случайно при очередной встрече с Молотовым затронуть вопрос о Румынии и разъяснить, что речь идет лишь о посылке туда немецкой военной миссии с учебными целями, а вызвано это происками англичан на Балканах. Выслушав вечером 10 октября разглагольствования немецкого дипломата, нарком не без сарказма заметил: "У англичан имеются теперь другие заботы, и они довольны, что могут сохранить собственное существование"[9].

Не менее остро в советско-германских отношениях встал и вопрос о германском военном присутствии в Финляндии. 16 сентября немецкое посольство в Москве получило указание через пять дней, то есть накануне высадки немецких войск в Финляндии, предупредить об этом Советское правительство, мотивируя эту акцию тем, что через Финляндию для защиты Северной Норвегии от английских авиационных налетов направляется лишь один артиллерийский дивизион. Но затем и эту информацию сочли излишней. Поэтому 26 сен-

тября Молотов был вынужден заявить Типпельскирху, что Советское правительство получило сообщения о высадке германских войск в Ваазе, Улеаборге и Пори, но не было проинформировано об этом немецкой стороной. Было высказано пожелание ознакомиться с текстом немецко-финского соглашения, если таковое было заключено[10].

4 октября Типпельскирх сообщил, что между Германией и Финляндией заключено соглашение о транзите: "Все немецкие войска следуют в Киркенес (Северная Норвегия. – *Г. Р.*) и не останутся на территории Финляндии"[11].

В немецких архивах имеется докладная записка МИД Германии по финскому вопросу, составленная 8 октября на основе требований немецких военных и хозяйственных кругов. Немецкие монополии претендовали на исключительное право получения из Финляндии стратегически важного сырья – никеля, а Геринг от имени верховного командования вермахта ссылался на чрезвычайно важное стратегическое значение для рейха в войне против СССР финского порта Петсамо[12]. Такова была истинная подоплека соглашения о "транзите" немецких войск через Финляндию.

Чтобы развеять опасения советского руководства в связи с этими акциями Германии, Берлин решил убедительно продемонстрировать Кремлю и мировой общественности свое миролюбие по отношению к Советскому Союзу. Эта акция была разработана на совещании у Гитлера 2 октября, а осуществление ее на первом этапе было поручено Риббентропу.

13 октября нацистский министр предпринял шаг, не имевший до того прецедента: обратился с личным посланием к Сталину. Оно было весьма пространным – 10 машинописных страниц. Если отбросить многословные рассуждения Риббентропа (попытки оправдать гитлеровские агрессии против западноевропейских стран, весьма противоречивые заявления о том, что Англия уже проиграла войну, но активно противодействует Германии на Балканах, следствием чего якобы явились "вынужденные" немецкие акции в Румынии и Венгрии), то основной смысл послания заключался в том, что Гитлер предлагал Сталину присоединиться к "тройственному пакту" и совместно с Германией, Италией и Японией определить "сферы интересов" четырех стран в глобальном масштабе. "Я хотел бы заявить в полном соответствии с мнением фюрера, – писал Риббентроп, – что историческая задача четырех держав – Советского Союза, Италии, Японии и Германии – заключается в том, чтобы согласовать свои долгосроч-

ные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить будущее развитие наших народов по правильному пути"[13].

В послании содержалось официальное приглашение Молотову нанести визит в Берлин в ближайшее время с целью "выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов", и "обсуждения их в конкретной форме". Более того, после этого визита Риббентроп, отмечалось в послании, был бы готов снова посетить Москву, чтобы "с Вами, уважаемый господин Сталин, продолжить обмен мнениями и обсудить, возможно, вместе с представителями Японии и Италии основы политики, которая сможет (здесь Риббентроп явно рассчитывал на прагматизм Сталина. – *Г. Р.*) всем нам принести практические выгоды".

Послание Риббентропа было получено в Кремле 17 октября. Три дня в кабинете Сталина членами Политбюро анализировались немецкие предложения и взвешивались все возможные "за" и "против" советского ответа на них. Впервые после августа 1939 г. советское руководство было поставлено Гитлером перед жесткой необходимостью в кратчайшие сроки принять решение, которое, как представлялось в Москве, могло бы на какой-то, пусть ограниченный, срок сохранить мирные отношения с Германией.

С одной стороны, было очевидно, что принятие предложения о подключении Советского Союза к "тройственному пакту" агрессивных государств не только было чревато потерей самостоятельности страны в международных делах и колоссальным морально-политическим ущербом, но и втягивало СССР в военный конфликт с Англией и США. Это противоречило стратегической установке Сталина – как можно дольше оставаться в стороне от участия в военном конфликте империалистических держав.

С другой стороны, отвергнуть с порога предложения Гитлера означало бы сразу придать советско-германским политическим отношениям конфронтационный характер. В итоге в Кремле возобладала идея – попытаться использовать немецкие авансы, чтобы втянуть Берлин в длительные дипломатические переговоры с целью выигрыша времени. Как мы увидим дальше, эти расчеты были построены на песке, они не учитывали, что механизм гитлеровской агрессии против Советского Союза был уже заведен на весну 1941 г. и никакие дипломатические ухищрения Москвы здесь изменить уже ничего не могли. Тем не менее такие иллюзии Сталин питал,

и предложение направить в Берлин Молотова и начать советско-германские переговоры на высоком уровне было принято.

Вечером 21 октября Молотов вручил Шуленбургу в запечатанном конверте ответ Сталина вместе с копией на немецком языке. "Форма и стиль письма, – докладывал посол, – не оставляют сомнений в том, что письмо составлено лично Сталиным"[14].

Текст письма гласил:

"Глубокоуважаемый господин Риббентроп!

Я получил Ваше письмо. Искренне благодарю Вас за Ваше доверие, а также за поучительный анализ последних событий, содержащийся в Вашем письме.

Я согласен с Вами в том, что дальнейшее улучшение отношений между нашими странами вполне возможно на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов. Господин Молотов... принимает Ваше приглашение. Я приветствую выраженное Вами желание снова приехать в Москву, чтобы продолжить начатый в прошлом году обмен мнениями по вопросам, интересующим обе стороны, и надеюсь, что это будет осуществлено после поездки господина Молотова в Берлин. Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием Японии и Италии, то, в принципе не возражая против этой идеи, я считаю, что этот вопрос нуждается в предварительном рассмотрении".

В конце октября по дипломатическим каналам было согласовано, что Молотов прибудет в Берлин 12 ноября и будет находиться там два дня. Предусматривались его встречи и беседы с Гитлером, Риббентропом, другими высшими чинами партийного и военного руководства рейха – Гессом, Герингом, Кейтелем.

Чтобы понять, какое значение в действительности гитлеровцы придавали предстоящим переговорам, следует учитывать, что в этот период полным ходом в Берлине шла разработка планов агрессии против СССР.

Еще 1 августа 1940 г. руководящие чины вермахта, а также германский военный атташе в Москве генерал Э. Кестринг представили свои соображения о плане ведения войны против Советского Союза. 5 августа начальнику генерального штаба сухопутных сил Гальдеру был доложен оперативно-стратегический план, получивший кодовое название "Фриц". Он предусматривал разгром основных сил Красной Армии, овладение Москвой и выход частей вермахта на рубеж Ростов – Горький – Архангельск. В тот же день верховное ко-

мандование отдало директиву "Ауфбау ост" о подготовке театра военных действий для нападения на СССР – строительстве дорог, складов, аэродромов, казарм на территории Польши и Восточной Пруссии[15]. В сентябре планы военной агрессии против СССР отрабатывались в генеральном штабе под руководством генерала Ф. Паулюса и в штабе оперативного руководства под началом генерала А. Йодля. В ноябре начались штабные учения, о ходе которых докладывалось непосредственно Гитлеру.

На совещании 4 ноября Гитлер объявил и еще об одной конкретной цели предстоящих советско-германских переговоров – добиться нейтралитета Советского Союза на время проведения уже намеченных операций вермахта на Балканах[16]. В день начала советско-германских переговоров, 12 ноября, Гитлер подписал директиву, текст которой гласил: "Начаты политические переговоры с целью выяснить позиции России на будущее. Независимо от исхода переговоров вся подготовка в отношении Востока, о которой даны указания, должна быть продолжена"[17].

Конечно, не все детали происходящего в Берлине были известны Кремлю, но многое, о чем свидетельствуют документы советской военной разведки, секретом не являлось. Осведомлена об этом была, разумеется, и советская делегация, направлявшаяся на переговоры в Берлин. Кроме В.М. Молотова в нее входили нарком черной металлургии И.Т. Тевосян, заместитель Молотова В.Г. Деканозов, заместитель наркома внешней торговли А.Д. Крутиков. В качестве переводчиков выступали помощник наркома В.М. Бережков, который вел запись бесед, и В.Н. Павлов, первый секретарь советского полпредства в Берлине.

Хмурым, дождливым утром 12 ноября поезд с советской делегацией подошел к Ангальтскому вокзалу Берлина. Предоставим слово очевидцу – пресс-атташе советского посольства И.Д. Филиппову: "За пять минут до прихода поезда на вокзал прибыл Риббентроп в сопровождении генерал-фельдмаршала Кейтеля. Через несколько минут вокзал дрогнул от барабанной дроби, показался поезд. Нашу делегацию приветствовал Риббентроп, который затем, как это полагается по протоколу, представил главе советской делегации видных деятелей германского правительства, дипломатов. Под сводами вокзала непривычно зазвучала мелодия "Интернационала".

В посольской машине мы медленно двигались в общем

потоке автомобнлей по Вильгельмштрассе. Везде господствовал порядок. Как мне рассказывали, немецкие власти заранее запретилн населению проявлять в какой-лнбо форме дружественные чувства в отношении СССР, хотя берлинцы вряд ли нуждались в таком предупреждении, зиая, как дорого могло бы им обойтнсь такое поведенне"[18].

Советскую делегацню разместилн в центре города – старинном дворце Бельвю, предназиачеиином для прнема гостей германского правительства. Через час после размещеиия делегации туда приехал Риббентроп, явно с намерением подготовить Молотова к предстоящей встрече с Гнтлером.

То, что сказал нацистский мииистр в ходе этой часовой беседы, которая по существу явнлась монологом Риббентропа, сводилось в осиовном к следующему:

– Германня снльна как инкогда. Англия уже разбита, и вопрос о том, когда она призиает себя окоичательно побежденной, – вопрос времеии. Как только позволят погодные условня, Гермаиня начиет шнрокомасштабную операцию и окончательно разобьет Англню. (Это заявление Рнббеитропа явио было нацелеио на то, чтобы дезорнентировать советскую сторону относительио направленностн ближайших агрессивных действий нацнстов.);

– в связн с поражением Англин надо подумать о судьбе Британской империи и попытаться разграиичнть сферы влияння СССР, Германин, Италии н Япоини. Важно, чтобы, стремясь к расшнрению своего жизиеииого пространства, этн страны обратились к югу*. (Это, разглагольствовал Рнббеитроп, и есть та великая идея, которая в течеиие последннх месяцев обсуждалась нм с фюрером.);

– следует рассмотреть вопрос о соглашении между СССР и странами "тройственного пакта" о поддержке Советским Союзом целей этого пакта. Он, Риббентроп, готов для этого прнбыть в Москву, куда также готовы прнехать мнннстры иностранных дел Италии н Япоинн.

На эти рассуждения нацистского мииистра советский нарком кратко заметил, что ему еще необходимы разъяснения, чтобы лучше понять смысл "тройствеииого пакта",

* "Не поверие ли в будущем иа юг и Россия для получения естественного выхода в открытое море, который так важен для России?" – спросил нацистский министр. На вопрос, какое море имеет в виду Риббентроп, тот ответил: "Не будет ли для России иаиболее выгодным выход к морю через Персидский залив и Аравийское море?" (ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 451).

главное же в ходе встречи – прийти к взаимопониманию между Советским Союзом и Германией.

В своем сообщении Сталину о беседе с Риббентропом Молотов докладывал: "Пока я только кратко мог ответить, что мысли Риббентропа весьма интересны, заслуживают обсуждения в Берлине, а затем в Москве с его участием, что нужно выяснить у него предварительно ряд вопросов в связи с Тройственным пактом и что в принципе возможны акции четырех держав, а также что я считаю прошлогоднее советско-германское соглашение исчерпанным в ходе событий, за исключением вопроса о Финляндии, но что у меня есть и другие вопросы взаимоотношений с Германией, Италией и Японией"[19]. Не прошло и трех часов после отправки телеграммы, как от Сталина был получен ответ. Одна из высказанных Молотовым в беседе с Риббентропом формулировок была признана неточной: "Следовало бы сказать, что исчерпан протокол к договору о ненападении, а не соглашение, ибо выражение исчерпание (так в тексте. – *Г. Р.*) соглашения немцы могут понять как исчерпание договора о ненападении, что, конечно, было бы неправильным"[20].

Вскоре после полудня советская делегация отправилась в имперскую канцелярию на первую встречу с Гитлером. Предоставим слово ее участнику Валентину Михайловичу Бережкову.

"Сбавив скорость, машины въехали во внутренний двор новой имперской канцелярии. Это здание, выстроенное в нацистском стиле, представлявшем собой смесь классики, готики и древних тевтонских символов, выглядело отнюдь не привлекательно. Квадратный мрачный двор походил скорее на плац казармы или тюрьмы. Он был обрамлен высокими колоннами из темно-серого мрамора и устлан такими же серыми гранитными плитами. Распростертые орлы со свастикой в лапах, нависший над колоннами гладкий портик, застывшие фигуры часовых в серо-зеленых шлемах – все это производило какое-то зловещее впечатление.

Высокие, украшенные бронзой двери вели в просторный вестибюль, а дальше открывалась анфилада тускло освещенных комнат и переходов без окон. Вдоль стен шпалерами стояли люди в разнообразной форме. Словно автоматы, они выбрасывали вверх правую руку в нацистском приветствии и гулко щелкали каблуками. У входа нас встретил статс-секретарь Отто Мейснер. Он провел нас дальним путем, чтобы произвести впечатление всем этим декорумом.

Наконец мы очутились в круглом, ярко освещенном вестибюле. В центре стоял стол с прохладительными напитками и закусками. Вдоль стен – длинные диваны. Тут находились немецкие чиновники, эксперты, офицеры охраны. Между ними бесшумно двигались официанты. Здесь же остались и эксперты нашей делегации. В примыкавший к круглому залу кабинет Гитлера прошли только глава советской делегации В.М. Молотов, его заместитель и переводчики.

Этот момент гитлеровцы обставили со всей присущей им дешевой театральностью: два высоких, перетянутых в талии ремнями, белокурых эсэсовца в черной форме с черепами на фуражках щелкнули каблуками и хорошо отработанным жестом распахнули высокие, уходящие почти под потолок двери. Затем, став спиной к косяку двери и подняв правую руку, они как бы образовали живую арку, под которой мы должны были пройти в кабинет Гитлера – огромное помещение, походившее скорее на банкетный зал, чем на кабинет. Стены украшали гигантские гобелены. Центральную часть закрывал толстый ковер. Справа от входа располагалась как бы гостиная – низкий стол, диван, несколько кресел. Слева, в противоположном конце зала, стоял громадный полированный письменный стол. В углу на массивной подставке из черного дерева был укреплен большой глобус.

Гитлер сидел за письменным столом, и в этом огромном зале его небольшая фигура в гимнастерке зеленовато-мышиного цвета была едва заметна. Рукав его гимнастерки охватывала красная повязка с черной свастикой на круглом просвете. На груди красовался "Железный крест"...

Когда мы вошли, фюрер молча посмотрел на нас, затем резко поднялся и быстрыми мелкими шагами вышел на середину комнаты. Здесь он остановился, поднял руку в фашистском салюте, как-то неестественно загнув при этом ладонь. Не произнося по-прежнему ни слова, он подошел к нам вплотную, поздоровался со всеми за руку. Его холодная влажная ладонь напоминала прикосновение лягушки. Здороваясь, он как бы сверлил каждого буравчиками лихорадочно горевших зрачков. Над коротко подстриженными усиками нелепо торчал острый угреватый нос.

Сказав несколько слов о том, что он рад приветствовать советскую делегацию в Берлине, Гитлер предложил расположиться за столом в той части кабинета, которая представляла собой гостиную. В это время в противоположном углу комнаты из-за драпировки, видимо, скрывавшей еще один

вход, появился министр иностранных дел Риббентроп. За ним шли личный переводчик Гитлера Шмидт и хорошо знавший русский язык советник германского посольства в Москве Хильгер. Все расположились вокруг стола на диване и в креслах, обтянутых пестрой тканью"[21].

Беседа началась с часового выступления Гитлера. В нем подчеркивалось значение "мирного сотрудничества" Германии с Советским Союзом в обстановке, когда вермахт якобы готовится к последнему удару по Англии. Гитлер, говорится в немецкой записи беседы, "детально описал военные операции, проводимые против Англии в настоящее время, и подчеркнул влияние погодных условий на эти операции... Как только улучшится погода, Германия будет в состоянии нанести сильный и окончательный удар по Англии"[22]. Представляется, что Гитлер видел первую задачу в том, чтобы попытаться "на высшем уровне" дезориентировать советское руководство о направлении следующей немецко-фашистской агрессии.

Затем нацистский фюрер приступил к выполнению второй задачи. Повторив утверждение, что Англия будет окончательно разбита в ближайшее время, он заявил, что Германии и Советскому Союзу необходимо "внести ясность в политические вопросы, которые будут иметь значение во время и после этих событий". Гитлер попытался втянуть советскую сторону в переговоры о разделе наследства Британской империи, заявив, что он "прекрасно понимает стремление России получить незамерзающие порты с безопасным выходом в открытое море".

Закончив часовой монолог, Гитлер сделал паузу, явно ожидая, какова будет реакция советского собеседника. Молотов прежде всего подчеркнул, что перед его отъездом из Москвы Сталин дал ему точные инструкции и все, что он собирается сказать, отражает взгляды Сталина. Не вдаваясь в обсуждение предложенных Гитлером "глобальных проблем", он предложил обсудить некоторые конкретные практические вопросы. Молотов заявил, что оба партнера извлекли значительные выгоды из соглашений 1939 г. Их можно считать выполненными во всех пунктах, кроме одного, а именно о Финляндии. Был поставлен вопрос, остается ли в силе пункт о Финляндии. С точки зрения Советского правительства, никаких изменений здесь не произошло. Кроме того, должны быть уточнены вопросы об интересах Советского Союза на Балканах, имеются в виду Болгария, Румыния, Черноморские проливы.

В ответ, скороговоркой повторив уже известные советской стороне "аргументы" (в Финляндии немецкие части находятся лишь транзитом, а в Румынию направлены не части вермахта, а лишь военная миссия), Гитлер вновь стал развивать свои фантастические бредни о создании "нового порядка" на всем земном шаре. Теперь он уже не только не считался с Англией, которая продолжала сражаться, но сбрасывал со счета и Соединенные Штаты Америки. Германия, Италия и Япония, объявил нацистский фюрер, уже определили сферы своих интересов, теперь очередь за Советским Союзом. Европа и Африка входят в сферу интересов Германии и Италии, "великое восточноазиатское пространство" – Японии. Сферой интересов Советского Союза могла бы стать территория к югу от его государственных границ в направлении Индийского океана...

Молотов, конечно, помнил содержание телеграммы Сталина, которая была послана 11 ноября вдогонку делегации, когда она еще находилась по дороге в Берлин: "Если дело дойдет до декларации, то... предлагаю выкинуть пункт об Индии. Мотивы: мы боимся, что контрагенты могут воспринять пункт об Индии как каверзу, имеющую цель разжечь войну"[23].

Молотов, как пишет В.М. Бережков, перебил Гитлера, заметив, что не видит смысла обсуждать подобного рода комбинации. В ходе переговоров советская сторона считает необходимым обсудить с Берлином вопрос об обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к европейским границам Советского Союза. Не ответив на это замечание, Гитлер, который мог говорить на излюбленную тему по пять-шесть часов, продолжал рассуждения о глобальных планах раздела мира. "Беседа стала приобретать какой-то странный характер, немцы словно не слышали, что им говорят"[24]. Сочувствия и понимания, обычно выражаемых Гитлеру во время его словоизлияний нацистскими бонзами да и многими из западных визитеров, на этот раз не было. И без того бесстрастное лицо Молотова превратилось в маску. В отличие от личного переводчика фюрера Пауля Шмидта, который при переводе повторял интонации и даже жесты Гитлера*, что действовало на него вдохновляюще, В.Н. Павлов, как обычно, переводил спокойно, не по-

---

* На этот раз с немецкой стороны переводил хорошо знающий русский язык Хильгер, советник посольства в Москве.

вышая голоса. Невольно ему в таком же ключе вторил Хильгер. Что касается В.М. Бережкова, то он, не поднимая головы, делал запись беседы в блокноте. И Гитлер скис. Внезапно посмотрев на часы и сославшись на возможность воздушной тревоги, он предложил продолжить беседу на следующий день.

По возвращении советской делегации в Бельвю В.М. Бережков занялся составлением проекта шифротелеграммы Сталину с подробным изложением состоявшейся беседы. Вошедший в комнату Молотов без замечаний подписал ее. В частной беседе с автором В.М. Бережков вспоминал об эпизоде, который в те годы мог обернуться для него трагически. ...Вскочив при появлении Молотова, В.М. Бережков начал было зачитывать подготовленный им текст шифровки. Молотов резко перебил его: в центре Берлина, в немецком отеле зачитывать текст сверхсекретной телеграммы было явной оплошностью. Последствия могли быть для Бережкова очень серьезными, но все обошлось: видимо, шеф был доволен точностью изложения беседы.

Поражает полное непонимание Молотовым истинных целей Гитлера на переговорах. В конце телеграммы он собственноручно дописал: "Большой интерес Гитлера к тому, чтобы договориться и укрепить дружбу с СССР в сферах влияния (так в тексте. – *Г. Р.*), налицо"[25]. Не изменилась эта оценка и на следующее утро после встреч с Герингом и Гессом: "Принимают меня хорошо, и видно, что хотят укрепить отношения с СССР"[26].

Вечером 12 октября здание советского посольства на Унтер-ден-Линден сияло огнями. На 19 часов здесь был назначен большой прием по случаю пребывания в Берлине советской правительственной делегации. Из роскошных "хорьхов" и "мерседесов", запрудивших улицу, выходили и поднимались по парадной лестнице посольства нацистские партийные бонзы и министры, облаченные в парадные мундиры фельдмаршалы и генералы, бесконечная череда фраков немецких и иностранных дипломатов. 19 часов. Более полутысячи людей заполнили просторный зал с беломраморными стенами, увешанными старинными гобеленами и картинами в тяжелых позолоченных рамах. Свет огромной хрустальной люстры с лампочками в виде свеч отражался полированным мрамором стен, еще более усиливая атмосферу торжественности.

В зале рядом с членами советской делегации – почетные

гости: Риббентроп, Гесс, Геринг. Прием не начинается: ждут Гитлера. Но тот, явно недовольный ходом переговоров и желая продемонстрировать это советской делегации, на прием так и не прибыл. Его роль главного гостя взял на себя Геринг. После победы над Францией ему был присвоен уникальный чин рейхсмаршала, и Геринг появился в зале в новой парадной униформе, которая была сшита по его личному указанию. Грудь Геринга украшали многочисленные ордена, медали и пестрые ленты, а чуть ли не на каждом пальце сверкало по несколько колец с драгоценными камнями. Геринг напоминал огромного разукрашенного павлина и сразу оказался в центре внимания собравшейся публики.

Однако прием продолжался недолго. Едва были произнесены первые тосты, как все услышали рев сирен воздушной тревоги. Гости, в том числе и почетные, стали второпях покидать посольство; прием в честь советской правительственной делегации был скомкан.

Под утро советская делегация получила шифротелеграмму из Москвы. Это была директива Сталина о дальнейшем ведении переговоров. "Твое поведение в переговорах, – писал Сталин, – считаю правильным". Делегации предписывалось отклонять все попытки втянуть ее в обсуждение глобальных проблем, связанных с разделом наследства Британской империи, в то же время сосредоточиться на постановке тех проблем советско-германских отношений, которые непосредственно затрагивали безопасность Советского Союза: размещении немецких войск в Финляндии и Румынии, статусе Черноморских проливов в условиях развертывания военных действий на Средиземном море и на Балканах.

"Насчет Черного моря, – говорилось в директиве, – можно ответить Гитлеру, что дело не только в выходе из Черного моря, а главным образом во входе в Черное море, который всегда использовался Англией и другими государствами для нападения на берега СССР. Все события от Крымской войны прошлого века до высадки иностранных войск в Крым и Одессу в 1918 г. и 1919 г. говорят о том, что безопасность причерноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о Проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Черном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе Проливов невозможно без договоренности с Болгарией о пропуске советских войск

для защиты входов в Черное море. Этот вопрос особенно актуален теперь и не терпит отлагательства не только потому, что Турция связана с Англией, но и потому, что Англия своим флотом заняла острова и порты Греции, откуда она всегда может угрожать берегам СССР, используя свое соглашение с Турцией"[27].

На второй встрече с Гитлером, которая началась в 10 часов 13 ноября и длилась три с половиной часа, советская делегация взяла инициативу в свои руки и заняла наступательную позицию. Это поставило нацистского фюрера в непривычное для него положение, и беседа порой принимала весьма острый характер.

В соответствии с указаниями, полученными из Москвы, Молотов сразу поставил вопрос о немецких войсках в Финляндии. Гитлер признал, что Германия "крайне заинтересована в получении из Финляндии леса и никеля", но утверждал, что "было бы совершенно неправильно считать Финляндию оккупированной немецкими войсками". Одновременно он пытался угрожать Советскому Союзу: Германия-де не потерпит каких-либо новых конфликтов на Балтийском море, они имели бы "непредсказуемые последствия". Фактически Гитлер под предлогом экономической и стратегической важности Финляндии для Германии отказался рассматривать важнейший для советской стороны вопрос о выводе немецких войск из этой страны. Итог бесплодной дискуссии по этому вопросу подвел Молотов: "Не может быть и речи о пребывании в Финляндии немецких войск и о проведении в этой стране (явно подразумевалось: с санкции гитлеровцев. – *Г. Р.*) политических демонстраций, направленных против Советского правительства... Мир в районе Балтийского моря может быть гарантирован на 100 процентов, если между Советским Союзом и Германией будет достигнуто полное понимание по финскому вопросу". Под "полным пониманием" Молотов подразумевал вывод немецких войск из Финляндии и подтверждение немецкой стороной статьи секретного протокола от 23 августа 1939 г., согласно которой Финляндия входила в "сферу интересов" Советского Союза.

Гитлер вновь попытался повернуть дискуссию в приемлемое для него русло: "вместо продолжения чисто теоретического спора" следует "переключиться на более важные проблемы". "После покорения обанкротившейся Англии, – продолжал он, – ее гигантские владения во всем мире площадью 40 млн. *кв. км* будут разделены. При этом Россия получит

доступ к незамерзающему и действительно открытому Индийскому океану... Такая ситуация открывает грандиозные перспективы. В течение ближайших недель следует путем совместных дипломатических переговоров договориться об участии России в решении этих проблем"[28].

Советская делегация вновь вернула дискуссию на рельсы конкретных проблем. Был поставлен вопрос об аннулировании гарантий, данных Германией по "венскому арбитражу" Румынии, поскольку у советского руководства, "если позволительно высказаться прямо", сложилось впечатление, что эти гарантии направлены против Советского Союза. Гитлер ответил, что их отмена невозможна.

≪Тогда, – свидетельствует В.М. Бережков, – Молотов поставил такой вопрос: "Что сказала бы Германия, если Советский Союз, учитывая свою заинтересованность в безопасности района, прилегающего к юго-западным границам, дал бы гарантии Болгарии, подобно тому как Германия и Италия дали гарантии Румынии?"

Это замечание вывело Гитлера из равновесия. Он визгливо прокричал: "Разве царь Борис просил Москву о гарантиях? Мне об этом ничего не известно. И вообще, об этом я должен посоветоваться с дуче". И угрожающе добавил: "Если бы Германии понадобилось искать повод для трений с Россией, то ей для этого можно было бы найти такой повод в любом районе"≫[29].

Руководитель советской делегации, как свидетельствует немецкая запись беседы, не был обескуражен. Он "снова вернулся к вопросу о русских гарантиях Болгарии и повторил, что внутренний режим страны останется нетронутым". "Гитлер, – докладывал Молотов Сталину, – уклонился от ответа, сказал, что по этому вопросу он должен предварительно запросить мнение Италии"[30].

В результате и по этому вопросу договоренность не была достигнута.

Затем Молотов затронул проблему Черноморских проливов, которые он обозначил как "исторические ворота для нападения на СССР". Глава советской делегации подчеркнул, что здесь у Советского Союза только одна цель – гарантировать себя от нападения через проливы путем урегулирования этого вопроса с Турцией. "Как черноморская держава, Советский Союз имеет право на такую безопасность и уверен, что сможет найти у Турции понимание в данном вопросе".

Гитлер снова попытался вернуться к обсуждению "вели-

ких планов" раздела Британской империи, хотя и был вынужден признать, что он "не может, конечно, быть абсолютно уверен в том, что эти планы выполнимы". Молотов вновь уклонился от обсуждения гитлеровских глобальных схем, подчеркнув, однако, при этом, что "Советский Союз как великая держава не может стоять в стороне от важных европейских и азиатских проблем".

Тут Гитлер вновь вспомнил, что время позднее и не исключены воздушные налеты англичан на Берлин. Так завершилась эта встреча – последняя между представителями высшего руководства СССР и гитлеровской Германии. Впоследствии В.М. Бережков рассказывал: когда советская делегация покидала имперскую канцелярию, к нему вдруг подошел Гитлер и в обход немецкого переводчика сказал о своем глубоком уважении... к Сталину. Лицемерия Гитлеру было не занимать.

Вечером 13 ноября советская делегация отправилась на заключительную встречу с Риббентропом. Его кабинет в резиденции на Вильгельмштрассе, пишет В.М. Бережков, "значительно меньший, чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора. Державшийся в присутствии Гитлера в тени, Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу-аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными"[31].

Однако ознакомиться как следует с помпезным интерьером этого кабинета и его хозяином советской делегации не удалось. Едва довольно большая группа журналистов закончила традиционное фотографирование участников встречи, как завыли сирены воздушной тревоги. Часы показывали 21 час 40 минут. "Нам, – пишет У. Черчилль, – заранее стало известно об этом совещании, и хотя нас не пригласили принять в нем участие, мы все же не хотели оставаться в стороне"[32]. Пришлось всем по довольно крутой винтовой лестнице перебираться в бомбоубежище, где был оборудован подземный кабинет нацистского министра.

Риббентроп начал с заявления, что хотел бы изложить свой взгляд на перспективы ведения в будущем Германией и Советским Союзом общей политики сотрудничества и сформулировать вопросы, которые было бы целесообразно обсу-

дить. Главное, продолжал он, это вопрос о сотрудничестве стран "тройственного пакта" – Германии, Италии и Японии – и Советского Союза[33].

Для этого надо четко определить сферы влияния этих четырех государств. Риббентроп предложил Молотову согласованный, как он сказал, с фюрером проект соглашения между участниками "тройственного пакта" – Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, а также проекты двух секретных протоколов к нему.

В статье 1 проекта соглашения говорилось, что Советский Союз "одобряет цели держав Тройственного пакта и... согласен следовать той же политической линии, что и государства Тройственного пакта". Согласно статье 2 проекта, Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязывались "уважать... естественные сферы влияния друг друга". В свете последующих событий весьма одиозно звучало заявление, что Германия, Италия и Япония признают существующие границы Советского Союза и будут уважать их. Статья 3 обязывала участников соглашения не входить в блоки государств и не поддерживать блоки, направленные против одной из четырех держав. Соглашение предлагалось заключить сроком на 10 лет[34].

Основной смысл предлагаемого соглашения заключался в секретном протоколе к нему. Его текст гласил:

"1. Германия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Центральной Африке.

2. Италия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Северной и Северо-Восточной Африке.

3. Япония заявляет, что ее основные территориальные интересы лежат в районе Восточной Азии к югу от Японской империи.

4. Советский Союз заявляет, что его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана"[35].

В проекте второго секретного протокола предлагалось "вовлечь в политическое сотрудничество" с участниками соглашения четырех держав Турцию. Предлагалось заменить конвенцию о Черноморских проливах, заключенную в 1936 г. в Монтрё и в значительной степени ущемлявшую Советский

Союз, новой конвенцией, по которой неограниченное право прохода через проливы получат военно-морские корабли Советского Союза и других черноморских государств (это понятно), а также... Германии и Италии.

Комментируя предложенные им проекты соглашения четырех держав и секретных протоколов к ним, Риббентроп пустился в разглагольствования о том, что вопрос о дележе "наследства" Британской империи в высшей степени актуален.

– А что скажет Англия? – спросил Молотов.

– С Англией покончено, – сказал Риббентроп, – она больше не является великой державой.

– Если Англия разбита, – не без сарказма заметил Молотов, – то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?*

Что касается режима Черноморских проливов, то "по этому вопросу, – заявил Молотов, – СССР должен договориться с Турцией, имея в виду, что для Германии и Италии, не являющихся черноморскими державами, вопрос о проливах не является существенным с точки зрения их безопасности, а для СССР вопрос о проливах связан не только с заключением нового соглашения с Турцией, но и с реальными гарантиями безопасности СССР. Вопрос же таких гарантий касается не только Турции, но и Болгарии в указанном мною смысле, то есть дает гарантии для самой Болгарии"[36].

"Основной вопрос, – отвечал Риббентроп, – заключается в том, готов ли Советский Союз и в состоянии ли он сотрудничать с нами в деле ликвидации Британской империи... Все остальное является абсолютно незначительным".

По данному вопросу, ответил Молотов, он не может в настоящее время занять определенную позицию, так как не знает, каково мнение Сталина и других его друзей в Москве. Однако он должен заявить, что все эти вопросы завтрашнего дня не могут быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений. Прежде чем приступить к решению новых задач, нужно закончить то, что уже начато. Не приглашая Риббентропа вновь посетить Москву, Молотов заявил, что "поднятые вопросы уместно в дальнейшем обсуждать по дипломатическим каналам послами обеих сторон".

---

* Об этом рассказал У. Черчиллю Сталин во время визита британского премьера в Москву в августе 1942 г. (см. Churchill W. The Second World War. – Vol. 2. – Boston, 1949. – P. 591).

Как говорится, точки над "i" в ноябрьском 1940 г. советско-германском диалоге были поставлены. Но вялая беседа Молотова с Риббентропом, где ее участники вновь и вновь возвращались к своим исходным позициям, продолжалась еще до полуночи, когда был дан отбой воздушной тревоги и собеседники смогли наконец покинуть бомбоубежище.

...И вновь Ангальтский вокзал. Утро 14 ноября. Со времени приезда советской делегации в Берлин не прошло и двух суток. Тем разительнее перемены. От помпезности и показной приветливости нацистских хозяев не осталось и следа. Нет и нацистских бонз, толпившихся позавчера на перроне. Из официальных лиц присутствуют лишь Риббентроп и те чиновники его ведомства, которым по должности необходимо присутствовать на церемонии отъезда. Молотов и Риббентроп обмениваются сухими протокольными фразами, и поезд трогается. Перевернута еще одна страница в дипломатических отношениях Советского Союза с гитлеровской Германией.

Прежде чем с высоты наших дней давать оценку итогам и последствиям этих советско-германских переговоров, посмотрим, как оценивали их современники. В Берлине явно пытались делать хорошую мину при плохой игре. Через день после отъезда Молотова германский МИД разослал циркулярную телеграмму за подписью Вейцзекера всем немецким представительствам за границей. Выдавая желаемое за действительное, в ней утверждалось, что переговоры завершились согласованием мнений обеих сторон по всем вопросам, интересующим Германию и Советский Союз. Более того, переговоры якобы положили начало координации политики Советского Союза и стран "тройственного пакта". Особо подчеркивалось, что "все предположения относительно мнимого германо-советского конфликта являются плодами фантазии, а спекуляции врагов об ухудшении доверительных и дружеских германо-русских отношений основаны на самообмане". Рукой Риббентропа была сделана приписка: "Дружественный визит Молотова в Берлин вновь продемонстрировал это"[37].

Смысл телеграммы, как представляется, преследовал две цели: с одной стороны, распространением через немецких дипломатов слухов о незыблемости и даже углублении "дружественных" германо-советских отношений помешать возможному сближению Англии и США с Советским Союзом, а с другой – зная, что такая оценка встречи несомненно дойдет до Москвы, в очередной раз попытаться усыпить бдитель-

ность советского руководства в отношении готовившейся агрессии.

Что касается Кремля, то для него провал берлинских переговоров был очевиден. Ни одно из предложений советской стороны немцами принято не было. "...Беседы не дали желательных результатов, – докладывал Молотов Сталину утром 14 ноября. – ...Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но по крайней мере выяснил теперешнее настроение Гитлера, с которым придется считаться"[38].

Не скрывался факт провала переговоров и в информации, посланной советским полпредам. Так, в телеграмме, полученной И.М. Майским 17 ноября, говорилось: "Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле. Мы не дали на это согласия, так как считаем, что, во-первых, Турция должна остаться независимой и, во-вторых, режим в проливах может быть улучшен в результате наших переговоров с Турцией, но не за ее спиной. Немцы и японцы, как видно, очень хотели бы толкнуть нас в сторону Персидского залива и Индии. Мы отклонили обсуждение этого вопроса, так как считаем такие советы со стороны Германии неуместными"[39].

Стали ли переговоры в Берлине важным рубежом в советско-германских отношениях? И да, и нет*.

С одной стороны, они ничего не изменили в общей тенденции развития отношений между двумя странами, определяемой в основном форсированной подготовкой фашистской Германии к нападению на Советский Союз. "Берлинские переговоры ничуть не изменили твердую решимость Гитлера, – с полным основанием констатирует У. Черчилль. – ...Гитлер всей душой стремился уничтожить большевиков, которых он смертельно ненавидел. Он полагал, что у него достаточно сил, чтобы решить эту главную задачу своей жизни. А это откроет дорогу

* Абсолютно неверно оценило позицию Германии на переговорах советское полпредство в Берлине. В политическом отчете полпредства о визите, направленном в НКИД 19 ноября, утверждалось, что "привлечение СССР на сторону Германии является основой внешнеполитического плана Германии, нацеленного на быстрейшее победоносное окончание войны с Англией".

и к достижению других целей"[40]. С другой стороны, нараставшая до переговоров напряженность в советско-германских отношениях не ослабла, а, напротив, явно приобретала форму острой политической конфронтации.

То, что было ясно Черчиллю, очевидно, понимал и Сталин. Какая же линия была выработана в Москве после возвращения Молотова?

С целью втянуть Берлин в длительные дипломатические переговоры было решено в принципе принять предложение о подключении Советского Союза к "тройственному пакту", но оговорить этот акт рядом предварительных условий, вокруг которых начались бы длительные дипломатические переговоры.

Вечером 25 ноября Шуленбурга пригласили в Кремль.

Согласно записи беседы, сделанной советской стороной, Молотов, изложив предложения, которые были сделаны Риббентропом в Берлине, сообщил условия, на которых Советский Союз был в основном согласен принять проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. Текст заявления Шуленбург немедленно направил шифром в Берлин с пометкой "Лично имперскому министру иностранных дел"[41]. Поскольку заявление Советского правительства после публикации в 1948 г. его немецкой версии стало объектом различных инсинуаций, приведем его оригинал. Этими условиями, заявил Молотов, являются:

"1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля);

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды;

3. Если центром тяжести аспирации СССР признан район к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу;

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав

по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г. Риббентропом о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспираций СССР на юге от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект протокола – Соглашения между Германией, Италией, СССР и Турцией в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германий о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессии на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария ввиду ее географического положения находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости".

В заключение Молотов сказал, что "германской стороной был предложен один открытый текст и 2 секретных протокола. Советская сторона готова принять за основу предложенный текст и предлагает составить 5 секретных протоколов"[42].

В конце нарком спросил, не нужны ли какие-либо разъяснения, на что Шуленбург ответил: "Все ясно".

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

Отправив 25 ноября 1940 г. свои контрпредложения, Сталин рассчитывал начать с Гитлером дипломатическую игру, которая, как он надеялся, отсрочит вооруженное столкновение с Германией хотя бы на несколько месяцев. Но эти расчеты и надежды оказались несостоятельными. Напрасно в Кремле ждали ответного дипломатического хода Берлина. Закончился ноябрь, прошел декабрь, наступил новый 1941 год. Берлин молчал. Это и понятно. Нацистскому руководству было не до дипломатических раутов с Кремлем. Подготовка к нападению на СССР вступила в решающую фазу.

5 декабря в ставке Гитлера, в Бергхофе, начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер докладывает уже детально отработанный план операции на Востоке. Ее замысел сводится к тому, чтобы "с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сильного оборонительного фронта... Конечной целью операции являются Волга и район Архангельска". Гитлер, соглашаясь с основными положениями плана, добавляет, что "наступление следует вести так далеко на восток, чтобы... немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных центров"[1].

Через день, 7 декабря, по распоряжению Гальдера начальник штаба группы армий "А" генерал фон Зоденштерн представляет Гитлеру оперативно-стратегический план военных действий против СССР. "С рассветом 15 мая, – говорится в этом документе, – немецкие сухопутные силы пересекают русскую границу на всем фронте"[2].

15–16 декабря под руководством заместителя Гальдера генерала Ф. Паулюса в ставке командования сухопутных сил в Цоссене проводится "подготовительная игра" – окон-

чательная шлифовка плана агрессии[3]. Вечером 18 декабря Гальдер и Паулюс в присутствии верхушки военного руководства рейха – Браухича, Редера и Геринга – докладывают Гитлеру окончательный текст плана военного нападения на Советский Союз. Фюрер утверждает "директиву № 21" и дает операции на Востоке кодовое название "Барбаросса"*.

Опьяненные легкими победами на Западе, гитлеровцы полагали, что одного подготовленного ими мощного удара будет достаточно, чтобы в течение 6–8 недель разгромить Советские Вооруженные Силы и ликвидировать Советский Союз. На совещании руководителей нацистского вермахта 5 декабря 1940 г. Гитлер заявил: "Следует ожидать, что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем французская армия"[4].

Политические цели, которые преследовали гитлеровцы в войне против СССР, были сформулированы в многочисленных нацистских документах. Остановимся лишь на некоторых из них. "Уполномоченным по координации вопросов восточноевропейского пространства" был назначен Альфред Розенберг, один из идеологов германского фашизма, слывший в нацистской верхушке "советологом". Ведомство Розенберга разработало детальные планы расчленения Советской страны на отдельные "имперские комиссариаты". В один из них – "Остланд" – предполагалось включить Прибалтику и Белоруссию, во второй – Украину, Курскую, Воронежскую и Саратовскую области. Кавказ и Нижнее Поволжье гитлеровцы намеревались включить в третий "имперский комиссариат", а территорию от Москвы до Урала – в четвертый. "Задачи нашей политики, – разъяснял Розенберг своим сотрудникам, – должны идти в таком направлении, чтобы... органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы... Русскому из Горьковского имперского комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от

---

* Среди заросших лесом вершин Гарца возвышается гора Кифхойзер. От соседних гор ее отличает лишь огромная каменная башня, сооруженная еще в средневековье. Это памятник императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе (1123–1190). Именем этого рыжебородого авантюриста, не раз организовывавшего грабительские походы на Восток против соседних народов, Гитлер и назвал подготовленную нацистскими генштабистами "директиву № 21" – план агрессивной войны против Советского Союза.

русского из Тульского имперского комиссариата... Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, дело заключается в том, чтобы уничтожить русских как народ"[5]. Широкую программу закрепления немецко-фашистского господства в Восточной Европе разработало главное имперское управление безопасности – важнейший орган СС. Разработанный в недрах этого учреждения план "Ост" предусматривал выселить с родных земель 65% жителей Западной Украины, $^{3}/_{4}$ Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии – всего более 30 млн. человек, а на "освободившейся" территории поселить 10 млн. колонистов из рейха. С конца 1940 г. в Берлине разрабатывались и акции по массовому уничтожению советских людей.

Стоявшие за спиной гитлеровцев военно-промышленные концерны параллельно с подготовкой военными плана "Барбаросса" разрабатывали мероприятия по ограблению захваченных советских территорий. В октябре 1940 г. при штабе верховного командования вермахта было создано "ведомство экономического вооружения". Возглавил его генерал Томас, являвшийся членом наблюдательного совета концернов Геринга и Бергман-Борзига, а также членом совета вооружений, где он восседал рядом с Цангеном, Феглером, Пенсгеном и другими представителями крупнейших монополий. Томас учредил в декабре 1940 г. "рабочий штаб по России" во главе с генералом Шубертом. Затем по приказу Гитлера для "единой разработки всех экономических дел" на территории Советского Союза был создан "экономический штаб особого назначения Ольденбург". Примечательно, что в кругах монополий все замыслы, связанные с предстоящим нападением на СССР, так и назывались – план "Барбаросса – Ольденбург"*.

Занятые детальной военно-политической и экономической подготовкой нападения на СССР, гитлеровцы придавали все

---

* Под готовившийся грабеж советской экономики "штаб Ольденбург" подвел прочную организационную базу. На каждое известное гитлеровцам советское предприятие заводилась специальная карточка. Европейская часть Советского Союза была разбита на четыре экономические области. Для каждой из них гитлеровцы подготовили специальный аппарат для "экономического использования данной территории". Для захвата на месте оборудования, сырья, продовольствия "штаб Ольденбург" формировал специальные подразделения. Они должны были продвигаться в глубь советской территории вместе с частями фашистского вермахта.

меньшее значение поддержанию с Советским Союзом нормальных дипломатических отношений. "Берлин, – вспоминал Г. Хильгер, – потерял всякий интерес к сообщениям из Москвы"[6]. Центр дипломатических усилий Берлина, как мы увидим далее, переместился на Запад: Гитлера интересовал ключевой вопрос – как политическими средствами нейтрализовать Англию на период агрессии на Востоке. В этой ситуации попытки Кремля втянуть Берлин в дипломатические переговоры стали придавать всей структуре советско-германских политических отношений какой-то ирреальный, оторванный от действительности характер*.

Это наглядно проявилось уже 21 декабря, через три дня после утверждения Гитлером плана "Барбаросса". В этот день Риббентропа (после вручения Гитлеру верительной грамоты) посетил вновь назначенный советский полпред В.Г. Деканозов. Его попытка поднять хотя бы один практический вопрос – о продаже Советскому Союзу части литовской территории, отошедшей в сферу интересов Германии осенью 1939 г., – не имела ии малейшего успеха. Ледяным тоном Риббентроп объявил, что этот вопрос еще находится в стадии обсуждения германским руководством. Когда будет принято решение, об этом полпреду сообщат. Наивной и жалкой выглядела и попытка Деканозова смягчить тон беседы чрезмерно теплым поздравлением нацистского министра с семейным праздником – рождением сына[7].

Приехавший в Берлин под новый 1941 год в качестве первого секретаря советского посольства В.М. Бережков констатирует: "В это время в советско-германских отношениях наступило заметное затишье. В Москве между советскими представителями и германским послом Шуленбургом не было почти никаких контактов. Время от времени Шуленбург обращался с запросами о могилах немцев в разных районах СССР и по другим делам, которые могли интересовать, скорее всего, военную разведку вермахта... Ничего существенного не поступало и от нашего посольства в Берли-

* Вместе с тем советско-германские политические отношения приобретают все более конфронтационный характер. Советский Союз все чаще выступает, прямо или косвенно, с осуждением агрессивных актов фашистской Германии. Так, 4 марта 1941 г. последовало заявление Советского правительства в связи с согласием болгарского правительства на ввод германских войск в Болгарию. 5 апреля был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией, над которой нависла угроза немецко-фашистской агрессии.

не, если говорить о сфере официальных отношений. В этой сфере господствовал холод... Наши контакты с политическими деятелями "третьего рейха" носили сугубо официальный характер и были крайне ограничены"[8]. Было о чем задуматься в Москве, для которой планомерная подготовка Германии к нападению на СССР не оставалась тайной.

Последний всплеск дипломатической активности Кремля приходится на 17 января 1941 г. В этот день почти одновременно Молотов пригласил в Кремль Шуленбурга (беседа была краткой, она длилась всего лишь 25 минут), а советский полпред в Берлине посетил Вильгельмштрассе. Риббентроп не удосужился принять Деканозова, предоставив это Вейцзекеру. Тексты советских заявлений в Москве и Берлине были аутентичными: "По всем данным, германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию, имея своей целью занять Болгарию, Грецию и Проливы... Советское правительство несколько раз заявляло Германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим безопасности СССР.

Ввиду всего этого, Советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением безопасности СССР". В Москве Молотов выразил "удивление тем положением, которое создалось после его поездки в Берлин. Во время последней беседы с Риббентропом в бомбоубежище Риббентроп сделал несколько предложений, которые были переданы на рассмотрение Советского правительства. На эти предложения 25 ноября Советское правительство дало ответ. С тех пор прошло уже два месяца, но от Германского правительства ответа не получено. Советское правительство сформулировало свою точку зрения и ожидало, что Германское правительство будет на это реагировать, но до сих пор с германской стороны нет ни ответа, ни привета"[9].

Ответ немецкой стороны последовал 22 января – одновременно в Берлине и Москве. Наряду с заверением в отсутствии у имперского правительства "намерений нарушать интересы безопасности СССР" Кремль ставился перед фактом, что "германская армия намерена пройти через Болгарию, если какие-либо операции будут производиться против Греции". Что касается предложений, сделанных Советским

правительством 25 ноября 1940 г., то ответ Германии последует после согласования всех затронутых вопросов с Японией и Италией; лишь после того, как в этом вопросе позиции сторон будут ясны, Германия "сможет возобновить политические переговоры с Советским Союзом"[10].

Вследствие такой позиции Германии советско-германские политические переговоры так и не были начаты вплоть до рокового дня 22 июня 1941 г. Не надо было быть Бисмарком или Талейраном, чтобы понять в тот момент намерения и планы нацистского руководства, причем не на какое-то отдаленное будущее, а на ближайшие месяцы, и сделать из этого соответствующие выводы. Эти выводы сделаны не были.

Может быть, Кремль был в неведении о решениях, принимаемых в имперской канцелярии? Отнюдь нет. Один за другим на стол Сталина ложились документы главного разведывательного управления (ГРУ) генштаба Красной Армии, наркоматов государственной безопасности и иностранных дел о готовящемся нападении гитлеровцев на Советский Союз.

7 декабря 1940 г. полпредство СССР в Берлине на основе полученной информации сообщило в Москву, что "Гитлер намеревается будущей весной напасть на СССР. Многочисленными мощными окружениями Красная Армия должна быть уничтожена"[11]. Материал об основных положениях плана "Барбаросса", утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву. После этого данные о концентрации немецких войск на западных границах Советского Союза поступали в Кремль регулярно и своевременно.

7 февраля 1941 г. Сталин получил сообщение о состоявшейся накануне беседе министра иностранных дел Великобритании А. Идена с английским послом в Москве Криппсом. Иден выразил уверенность, что "на основании сведений, которыми он располагает... Германия в самом непродолжительном времени нападет на Советский Союз"[12].

21 февраля 1941 г. опытнейший советский разведчик Шандор Радо сообщал из Швейцарии: "Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. Наступление Гитлера начнется в конце мая"[13]. Заметим, что по состоянию на тот момент эта дата была указана правильно. Затем в связи с нападением на Югославию и Грецию Гитлер 27 марта начало военных действий против СССР отложил на четыре-пять недель.

В начале марта Рихард Зорге передал в Москву фотокопию телеграммы Риббентропа германскому послу Отто в То-

кио. Нацистский министр информировал посла, что нападение Германии на Советский Союз запланировано на вторую половину июня.

20 марта, а затем 5 мая начальник ГРУ генерал Ф.И. Голиков представил Сталину доклады с конкретными данными о подготовке гитлеровцев к осуществлению плана "Барбаросса".

3 апреля премьер-министр Великобритании У. Черчилль предложил послу Криппсу передать лично Сталину послание чрезвычайной важности: "Я располагаю достоверными сведениями из надежного источника, что когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко поймет значение этих фактов"[14].

7 апреля о сроках нападения Гитлера на СССР Сталина в личной беседе информировал югославский посол в Москве М. Гаврилович[15].

12 июня Радо предупредил: "Общее наступление на СССР начнется на рассвете в воскресенье, 22 июня". Это подтвердил и Зорге телеграммой, полученной в Москве 15 июня: "Нападение произойдет на широком фронте на рассвете 22 июня".

По свидетельству генерал-лейтенанта М. Мильштейна, много важных данных было получено от сотрудника германского посольства в Москве Герхарда Кегеля. 11 июня он сообщил, что из Берлина получен приказ уничтожить секретные документы посольства и приготовиться к эвакуации в недельный срок. 20 июня Кегель сообщил, что, по его данным, нападение произойдет 21 или 22 июня[16].

Можно согласиться с мнением заместителя начальника управления Генерального штаба генерал-полковника Г.А. Михайлова, высказанным им в Институте военной истории МО СССР: "В Центр регулярно поступала достоверная информация о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. С большой точностью были переданы боевой состав, численность, группировки войск противника, сообщено решение Гитлера о нападении на СССР; поступала информация о первоначальных сроках нападения и о последующих изменениях в них. Исследования трофейных документов показали, что данные советской разведки о противнике были очень близки к реальным"[17].

Добавим к этим фактам одну малоизвестную страницу истории советско-германских дипломатических отношений. Вечером 28 апреля Шуленбургу, который был взволнован поступающими к нему слухами о скором нападении Германии на Советский Союз, удалось добиться аудиенции у Гитлера. Напрасно посол заверял фюрера, что у Советского Союза и в помыслах нет намерений напасть на Германию, что он убежден в готовности Сталина к "далеко идущим уступкам", что в следующем году СССР готов увеличить поставки Германии зерна до 5 млн. т[18]. Из высказываний Гитлера Шуленбург понял, что нацистский фюрер твердо решил: целью следующей военной акции рейха будет Советский Союз. Правда, прощаясь, Гитлер вдруг без всякой связи с предыдущей беседой бросил: "Шуленбург, вести войну против России я не собираюсь!" Разыгранная Гитлером концовка беседы не поколебала убеждения Шуленбурга. Встречавшему его 30 апреля на московском аэродроме советнику Хильгеру посол рассказал, что Гитлер намеренно обманывал его: "Жребий брошен, война – дело решенное!"[19].

Посол, сторонник дальнейшего развития мирных советско-германских отношений, испытал настоящий шок. После раздумий и колебаний он решился на шаг, беспрецедентный в современной дипломатии, – предупредить о нависшей угрозе советскую сторону, рассчитывая, что Сталину путем новых уступок Гитлеру удастся смягчить ситуацию.

Воспользовавшись пребыванием в Москве Деканозова, Шуленбург через Хильгера приглашает его на завтрак в немецком посольстве. Недвусмысленные намеки Шуленбурга (а ведь Деканозов знал, что тот только что вернулся из Берлина!) на возможность в самом ближайшем будущем враждебных акций Гитлера в отношении Советского Союза встретили крайне настороженное отношение собеседника. Деканозов не раз спрашивал, является ли точка зрения посла официальной позицией Берлина. Естественно, что на этот вопрос Шуленбург ответ дать не мог*...

Нет сомнений, что Сталин своевременно располагал достоверными данными о подготовке и сроках нападения Германии на Советский Союз. Но обязательные в таком слу-

* Запись беседы была своевременно подготовлена присутствовавшим на встрече В.Н. Павловым, но Деканозов, явно нарушая свои обязанности, не сообщил о встрече Молотову. Запись беседы впервые была опубликована лишь в 1990 г. (см. Вестник МИД СССР. – 1990. – № 20. – С. 57–63).

чае широкомасштабные меры, чтобы встретить агрессию во всеоружии, приняты не были. Известно, что даже вечером 21 июня, когда до начала фашистской агрессии оставались буквально считанные часы, в ответ на предложение наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г.К. Жукова немедленно отдать директиву о приведении всех войск пограничных округов в полную боевую готовность Сталин заявнл: "Такую директиву сейчас давать преждевременно. Может быть, вопрос еще уладится мирным путем"[20]. Учитывая, что именно Сталин единолично принимал решения по важнейшим политическим вопросам, он является главной фигурой, по вине которой германскому командованию удалось осуществить внезапное нападение, нанести Красной Армии в первые дни войны колоссальные и неоправданные потери и поставить страну и вооруженные силы на грань катастрофы.

Естественно, возникает вопрос, ответ на который вот уже много лет пытаются найти нсторики и публицисты: какими соображениями руководствовался Сталин, рассчитывая, что весной и летом 1941 г. Гитлер на Советский Союз не нападет, что умиротворением нацистского фюрера ему удастся отодвинуть агрессию на 1942 г., когда вследствие принимаемых мер экономика и вооруженные силы страны будут лучше готовы к отражению нападения фашистской Германии?

Рассуждают о слепой вере Сталина в советско-германский пакт о ненападении, о его паническом страхе перед Гитлером, подмявшим всю континентальную Европу. Не исключено, что поведенне Сталина не в последнюю очередь объяснялось и этими факторами. Но, как представляется, главные причины рокового просчета Сталина лежат глубже – это неправильная, ошибочная оценка Сталиным весной и летом 1941 г. расстановки и взаимодействня основных политических сил на мировой арене.

Во-первых, Сталин, как показало дальнейшее развитие событий, ошибочно считал, что если удастся хотя бы на время ослабить коалицию агрессивных государств путем нейтрализации Японии, то отсутствие у Советского Союза второго фронта на Дальнем Востоке заставит Гитлера отложить агрессию до более благоприятной международной ситуации. Поэтому советская дипломатия весной 1941 г. прилагала чрезвычайные усилия для нормализации советско-японских отношений.

Во-вторых, Сталин, исходя из опыта германской истории

и собственных высказываний нацистского фюрера в "Майн кампф" о невозможности для Германии выиграть войну на два фронта, считал, что, пока Англия сражается и не идет на сговор с Гитлером, только отъявленный авантюрист может решиться на войну против Советского Союза.

А Сталин в то время Гитлера авантюристом не считал. Напротив, он видел в нем расчетливого и удачливого мастера политических комбинаций. Удастся ли теперь Гитлеру договориться с Англией, удержится ли в Лондоне у власти Черчилль, противник гитлеровских планов владычества в Европе, или верх возьмут сторонники полюбовного раздела мира с Гитлером – с ответом на эти вопросы Сталин напрямую связывал реальность гитлеровской агрессии. Именно здесь, как показало затем дальнейшее развитие событий, эти оценки и расчеты были ошибочными, но именно они определяли в тот период внешнеполитический курс и конкретную дипломатическую деятельность Советского Союза.

Еще осенью 1940 г. Япония, воспользовавшись ослаблением позиций Англии, Франции и Нидерландов на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, сдвинула направление своей агрессивной политики на юг. 22 сентября японцы оккупировали Северный Индокитай, вооруженные силы Японии готовились к броску на Индонезию, Малайю, Сингапур, Бирму, к удару по позициям США на Тихом океане. Не отказываясь от своих планов похода против Советского Союза, японские правящие круги, наученные опытом Хасана и Халхин-Гола, считали, что удобный момент для агрессии они выберут сами, после того как СССР будет серьезно ослаблен на Западе.

Предложение, сделанное Токио 30 октября 1940 г., о заключении советско-японского договора о ненападении произвело большое впечатление на Кремль. С начала 30-х годов билась советская дипломатия над заключением такого договора, а теперь его предлагали заключить сами японцы. Однако вскоре выяснилось, что подписание договора о ненападении в Токио связывали с тем, чтобы добиться от Советского Союза включения в сферу японского влияния Северного Сахалина и прекращения советской помощи Китаю[21].

Следует заметить, что высшему военно-политическому руководству Японии уже с января 1941 г. было известно о подготовке Германии к войне против СССР. Однако отказываться от "южного направления" своей агрессивной политики в Токио не собирались – уж слишком заманчивым после блицкрига Гитлера на Западе представлялся Японии захват

колониальных владений европейских стран в Юго-Восточной Азии.

Небезынтересно отметить, что еще в середине 30-х годов известный советский публицист Э. Генри предсказывал, что Япония может и не принять участия в гитлеровском походе против Советского Союза, рассчитывая, что в случае успеха нацистов советское Приморье, Камчатка, Северный Сахалин попадут в их руки. Советско-японский пакт в Токио рассматривали как своеобразную страховку, обеспечивающую спокойный тыл при проведении актов агрессии в южном направлении, – не более того. "Германская дипломатия активно поддерживала эти действия японцев"[22], – подчеркивают авторы фундаментального исследования "Дипломатия агрессоров". В Москве же явно переоценивали значение возможного советско-японского урегулирования путем заключения пакта и внимательно следили за действиями Берлина, опасаясь противодействия такому урегулированию с немецкой стороны.

Но противодействия по существу не было. Принимая 3 февраля 1941 г. японского посла Курусу, Гитлер заявил об отказе Германии в пользу Японии от претензий на бывшие немецкие владения на Дальнем Востоке, подчеркнув, что общими врагами Германии и Японии являются западные страны, а "другие страны, например Россия, не являются сейчас врагами, но представляют угрозу для обеих стран". Гитлер заверил, что с советской угрозой он справится сам: "185 дивизий, которыми располагает Германия, укрепляют ее безопасность лучше, чем договоры... В течение этого года будет устранено сомнение в том, что Германия – самая мощная держава в Европе"[23].

Позиция гитлеровской дипломатии в отношении Японии весной 1941 г. была сложной. Нацистское руководство, уверенное в быстром разгроме Советского Союза, не считало необходимым немедленное подключение Японии к войне против СССР. Поэтому в Берлине не высказывали решительных возражений против заключения советско-японского пакта о ненападении, полагая, что он в самом недалеком будущем будет перечеркнут разгромом Советского Союза. Япония представлялась нацистскому руководству ценным союзником прежде всего для агрессивных акций, которые планировалось осуществить после разгрома Советского Союза. Поэтому Берлину казалось более важным подтолкнуть Японию к незамедлительному нападению на Сингапур для

отвлечения внимания Англии от Европы. Втягивание Японии в войну против Англии, рассчитывали в Берлине, намертво сковало бы правительство Черчилля и заставило бы его отказаться (даже если оно и имело бы такие намерения) от каких-либо попыток прийти на помощь Советскому Союзу против гитлеровской агрессии.

Всячески подталкивая Японию на скорейшее втягивание в войну против Англии, гитлеровцы не раскрывали Токио до конца планов агрессии против СССР даже в 1941 г., рассчитывая поставить своего дальневосточного союзника перед свершившимся фактом. "О плане "Барбаросса", – говорилось в директиве Гитлера 5 марта 1941 г., – ничего не должно быть сообщено Японии"[24].

23 февраля состоялась продолжительная беседа Риббентропа с вновь назначенным японским послом в Берлине Осимой. И опять о подключении Японии к готовящейся агрессии против СССР не было сказано ни слова. Сообщив, что Германия готовит против СССР 240 дивизий, Риббентроп подчеркнул, что вермахт в состоянии один справиться с Красной Армией. Нацистский министр рекомендовал японцам молниеносно, без объявления войны захватить Сингапур – ключевую позицию англичан на Дальнем Востоке[25].

5 марта Гитлер авторитетно подтвердил эту точку зрения нацистского руководства. В подписанной им директиве верховного командования вермахта говорилось: "Основной целью сотрудничества, предусмотренного Тройственным пактом, должно явиться втягивание Японии как можно скорее в активные действия на Дальнем Востоке... Операция "Барбаросса" создаст для этого благоприятные военные и политические условия"[26].

Серьезнейшую тревогу вызвала в Кремле поездка в Берлин японского министра иностранных дел Мацуоки. 25 марта по дороге в Германию Мацуока был "перехвачен" Сталиным в Москве. В ходе двухчасовой беседы советская сторона пыталась поставить принципиальные вопросы советско-японских отношений с целью их полной нормализации[27].

На следующий день Мацуока выехал в Берлин, где имел несколько бесед с Гитлером и Риббентропом. "Немецкие войска на Востоке готовы выступить в любой момент, – заявил нацистский министр своему японскому собеседнику 27 марта. – Если Россия займет позицию, которая может рассматриваться как враждебная Германии, то фюрер разобьет Россию. В Германии уверены, что такой поход против России закон-

чится полной победой немецкого оружия, разгромом русской армии и крушением государственной системы. Фюрер убежден, что в случае похода против Советского Союза через несколько месяцев с ним как с великой державой будет покончено"[28]. Как вспоминал впоследствии личный переводчик Гитлера П. Шмидт, при этих словах Мацуока, славившийся своим непроницаемым видом, "удивленно захлопал глазами"[29].

В тот же день состоялась встреча Мацуоки с Гитлером. В привычном для него пространном заявлении нацистский фюрер объявил, что "Англия уже разбита" и все надежды Лондон возлагает на США и Советский Союз. "Германия имеет с Россией известные договоры, но важнее тот факт, что наготове против России стоят 160–180 дивизий". Он, Гитлер, "не имеет никаких сомнений насчет возможного развития событий и готов немедленно сделать необходимые выводы"[30].

Отношения Германии с Советским Союзом стали предметом детального обсуждения Риббентропа с Мацуокой 28 и 29 марта. "Конфликт с Россией, – заявил нацистский министр, – в любом случае лежит в области возможного... Развитие событий может быстро привести к конфликту между Германией и Россией". На вопрос о возможности подключения СССР к "тройственному пакту" последовал ответ Риббентропа: "Вопрос о присоединении Советского Союза к пакту не стоит на повестке дня", позиции Германии и СССР по вопросу о Финляндии и Балканах являются противоположными, и "в любом случае переговоров с русскими на их условиях не будет... Сотрудничество с Россией абсолютно невозможно, так же как невозможно объединить огонь и воду... Если политика Сталина не будет соответствовать линии фюрера, он разгромит Россию"[31].

Информация о ходе переговоров Мацуоки с руководителями нацистской Германии своевременно поступала в Москву.

Особую тревогу в Кремле вызвали не только откровенно враждебные выпады Гитлера и Риббентропа в адрес Советского Союза, но и сама атмосфера японо-германских переговоров – подчеркивание единения Германии и Японии в проведении агрессивной политики. Стало известно и сделанное Мацуокой во время посещения папы римского заявление, что Япония сражается в Китае не против китайцев, а против "большевизма".

В Москве считали,что есть все основания опасаться сплочения Германии и Японии на антисоветской основе. Именно поэтому в ходе переговоров с Мацуокой в Москве (на его обратном пути в Японию) на первый план советской стороной было выдвинуто заключение советско-японского пакта о нейтралитете. Пакт был заключен 13 апреля 1941 г. Советский Союз и Япония согласились "поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность". В договоре указывалось, что в случае, если одна из сторон "окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта"[32].

В советской историографии широко распространена версия, будто бы заключение пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом явилось полной неожиданностью для Берлина и что если бы нацистские руководители были заблаговременно извещены о пакте, то они предприняли бы усилия для его торпедирования. Так, в официальной "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг." утверждается, что "заключение советско-японского договора о нейтралитете явилось большой неожиданностью для Германии"[33].

Эта версия не подтверждается дипломатическими документами из немецких архивов. Напротив, есть основания полагать, что в Берлине с осени 1940 г. знали и о японских предложениях Советскому Союзу, и об ответной реакции Москвы. Более того, когда в беседе 28 марта Мацуока информировал Риббентропа о возможном заключении политического соглашения с Советским Союзом, то каких-либо возражений со стороны нацистского министра не последовало[34]. 9 апреля японский посланник в Москве Ниси подробно проинформировал Шуленбурга о содержании подготавливаемого советско-японского пакта[35]. Информация тут же была передана в Берлин, но никакой реакции ни от Гитлера, ни от Риббентропа опять-таки не последовало. Утром 13 апреля Мацуока посетил Шуленбурга и сообщил, что советско-японский пакт о нейтралитете будет подписан сегодня в 14 часов. Он особо подчеркнул, что "Тройственный пакт при этом, естественно, не затрагивается"[36].

Можно с полным основанием утверждать, что, рассчитывая на блицкриг против Советского Союза, гитлеровцы оценивали советско-японский пакт как документ третьестепенно-

го значения и не возражали против его подписания*. Документы нацистских архивов, дневники и мемуары высокопоставленных нацистов со всей очевидностью подтверждают неоспоримый факт: заключение советско-японского пакта ни на один день не отсрочило нападения Германии на Советский Союз. Подготовка антисоветской агрессии продолжалась в строгом соответствии с планом "Барбаросса".

17 марта Гитлер на совещании в Бергхофе о ходе подготовки операции "Барбаросса" заявил: "Целесообразно строить план операции с учетом сил, на которые мы можем уверенно рассчитывать. Мы можем с уверенностью рассчитывать только на немецкие войска"[37].

26 марта верховное командование вермахта издает директиву, в которой предписывается все мероприятия, связанные с подготовкой нападения на СССР, маскировать видимостью подготовки десантной операции против Англии. 30 марта на "большом совещании" у Гитлера нацистский фюрер еще раз напомнил основные цели и методы операции "Барбаросса": "разбить Вооруженные Силы Советского Союза, уничтожить государство... Речь идет о борьбе на уничтожение... Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом"[38].

7 апреля штаб оперативного руководства ставит конкретные задачи перед группировкой немецких войск в Финляндии – захват Мурманска.

30 мая начальник штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер записывает в своем военном дневнике: "Фюрер решил, что срок начала операции "Барбаросса" прежний – 22 июня"[39].

Такова была ситуация в Берлине. Совершенно иная оценка советско-японского пакта давалась в Москве.

"Заключение пакта о нейтралитете между СССР и Японией, – пишет советский исследователь П.П. Севостьянов, – наносило мощный удар по планам гитлеровцев, активно готовивших нападение на СССР"[40]. К сожалению, такая точка зрения разделялась не только историками, но, что гораздо важнее, тогдашними руководителями советской внешней

* Сразу после заключения пакта военный министр Японии Тодзио (будущий премьер-министр) заявил: "Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР. Сейчас положение таково, что государства не останавливаются перед нарушением соглашений".

политики. "Правда" писала, что советско-японский пакт о нейтралитете является документом "большой политической важности"[41]. Выступая 5 мая 1941 г. в Кремле на приеме выпускников военных академий, Сталин особо подчеркнул значение советско-японского пакта для сохранения мира.

В Кремле полагали, что нормализация отношений Советского Союза с Японией серьезно подрывает германо-японские отношения и "тройственный пакт" в целом, что явится важным фактором, который принудит Гитлера пересмотреть свои планы и отложить сроки нападения на СССР.

О той эйфории, которая царила в советском руководстве после заключения пакта, дает представление сцена, разыгравшаяся на Северном (теперь Ярославском) вокзале 13 апреля 1941 г., три часа спустя после подписания советско-японского пакта, когда Мацуока покидал Москву. Вот как описывает ее присутствовавший там Шуленбург[42].

...16 часов – время отбытия экспресса Москва – Маньчжурия. Но поезд задерживается. Нет главного пассажира. Только спустя час появляется Мацуока. Его провожает не только Молотов, что предусмотрено протоколом, но и сам Сталин. Это действительно беспрецедентная ситуация, до этого Сталин никогда не встречал и не провожал иностранных представителей*. Тем самым подчеркивалось огромное значение, которое придавалось Кремлем только что заключенному пакту с Японией.

Более того, на перроне Сталин, положив руку на плечо Шуленбургу и глядя на японского министра, провозгласил: "Мы должны оставаться друзьями и сделать для этого все!" Затем Сталин обратил внимание на помощника немецкого военного атташе полковника Кребса. "Мы остаемся друзьями!" – заявил Сталин, пожав Кребсу руку...

Подведем некоторые итоги. Первый и чрезвычайно важный для всего последующего хода событий на советско-германском фронте стратегический просчет Сталина при оценке им сложившейся весной 1941 г. международной обстановки состоял в гипертрофическом преувеличении им значения для Гитлера советско-японского пакта о ненападении. Как показывают факты, это была иллюзия.

Второй просчет стратегического масштаба накануне гит-

---

* Впоследствии Сталин сделал исключение для У. Черчилля, которого он провожал после англо-советских переговоров в Москве 19 октября 1944 г.

леровского вторжения был допущен Сталиным на основе неверного анализа последствий так называемой "миссии Гесса" в Англию. Сразу отметим одно важное обстоятельство, которое во многом обусловило действия Сталина. О подготовке и ходе "миссии Гесса" он получал подробную и достоверную информацию. Как стало известно впоследствии, английские антифашисты (главную роль в этой операции играл сотрудник английской разведки Ким Филби) успешно использовали подслушивающую аппаратуру. Все переговоры Гесса в Англии записывались на магнитную ленту, которая без промедления отправлялась в Москву[43].

...Поздно вечером 10 мая 1941 г. над Северной Англией неподалеку от Глазго появился двухмоторный немецкий истребитель "Мессершмитт-110". Летчик выбросился на парашюте, самолет разбился. Подоспевшему английскому фермеру пилот назвался капитаном нацистских ВВС Хорном. Летчика передали властям. Через несколько минут в загородном поместье премьер-министра Англии Черчилля Чекерс раздался звонок: "Гесс в Шотландии". Под именем Хорна в Англию прилетел заместитель Гитлера по фашистской партии Рудольф Гесс.

Так открылась еще одна страница в подготовке гитлеровцев к осуществлению плана "Барбаросса". Учитывая неблагоприятный для кайзеровской Германии опыт войны на два фронта, нацистское руководство стремилось парализовать действия Англии летом и осенью 1941 г., чтобы без помех с ее стороны осуществить запланированную операцию против СССР. Оно было убеждено, что любое соглашение с Англией будет крайне недолговечно: разгром Советского Союза решит судьбу и Англии, и ее империи.

В центре дипломатических маневров нацистской верхушки на Западе в 1940–1941 гг. не случайно оказалась фигура Гесса. Состояние войны с Англией, а также стремление до последнего момента маскировать подготовку агрессии против СССР мнимыми планами вторжения в Англию заставляло нацистское руководство осуществлять эту политико-дипломатическую операцию в глубочайшей тайне, с применением сугубо секретных мер. Это, безусловно, требовало максимально сузить круг участвовавших в ней лиц, и операция проводилась за спиной официального внешнеполитического аппарата рейха.

Гесс не только пользовался полным доверием фюрера, но и, пожалуй, являлся самым близким к нему человеком. В го-

ды первой мировой войны Гесс добровольно пошел на фронт и служил вместе с Гитлером в Баварском резервном полку. Еще будучи студентом Мюнхенского университета, Гесс помогал Гитлеру организовать нацистскую партию и захватить в ней руководство. Дружба нацистских вожаков окрепла после "пивного путча", когда Гесс девять месяцев вместе с Гитлером сидел в одной камере тюрьмы Ландсберг. Именно там под диктовку Гитлера Гесс напечатал на машинке библию германского фашизма – "Майн кампф". Вплоть до захвата нацистами власти Гесс был личным секретарем Гитлера. В фашистской Германии власть Гесса – "наци № 3", официального наследника Гитлера (после Геринга) – стала безграничной. От имени Гитлера Гесс заправлял всеми делами нацистской партии. Специальным указом Гитлера на него был возложен контроль за всей деятельностью фашистского правительства и других государственных органов. Ни одно распоряжение правительства, ни один закон рейха не имели силы, пока их не подписали Гитлер или Гесс.

На Нюрнбергском процессе приводился официальный нацистский документ, в котором говорилось: "Декретом фюрера заместитель фюрера (т.е. Гесс. – *Г. Р.*) получает полную власть принимать решения от имени фюрера... Заместитель фюрера является полновластным представителем фюрера. Канцелярия заместителя фюрера является канцелярией самого фюрера".

Фашистское мировоззрение студента Гесса складывалось под воздействием его наставника – мюнхенского профессора и "отца" фашистской геополитики Карла Гаусгофера. Геополитические бредни Гаусгофера именно через Гесса попали в книгу Гитлера "Майн кампф". Все внешнеполитические акции Гитлер сначала обсуждал с Гессом, а уже затем объявлял их программой действий политического и военного руководства рейха.

За последнее время опубликовано немало документальных свидетельств, говорящих о том, что все детали предстоящей миссии в Англию были согласованы Гессом с фюрером[44]. Окончательно они были уточнены 5 мая 1941 г. в Бергхофе. Пятичасовая беседа велась наедине. Вошедший в конце ее телохранитель Гитлера Портнер был поражен "трогательной, со слезами на глазах" сценой прощания фюрера со своим заместителем[45]. Последние директивы Гитлера были переданы Гессу накануне вылета, утром 10 мая, Альфредом Розенбергом. О важности их содержания говорит хотя бы тот факт,

что сразу после беседы с Гессом Розенберг отправился к Гитлеру, чтобы доложить о выполнении задания[46].

И вот по разработанному плану Гесс должен был встретиться с руководителями английского правительства и предложить Англии широкую программу "мирного урегулирования".

В Москве было известно, что Гесс начал предпринимать усилия в этом направлении еще с июня 1940 г., то есть сразу же после разгрома и капитуляции Франции. При осуществлении своих планов он использовал услуги сына генерала Гаусгофера – Альбрехта, работавшего до второй мировой войны советником германского посольства в Лондоне и имевшего тесные связи с профашистскими кругами Англии. Альбрехт Гаусгофер передал Гессу список лиц, которые могли бы помочь установить контакты с английским правительством. На первом месте стояло имя герцога Гамильтона, которого Гесс знал лично. Именно через него и решил действовать Гесс.

Гесс начал тщательную подготовку к полету в Англию. В конце первой мировой войны он некоторое время служил военным летчиком.

В начале войны Гитлер издал специальное распоряжение, запрещавшее нацистским вожакам в военное время управлять самолетами. Однако на Гесса этот запрет не распространялся. В течение нескольких месяцев он совершил около 30 продолжительных тренировочных полетов. Его выбор пал на новейший скоростной истребитель МЕ-110. По требованию Гесса самолет переоборудовали для дальнего полета, установив на нем два дополнительных бака по 750 *л* горючего. Все было готово для полета.

Здесь важно отметить еще одно обстоятельство: даже на фоне фашистских вожаков Гесс выделялся тем, что его антикоммунизм, враждебность к Советскому Союзу носили поистине патологический характер. И это, несомненно, делало фигуру Гесса удобной для переговоров с англичанами.

В ночь с 10 на 11 мая германская авиация после длительного перерыва вновь нанесла удар по английским городам. В налете приняло участие около 1000 бомбардировщиков и истребителей. Гитлер остался верен себе: переговоры с Англией он хотел вести с позиции силы. Прежде чем сесть с

англичанами за стол дипломатических переговоров, он стремился показать, что у него есть и другие возможности воздействовать на Англию. Однако сразу после налета участвовавшие в нем самолеты в соответствии с планом "Барбаросса" начали передислокацию на восток для войны против Советского Союза.

10 мая к вечеру Гесс появился на заводском аэродроме фирмы "Мессершмитт" в Лагерлечфельде, близ Аугсбурга. Подготовленный к полету МЕ-110 уже стоял на взлетной дорожке. Не медля, в 18 часов 10 минут по среднеевропейскому времени, Гесс стартует и берет курс на Глазго в Северной Англии. Перед отлетом личный пилот Гитлера Бауэр вручил ему секретную карту закрытых и опасных для полета зон на территории Германии. Две радиостанции немецких ВВС – в Париже и Калундборге (Дания) – помогают Гессу ориентироваться в полете, чтобы не сбиться с курса. Около 22 часов 1500 *км* пути остаются позади, и Гесс у цели: под ним – поместье герцога Гамильтона.

Дальше события из сферы детективно-приключенческой переходят в область тайной дипломатии. На начальной стадии ведение переговоров с Гессом поручили опытному дипломату Айвору Киркпатрику, который был в 1933–1938 гг. советником британского посольства в Берлине.

Первая беседа Гесса с Киркпатриком состоялась в ночь на 13 мая и длилась почти до утра. Затем она была продолжена 14 и 15 мая. В своих мемуарах Киркпатрик подробно описывает эту встречу. Чувствовалось, что Гесс облечен доверием Гитлера, позицию нацистской Германии он излагал с апломбом. Гесс старался убедить Киркпатрика в том, что Англия войну проиграла, дальнейшее ее продолжение грозит стране лишь новыми поражениями и бедствиями. "Положение Англии совершенно безнадежно, ее изгнали из континентальной Европы, и ей уже никогда не восстановить там своих позиций", Англия "осталась в одиночестве", и ее "мощь будет сокращаться, тогда как сила Гитлера будет возрастать с помощью всей Европы", записывал потом слова Гесса Киркпатрик. Гесс приводил цифры производства военных самолетов Германии и Англии, сравнивал потери английского флота с возраставшим количеством спускаемых на воду немецких подводных лодок. Он нарисовал довольно мрачную картину будущего Англии, если она не прекратит войну: Германия создаст огромный воздушный и морской флот, авиация подвергнет непрерывным и безжалостным ударам английскую

промышленность и города. Весь остров превратится в груду развалин, а население будет вымирать с голоду, так как из-за подводной блокады в Англию не прорвется ни одно судно с продовольствием.

Гесс заявил Киркпатрику, что он "пользуется безраздельным доверием фюрера. Это позволяет ему со всей ответственностью вести переговоры и заверить... в готовности фюрера... заключить великодушный мир с Англией на следующих условиях: гегемония Германии на Европейском континенте и возврат ей бывших немецких колоний; гегемония Великобритании в ее заморских владениях, которые останутся нетронутыми и получат гарантии от Германии. Таким образом, немецкая армия и английский флот будут править всем миром. Такая англо-германская коалиция будет настолько сильной, что позволит... без всякого риска или неприятностей распрощаться с американцами, и это будет очень хорошо для всего мира".

Таким образом, гитлеровцы предлагали создать англо-германскую коалицию, которая господствовала бы над всем миром.

На следующий день переговоров с Киркпатриком Гесс выдвинул еще один тезис. Он сводился к тому, что в случае отказа Англии от соглашения с Гитлером Германия будет вести морскую и воздушную войну против Англии до тех пор, пока не будут прерваны все линии снабжения. Блокада не кончится и в том случае, если метрополия капитулирует, а империя будет продолжать сражаться.

И на третий день переговоров с Киркпатриком Гесс продолжал шантажировать английских руководителей. Он заявил, что "немцы учитывают американское вмешательство и не боятся его. Они знают все об американской авиационной промышленности и о качестве ее самолетов. Германия может превзойти совместное производство Англии и Америки"[47].

В двадцатых числах мая в Москве было получено новое важное сообщение из Лондона: обсудив предложения Гесса, английское правительство решило продолжать переговоры с ним на более высоком уровне, подключив к ним члена кабинета Черчилля лорда-канцлера Джона Саймона, сторонника мюнхенского сговора. Обсуждалась даже возможность встречи Гесса с Черчиллем, но это было признано нецелесообразным. "Черчиллю не пришлись по вкусу эти советы, — пишет английский публицист Дж. Лизор. — Его встреча с Гессом могла бы вызвать замешательство"[48].

Как стало известно Сталину, переговоры Саймона и Киркпатрика с Гессом происходили 10 июня на вилле близ Олдершота в строжайшей тайне. Саймон фигурировал на них под именем "доктора Гатри", а Киркпатрик – "доктора Маккензи". Да и сам Гесс выступал как "господин Джей".

Гесс передал англичанам документ под названием "Основы соглашения", который тут же был зачитан Киркпатриком. Он гласил: "1. Чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн, между державами оси и Англией должно быть проведено разграничение сфер интересов. Сферой интересов стран оси должна быть Европа, сферой интересов Англии – ее империя. 2. Возвращение Германии ее колоний. 3. Возмещение германским гражданам, которые жили в Британской империи до или во время войны, ущерба, причиненного их имуществу или жизни мероприятиями правительства в империи или такими действиями, как грабеж, беспорядки и т.д. Германия обязуется на равных условиях обеспечить возмещение ущерба британским подданным. 4. Заключение перемирия и мира с Италией".

Эти условия в точности совпадают и с условиями мира с Англией, переданными Гитлером Риббентропу еще летом 1940 г., сразу после разгрома английских войск под Дюнкерком. Изложив свои предложения, Гесс мог с основанием сказать: "Эти идеи суть идеи фюрера".

Когда речь зашла о разграничении сфер влияния Англии и фашистской Германии, Саймон спросил, включает ли понятие "Европа" (входящая в сферу влияния Германии) какую-либо часть Советского Союза. Гесс ответил, что "само собой очевидно, что европейская Россия нас интересует... Азиатская часть России не включается в сферу интересов Германии".

В то же время выяснилось, что гитлеровцы не намерены идти ни на какие уступки Англии в Западной Европе. От ответов на вопросы Саймона о будущей судьбе Голландии, Норвегии и других западноевропейских стран Гесс сначала уклонялся, но в конце концов, потеряв терпение, заявил: "Так же как мы не будем вмешиваться в дела Британской империи, так и Англия в будущем не должна вмешиваться в дела Европы... Мы, как господствующая держава Европы, не должны постоянно опасаться, что Англия станет вмешиваться в дела европейских государств".

Саймон поблагодарил Гесса за беседу и обещал довести его предложения до сведения английского правительства.

Однако на этом переговоры не закончились. Киркпатрик и переводчик по просьбе Гесса покинули зал, и у него состоялась с Саймоном сверхсекретная беседа с глазу на глаз. Ее содержание неизвестно общественности до сих пор. Есть основания предполагать, что Гесс передал ему письмо Гитлера английскому правительству*.

Прилет Гесса в Англию должен был, по замыслу Гитлера, стать мощной поддержкой для английских "мюнхенцев" – сторонников сговора с гитлеровской Германией. Однако верх взяли сторонники Черчилля, хорошо понимавшие смертельную угрозу, нависшую над Англией. В ночь на 11 мая, то есть сразу после появления Гесса в Англии, 6 видных представителей британских правящих кругов были арестованы, а 14 других, в том числе герцог Вестминстерский и управляющий Английского банка Монтэгю Норман, "серьезно предупреждены"[49].

Весьма показателен такой факт. Когда Черчиллю передали слова Гесса о том, какие "громы и молнии" обрушат нацисты на Англию, если она откажется пойти с ними на мировую, тот спокойно заметил: "Если бы Гесс прибыл годом раньше и рассказал о судьбе, которую нам уготовили немцы, мы испугались бы. А чего нам опасаться теперь?" У Черчилля были все основания игнорировать нацистские угрозы. Руководители английской политики к моменту прилета Гесса в Англию, то есть к маю 1941 г., не только обладали обширной информацией о готовившемся нападении фашистской Германии на СССР, но им была известна и дата нападения.

Черчилль не напрасно отказался от прямых переговоров с эмиссаром Гитлера. Английский народ не допустил бы сговора с нацистами. Простые англичане были полны решимости отстоять национальную независимость своей родины в борьбе с фашизмом. Этот главный фактор предопределил и отказ английских правящих кругов принять предложения Гесса.

---

* Видимо, в ходе переговоров с Гессом английская сторона серьезно скомпрометировала себя. Не этим ли объясняется тот факт, что английские дипломатические документы, относящиеся к "миссии Гесса", скрыты за семью печатями? Их публикация в нарушение существующей в Англии практики будет осуществлена не ранее 2017 г. Сын Гесса в опубликованном исследовании "Убийство Рудольфа Гесса?" выдвинул версию, что смерть Гесса в тюрьме Шпандау 17 августа 1987 г. не была естественной: английские спецслужбы "ускорили" его смерть, опасаясь реального к этому времени освобождения Гесса и возможности нежелательных разоблачений.

В итоге Англия ие пошла иа соглашеиие с гитлеровской Германией иакануне ее нападеиия иа СССР.

Таким образом, фронт иа Западе для гитлеровской Германии продолжал существовать. Понятно облегчение, которое почувствовал Сталин, получив достоверную информацию, что "второй Мюнхеи" ие состоялся. Но на осиове этой правильной, отвечавшей реальиостям предпосылки им был сделан ошибочный вывод: учитывая опыт первой мировой войны, Германия ие пойдет на войну на два фроита. Убежденный в этом Сталин считал, что военные приготовления Германии к войне против СССР можно нейтрализовать подчеркнутым миролюбием Советского Союза и уступками с его стороны.

Если Сталии, совершая поистине роковой просчет стратегического зиачения, был увереи, что военное столкновеиие с Германией можно оттянуть, то иначе рассуждал Гитлер. В ряде выступлений он ие без оснований утверждал, что иалицо самый благоприятный момеит для агрессии, через год-два соотношение сил изменится в пользу противников стран "тройственного пакта". Поэтому и неудача "миссии Гесса" в Англию иичего не измеиила в календаре гитлеровской агрессии против Советского Союза.

Твердая убежденность Сталина в обратном определяла действия советской дипломатии в последние иедели и дни кануна войны. Разрыв между иллюзорными расчетами Сталина и реальиой действительиостью со всей очевидностью проявился 14 июня. В этот день Гитлер, считая их уже излишними, отменил все мероприятия, которые были призваны маскировать подготовку к осуществлению плаиа "Барбаросса". С этого дня ударные группировки вермахта, уже не таясь, стали занимать позиции иепосредственно на границе с СССР. Гитлер не без оснований считал, что у СССР уже нет времени для принятия ответных мер...

В Москве же в этот день было опубликоваио печально знаменитое сообщение ТАСС, в котором утверждалось, что Германия "неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о иеиападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о иамерении Германии порвать пакт и предпринять иападение на СССР лишены всякой почвы"[50].

С ходу как "провокационные" в Кремле отбрасывались не только донесения ГРУ и НКГБ о готовящемся вторжении, но и аналогичные сообщения советских дипломатов. Количество этих сообщений росло с каждым месяцем, и в 1941 г. такая информация шла в НКИД сплошным потоком.

Советское полпредство в Берлине буквально било тревогу. Еще в апреле 1941 г. Деканозов представил в НКИД специальный доклад о военной и психологической подготовке гитлеровцев к нападению на Советский Союз. Вывод посла был однозначен: цель немцев – "нападение на СССР уже в ходе нынешней войны их с Англией. Переброска войск, усиленная обработка и подготовка своего населения в антисоветском духе, усиленная и спешная разработка хозяйственных планов с использованием украинского и другого сырья являются доказательством серьезности этих немецких намерений"[51].

13 июня советское полпредство в Берлине сообщило, что "в течение апреля, мая и по сей день железными дорогами и автострадами войска идут (на восток. – *Г. Р.*) непрерывным потоком... Сейчас следует считаться с количеством войск на наших границах в Восточной Пруссии, Польше и Румынии в 140–150 дивизий, еще 30–40 дивизий в районе Берлина"[52].

15 июня на стол Сталина легла телеграмма полпреда из Берлина: "Новое... заключается в том, что теперь уже не говорят об этой концентрации (немецких войск. – *Г. Р.*) как о демонстрации Германии с целью добиться уступок от СССР. Сейчас утверждают, что дело идет к настоящей подготовке к войне с Советским Союзом"[53].

Реакция Сталина и его окружения на грозные предупреждения была однозначной. 21 июня 1941 г., когда до войны оставались лишь считанные часы, Берия докладывал Сталину: "...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра...

То же радировал и генерал-майор Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо пом-

ним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!"[54].

О полном отрыве советского руководства от реальной действительности свидетельствуют дипломатические "конвульсии" (иначе их не назовешь!) Сталина и Молотова в последние часы накануне немецко-фашистской агрессии.

Утром 21 июня Гитлер сообщил Муссолини, что он "принял самое трудное" в его жизни решение – завтра утром напасть на СССР, а в 21 час 30 минут, буквально за несколько часов до фашистской агрессии, Молотов приглашает к себе Шуленбурга и продолжает попытки отговорить немцев от рокового шага уверениями в добром расположении советского руководства к Германии и лично Гитлеру, в отсутствии враждебных Германии расчетов во внешнеполитических акциях СССР, в частности в Договоре о дружбе и ненападении с Югославией. "Вошедший в историю дипломатии как деятель, отличавшийся более всего своей жесткостью, граничащей с грубостью, – пишет Ф.Н. Ковалев, – Молотов выступает в этой беседе в роли "главноуговаривающего", пытающегося словами сдержать навалившуюся уже на наши границы лавину фашистской агрессии"[55].

Через два часа по указанию из Москвы Деканозов посещает германский МИД. Риббентроп его не принимает. Посол вручает статс-секретарю Вейцзекеру вербальную ноту о нарушениях германскими самолетами границ СССР. Только за два последних месяца их было до 180[56]. Советское правительство, говорилось в ноте, ожидает от правительства Германии принятия мер к прекращению нарушений советской границы немецкими самолетами. Деканозов пытался поднять вопрос об общем состоянии советско-германских отношений, но Вейцзекер, прервав беседу, заявил: "Нужно ждать ответа моего правительства... Ответ будет дан позже".

Нацистский дипломат знал, что́ говорил. Он знал, что для дипломатии уже не оставалось места. Через шесть часов, в 2 часа утра по берлинскому времени (в 4 часа по московскому), гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Казалось бы, этим можно завершить исследование советско-германских дипломатических отношений накануне войны.

Однако напоследок Гитлер решил разыграть дипломатический фарс. В 5 часов 30 минут утра, когда снаряды и бомбы агрессора уже рвались на советской земле, Шуленбург появляется в кабинете Молотова. Германское правительство, заявил посол, поручило ему передать Советскому правительству ноту следующего содержания: "Ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массированной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры"[57]. Заметим, что именно этим заявлением гитлеровцы положили начало имевшей широкое хождение в годы "холодной войны" версии о "превентивном" характере действий фашистской Германии*.

Шуленбург явно взволнован. Он заверяет, что не может выразить свое подавленное настроение, вызванное "неоправданным, неожиданным" действием своего правительства.

Молотов спрашивает, что означает эта нота. Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны. Отвергнув попытки германского правительства оправдать неспровоцированное нападение на СССР, Молотов завершает встречу риторическим вопросом: "Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?"

Этот вопрос выдает острое разочарование советского руководства тем, что начало войны не удалось оттянуть на больший срок.

К этому фарсу гитлеровцев, призванному попытаться оправдать неспровоцированную агрессию против Советского Союза, в Берлине подключается Риббентроп. Нацистский министр вручает Деканозову ноту, аналогичную той, что в это время Шуленбург передает в Москве Молотову. "Час назад германские войска перешли границу Советского Союза", — добавляет нацистский министр. Затем принимается уверять,

---

* Известно, что, когда в мае 1941 г. Г.К. Жуков, бывший в то время начальником Генерального штаба Красной Армии, представил на рассмотрение Сталина проект мероприятий с целью упредить немецко-фашистскую агрессию, он был категорически отвергнут. Данные об этом были опубликованы В.В. Карповым (см. Литературная газета. — 1990. — 9 мая).

что эти действия Германии якобы являются не агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями.

Советский полпред прерывает разглагольствования Риббентропа: "Это наглая, ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко поплатитесь..."

И тут, как сообщает сопровождавший полпреда В.М. Бережков, произошло нечто неожиданное. Риббентроп стал уверять, будто бы он лично был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Он считает это безумием. Но он ничего не мог поделать, это решение принял Гитлер, он никого не хотел слушать.

Советский полпред покидает здание германского МИД на Вильгельмштрассе в то самое время, когда в Москве Шуленбург выходит из кремлевского кабинета Молотова. 6 часов утра, 22 июня 1941 г. С момента нападения фашистской Германии на Советский Союз прошло уже два часа...

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] См. **Wheeler-Bennett J.** Twenty Years of Russian-German Relations 1919–1939. – L., 1959; **La Quer W.** Deutschland und Russland. – B., 1965; **Hilger G., Meyer A.** The Incompatible Allies. – N. Y., 1953; **Fabry Ph.** Der Hitler-Stalin Pact 1939–1941. – Darmstadt, 1962; **Hofer W.** Die Entfesselung des Zweiten Weltkrieges. Eine Studie über die Internationalen Beziehungen im Summer 1939. – Frankfurt/M., 1964; **Hillgruber A.** Zur Entstehung des Zweiten Weltkrieges. – Düsseldorf, 1968; **Menger M.** Deutschland und Finnland in Zweiten Weltkrieg. – B., 1988; **Сиполс В.Я.** Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. – М., 1989; **Севостьянов П.П.** Перед великим испытанием. – М., 1981; **Анфилов В.А.** Незабываемый сорок первый. – М., 1989.

[2] Начало ей положила публикация **"Фальсификаторы истории (историческая справка)"**. – М., 1948.

[3] **Вестник Министерства иностранных дел СССР.** – 1988. – № 15. – С. 30–31 (далее: **Вестник МИД СССР**).

[4] **Неру Дж.** Взгляд на всемирную историю. – Т. 3. – М., 1985. – С. 441.

[5] **Военно-исторический журнал.** – 1988. – № 12. – С. 66.

[6] См. **Вестник МИД СССР.** – 1988. – № 24. – С. 30; 1989. – № 6. – С. 22; **Известия.** – 1989. – 22 дек.

[7] См. **Trials of War Criminals before the Nurnberg Military Tribunals.** – Vol. 8. – Wash., 1952.

[8] **Согрин В.В.** К новому историческому созиданию//Историки отвечают на вопросы. – М., 1990. – С. 16–17.

[9] **Второй Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет.** – Т. IV. – М., 1990. – С. 272.

ДИПЛОМАТИЯ ГИТЛЕРА ПРОТИВ ДИПЛОМАТИИ СТАЛИНА

[1] **Литвинов М.** Внешняя политика СССР. – М., 1937. – С. 88.

[2] **XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет.** – М., 1934. – С. 14.

[3] Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. – Bd. VIII. – Nürnberg, 1948. – S. 151.
[4] Hitler A. Mein Kampf. – München, 1940. – S. 296–297.
[5] Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1954. – H. 4. – S. 435.
[6] Völkischer Beobachter. – 1933. – 6. Mai.
[7] Rauschning H. Hitler Speaks. – N. Y., 1940. – P. 145–146.
[8] Schulungsbrief. – 1939. – Br. 1. – S. 20.
[9] Документы внешней политики СССР. – Т. XVI. – М., 1970. – С. 814 (далее: ДВП СССР).
[10] Ludecke K. I Knew Hitler. – N. Y., 1938. – P. 468.
[11] Der Spiegel. – 1989. – Nr. 16. – S. 1.
[12] Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М., 1979. – С. 459.
[13] Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. – Bd. 1. – Stuttgart, 1962. – S. 287.
[14] Maser W. Adolf Hitler. – München, 1983. – S. 114.
[15] Baumann G. Eine Handvoll Konzernherren. – Berlin, 1953. – S. 190.
[16] Dönitz K. 10 Jahre und 20 Tage. – Bonn, 1953. – S. 302.
[17] Der Spiegel. – 1989. – Nr. 15. – S. 124.
[18] Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет. – Кн. 1. – М., 1989. – С. 277.
[19] Brzesinski Zb. The Grand Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. – N. Y., 1989. – P. 31.
[20] Сталин И.В. Сочинения. – Т. 7. – М., 1947. – С. 14.
[21] ДВП СССР. – Т. XVI. – С. 120.
[22] Там же. – С. 136.
[23] Там же. – С. 479.
[24] Там же. – С. 119.
[25] См. Documents on German Foreign Policy 1918–1945. – Ser. C. – Vol. 1. – L., 1957. – P. 11–22 (далее: DGFP).
[26] ДВП СССР. – Т. XVI. – С. 271.
[27] Там же. – С. 273.
[28] ДВП СССР. – Т. XVII. – М., 1971. – С. 787.
[29] Там же. – С. 216.
[30] Там же. – С. 281.
[31] См. DGFP. – Ser. C. – Vol. 2. – L., 1959. – P. 741, 746–747.
[32] ДВП СССР. – Т. XVII. – С. 337.
[33] Там же. – С. 480–482.
[34] См. DGFP. – Ser. C. – Vol. 2. – P. 902–904.
[35] ДВП СССР. – Т. XVII. – С. 706.
[36] ДВП СССР. – Т. XVIII. – М., 1973. – С. 140.
[37] Там же.
[38] Там же. – С. 235.
[39] См. ДВП СССР. – Т. XX. – М., 1976. – С. 533, 569.
[40] ДВП СССР. – Т. XVIII. – С. 202.
[41] Там же. – С. 226–227.
[42] Там же. – С. 671.
[43] Там же. – С. 596.

[44] Там же. – С. 671.
[45] Литвинов М. Указ. соч. – С. 186.
[46] ДВП СССР. – Т. XVIII. – С. 249.
[47] Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. – М., 1937. – С. 57.
[48] Правда. – 1989. – 18 авг.
[49] Второй Съезд народных депутатов СССР. – С. 260.

ПЕРВЫЙ ХОД СДЕЛАЛ ГИТЛЕР

[1] См. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. – Vol. XXXIV. – Wash., 1949. – P. 477–481 (далее: IMT).
[2] IMT. – Vol. XXXIV. – P. 484.
[3] Parlamentary Debates. House of Commons, 1938. – Vol. 340. – P. 80.
[4] ДВП СССР. – Т. XXI. – С. 594.
[5] Там же. – С. 613.
[6] Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 213 (далее: АДАР).
[7] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М., 1939. – С. 13.
[8] См. Аллилуева С. Двадцать писем к другу. – М., 1989. – С. 117, 138.
[9] IMT. – Vol. XXV. – Doc. 386. – PS.
[10] ДВП СССР. – Т. XXI. – М., 1975. – С. 440–441.
[11] ADAP. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 535.
[12] Ibid. – S. 529–532.
[13] Teske A. Köstring. – Berlin, 1988. – S. 207.
[14] ДВП СССР. – Т. XXI. – С. 590.
[15] Там же. – С. 573.
[16] ADAP. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 532.
[17] Ibid. – S. 534.
[18] Carr E. Münich. – Bd. 1. – L., 1988. – S. 9.
[19] Beloff M. The Foreign Policy of Soviet Russia. – Vol. 2. – L., 1949. – P. 183.
[20] Известия. – 1938. – 10 ноября.
[21] ДВП СССР. – Т. XXI. – С. 584.
[22] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – М., 1990. – С. 419.
[23] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2 – М., 1990. – С. 41.
[24] IMT. – Vol. XXXIV. – P. 388.
[25] ADAP. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 526.
[26] IMT. – Vol. XXXVII. – Wash., 1949. – P. 548.
[27] Известия. – 1938. – 27 ноября.
[28] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 420.
[29] Там же. – С. 201.
[30] Там же. – С. 419.
[31] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2. – С. 41.
[32] Kordt E. Wahn und Wirklichkeit. – Stuttgart, 1948. – S. 157.
[33] ADAP. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 529.
[34] Ibid. – S. 533.

[35] Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. – Greenwich, 1962. – P. 576.
[36] Архив внешней политики СССР. – Ф. 082. – Оп. 22. – П. 93. – Д. 2. – Л. 23–24 (далее: АВП СССР).
[37] Schulthess Europäischer Geschichtskalender, 1939. – München, 1940. – S. 7–8.
[38] Wiedemann Fr. Mann. – Berlin, 1949. – S. 231–232.
[39] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – П. 294. – Д. 2036. – Л. 17.
[40] ADAP. – Ser. D. – Bd. V. – S. 139–140.
[41] Documents on British Foreign Policy 1919–1939. – Ser. 3. – Vol. IV. – L., 1951. – P. 37.
[42] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 197.
[43] Goebbels-Tagebücher. – Bd. 1. – München, 1987. – S. 566.
[44] Schulthess Europäischer Geschichtskalender. 1939. – S. 16–42.
[45] АВП СССР. – Ф. 011. – Оп. 4. – П. 27. – Д. 59. – Л. 105–110.

ВСЕГО ОДНА НЕДЕЛЯ В МАРТЕ

[1] Schulthess Europäischer Geschichtskalender. 1939. – S. 51.
[2] Этот документ впервые был опубликован только в 1956 г. в США. См. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. 1939. – Wash., 1956. – P. 672–673 (далее: FRUS).
[3] Schulthess Europäischer Geschichtskalender. 1939. – S. 52.
[4] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – С. 14.
[5] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 290.
[6] ДВП СССР. – Т. XXI. – С. 658.
[7] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 255.
[8] ADAP. – Ser. D. – Bd. IV. – S. 548–549.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 39-го

[1] IMT. – Vol. XXXIV. – P. 380.
[2] IMT. – Vol. XXXVII. – P. 549.
[3] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 654.
[4] Schulthess Europäischer Geschichtskalender. 1939. – S. 76.
[5] FRUS. Diplomatic Papers. Soviet Union. – Wash., 1957. – P. 737.
[6] Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – М., 1989. – С. 360.
[7] Канивез М. Моя жизнь с Раскольниковым//Детектив и политика. – Вып. 3-й. – М., 1989. – С. 228–230.
[8] Цит. по Шейнис З.С. Указ. соч. – С. 362.
[9] Международная жизнь. – 1988. – № 4. – С. 126.
[10] Огонек. – 1990. – № 5. – С. 20.
[11] Bohlen Ch. Witness to History. – N. Y., 1973. – P. 108.
[12] Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. – P. 292.
[13] Шейнис З.С. Указ. соч. – С. 160.
[14] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S.

[15] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 294.
[16] Kleist P. Die europäische Tragadie. – Oldendorf, 1971. – S. 22.
[17] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – П. 294. – Л. 2036.
[18] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 222–223.
[19] Ibid. – S. 381.
[20] АВП СССР. – Ф. 082. – Оп. 22. – П. 93. – Л. 214–215.
[21] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1а. – П. 26. – Д. 18. – Л. 119–120.
[22] АВП СССР. – Ф. 082. – Оп. 22. – П. 93. – Д. 7. – Л. 220–221.
[23] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 445.
[24] Ibid. – S. 444–446.
[25] Ibid. – S. 465.
[26] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 25.
[27] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 535.
[28] Ibid. – S. 490–493.
[29] Shirer W. Op. cit. – P. 658.
[30] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 535.
[31] Ibid. – S. 497–498.
[32] Ibid. – S. 466.
[33] Ibid. – S. 477–483.
[34] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 499.
[35] АВП СССР. – Ф. 011. – Оп. 4. – П. 27. – Д. 61. – Л. 94.
[36] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 505.
[37] АВП СССР. – Ф. 011. – Оп. 4. – П. 27. – Д. 59. – Л. 107.
[38] Третья сессия Верховного Совета СССР. 26–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. – М., 1939. – С. 47.
[39] Второй Съезд народных депутатов СССР. – С. 264.
[40] Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 207.
[41] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – Д. 2103. – Л. 74.
[42] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2. – М., 1990. – С. 38.
[43] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1а. – Д. 1. – Л. 6.
[44] Там же. – Л. 4.
[45] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 680.
[46] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2. – С. 109.
[47] Второй Съезд народных депутатов СССР. – С. 265.
[48] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 847–849.
[49] АВП СССР. – Ф. 011. – Оп. 4. – Д. 59. – Л. 192.
[50] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – Д. 2038. – Л. 93.
[51] АВП СССР. – Ф. 082. – Оп. 22. – Д. 8. – Л. 122–123.
[52] Shirer W. Op. cit. – P. 673.
[53] Сиполс В. За несколько месяцев до 23 августа 1939 года//Международная жизнь. – 1989. – № 5. – С. 134.
[54] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – Д. 2038. – Л. 94–95.
[55] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 884.
[56] Ibid. – S. 883.
[57] Ibid. – S. 885.
[58] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – П. 294. – Д. 2036. – Л. 167.
[59] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1а. – Д. 1. – Л. 8.
[60] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2. – С. 162.
[61] ADAP. – Ser. D. – Bd. VI. – S. 905.

[62] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – П. 295. – Д. 2036. – Л. 169.
[63] 1939 год. Уроки истории. – М., 1990. – С. 333.
[64] Международная жизнь. – 1989. – № 8. – С. 46.
[65] Hitlers Lagebesprechungen. – Stuttgart, 1962. – S. 715.
[66] АВП СССР. – Ф. 011. – Оп. 4. – П. 270. – Д. 61. – Л. 129.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 23 АВГУСТА 1939 г.

[1] АВП СССР. – Ф. 059. – Оп. 1. – Д. 2038. – Л. 105.
[2] Burckhardt C. Meine Danziger Mission. 1937–1939. – München, 1960. – S. 372.
[3] См. Международная жизнь. – 1989. – № 8. – С. 40.
[4] Shmidt P. Statist auf der diplomatischen Bühne. – Bonn, 1953. – S. 440.
[5] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 48.
[6] Цит. по Сиполс В. За несколько месяцев до 23 августа 1939 года// Международная жизнь. – 1989. – № 5. – С. 139.
[7] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 14. – П. 32. – Д. 3. – Л. 36.
[8] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 79.
[9] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 14. – П. 32. – Д. 3. – Л. 46.
[10] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 97.
[11] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 19. – Д. 4. – Л. 122.
[12] Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. – P. 723.
[13] Второй Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. – Т. IV. – С. 267.
[14] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 99–100.
[15] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 19. – П. 32. – Д. 4. – Л. 132.
[16] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 124–125.
[17] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 14. – П. 32. – Д. 3. – Л. 51.
[18] Правда. – 1989. – 21 авг.
[19] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 131.
[20] АВП СССР. – Ф. 0745. – Оп. 14. – П. 32. – Д. 3. – Л. 65.
[21] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 175.
[22] Год кризиса 1938–1939. – Т. 2. – С. 296.
[23] Там же. – С. 311.
[24] Fleischhauer I. Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatic 1938–1939. – Berlin, 1990. – S. 485.
[25] JMT. – Bd. XL. – S. 498.
[26] Schmidt P. – Statist auf der diplomatischen Bühne. – Bonn, 1963. – S. 300.
[27] Hilger G. – Op. cit. – S. 286.
[28] Ibid. – S. 277–278.
[29] Год кризиса 1938–1939. – Т. 1. – С. 500.
[30] JMT. – Bd. XL. – S. 298.
[31] Hilger G. Op. cit. – S. 286.
[32] Публикуется по копиям: Archiv des Aussenministeriums, BRD.
[33] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 187.
[34] Цит. по Hilger G. Op. cit. – S. 288.
[35] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 189.
[36] Hilger G. Op. cit. – S. 290–291.
[37] Dokumentation. Das III Reich. Der II Weltkrieg. Schrift über die Gren-

zen. — Hamburg, 1989. — S. 85.
[38] **Herwarth H.** Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931—1945. — Frankfurt/M. — Berlin — Wien, 1982. — S. 135.
[39] **Правда.** — 1989. — 18 авг.
[40] **Documents on British Foreign Policy. 1919—1939.** — Ser. 3. — Vol. VII. — P. 227.
[41] **Ibid.** — P. 238.
[42] Herwarth H. Op. cit. — S. 142; **Bohlen Ch.** Witness to History. 1929—1969. — N. Y., 1973. — P. 283.
[43] **FRUS. Diplomatoc Papers. 1939.** — Vol. 1. — P. 342.
[44] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VII. — S. 179.
[45] **Shirer W.** Op. cit. — S. 723.
[46] **Второй Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет.** — Т. IV. — С. 612—613.
[47] **Там же.**
[48] **Halder F.** Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres, 1939—1942. — Bd. 1. — Stuttgart, 1962. — S. 125 (далее: Kriegstagebuch).
[49] **Вестник МИД СССР.** — 1990. — № 4. — С. 56.
[50] **Spiegel.** — 1989. — 24 Apr. — S. 170.
[51] **JMT.** — Bd. X. — S. 356.
[52] **Правда.** — 1990. — 18 авг.
[53] **Второй Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет.** — Т. IV. — С. 381.

ТРЕВОЖНЫЙ МЕСЯЦ СЕНТЯБРЬ

[1] **Hitlers Wiesungen für die Kriegsführung. 1939—1945.** — S. 26.
[2] **Vormann N.** Feldzung in Polen. — Wiessenburg, 1959. — S. 65.
[3] **JMT.** — Bd. XII. — S. 1086.
[4] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 10.
[5] **Halder F.** Op. cit. — S. 111.
[6] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 4.
[7] **Ibid.** — S. 27.
[8] **Ibid.** — S. 35.
[9] **Halder F.** Op. cit. — S. 111.
[10] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 54.
[11] **Новое время.** — 1987. — № 41. — С. 19.
[12] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 34.
[13] **Правда.** — 1939. — 14 сент.
[14] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 53.
[15] **Ibid.** — S. 60.
[16] **Известия.** — 1939. — 20 сент.
[17] **ADAP.** — Ser. D. — Bd. VIII. — S. 62.
[18] **Halder F.** Op. cit. — S. 123.
[19] **Правда.** — 1989. — 25 мая.
[20] **Правда.** — 1939. — 1 ноября.
[21] Цит. по **Савушкин Р.** Возвращаясь к сентябрю 39-го//Красная звезда. — 1989. — 17 сент.

[22] Второй Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. – Т. IV. – С. 271.
[23] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 72.
[24] Ibid. – S. 81.
[25] Halder F. Op. cit. – S. 125.
[26] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 82.
[27] АВП СССР. – Ф. 012. – Оп. 1. – П. 4. – Д. 52. – Л. 45.
[28] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 87.
[29] Урбшис Ю. Литва в годы суровых испытаний 1939–1940. – Вильнюс, 1989. – С. 24–25.
[30] Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939–1945. – S. 27.
[31] Цит. по Советская Россия. – 1988. – 24 авг.
[32] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 101.
[33] Hilger G. Wir und der Kreml. – S. 279.
[34] См. Международная жизнь. – 1989. – № 9. – С. 94.
[35] Правда. – 1939. – 29 сент.
[36] Полпреды сообщают. Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940. – М., 1990. – С. 61.
[37] Правда. – 1939. – 29 сент.
[38] Правда. – 1939. – 30 сент.
[39] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1. – П. 12. – Д. 119а. – Л. 4.
[40] Известия. – 1939. – 2 окт.
[41] Военно-исторический журнал. – 1989. – № 7. – С. 42.
[42] Вестник МИД СССР. – 1990. – № 2. – С. 65.
[43] От пакта Молотова – Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. – Таллинн, 1990. – С. 146–147.
[44] Вестник МИД СССР. – 1990. – № 2. – С. 65.
[45] АВП СССР. – Ф. 06. – Оп. 1. – П. 12. – Д. 119а. – Л. 4.
[46] АВП СССР. – Ф. 659. – Оп. 1. – П. 300. – Д. 2078. – Л. 145.

"ФИНСКИЙ КАПКАН"

[1] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 468.
[2] Deutschland im zweiten Weltkrieg. – Bd. 1. – Köln, 1974. – S. 251.
[3] Bundesarchiv Koblenz. – ZSg. 101. – Bd. 14.
[4] Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. – Berlin, 1988. – S. 54–55.
[5] Международная жизнь. – 1990. – № 9. – С. 113.
[6] Menger M. Op. cit. – S. 59.
[7] Цит. по История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. – Т. 1. – М., 1960. – С. 264.
[8] ADAP. – Ser. D. – Bd. VII. – S. 397.
[9] Hitlers Weisungen für die Kriegsführung, – Frankfurt/M., 1962. – S. 32.
[10] JMT. – Vol. XXXVII. – Doc. 0571.
[11] Военно-исторический журнал. – 1965. – № 10. – С. 82.
[12] Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во второй мировой войне. – Л., 1989. – С. 54–55.
[13] Там же. – С. 69.
[14] ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 510–511.

15 Ibid. – S. 679.
16 Цит. по История второй мировой войны 1939–1945. – Т. 3. – М., 1974. – С. 48.
17 Blücher W. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus Jahren 1935–1944. – Wiesbaden, 1951. – S. 186.
18 ADAP. – Ser. D. – Bd. VIII. – S. 511, 556.
19 Menger M. Op. cit. – S. 69.
20 ADAP. – Ser. D. – Bd. IX. – S. 25.
21 ZSTA. – Potsdam. – AA. – Hapol. – Nr. 68325. – S. 18.
22 ADAP. – Ser. D. – Bd. X. – S. 90.
23 Ueberschar G. Hitler und Finnland 1939–1941. – Wiesbaden, 1978. – S. 163.
24 Lundin Ch. Finnland in the Second World War. – Bloomington, 1957. – P. 62–63.

ВЕРМАХТ ПОВОРАЧИВАЕТ НА ВОСТОК

1 ADAP. – Ser. D. – Bd. IX. – S. 109.
2 Ibid. – S. 15.
3 Ibid. – S.32.
4 Ibid. – S. 42.
5 Ibid. – S. 43.
6 Правда. – 1940. – 30 марта.
7 ADAP. – Ser. D. – Bd. IX. – S. 87.
8 Ibid. – S. 109.
9 Ibid. – S. 110.
10 Ibid. – S. 123, 140.
11 Ibid. – S. 257.
12 Churchill W. The Second World War. – Vol. II. – L., 1960. – P. 548.
13 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 1. – С. 173–217; № 2. – С. 180–210.
14 Правда. – 1940. – 22 мая.
15 ADAP. – Ser. D. – Bd. X. – S. 170.
16 Правда. – 1940. – 22 мая.
17 Churchill W. – Op. cit. – P. 812.
18 Вестник МИД СССР. – 1990. – № 14. – С. 65.
19 JMT. – Bd. XXVIII. – S. 308.
20 Halder F. Op. cit. – S. 308.
21 Klee K. Das Unternehmen "Seelöwe". – Göttingen, 1958. – S. 62.
22 Цит. по Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. – М., 1968. – С. 141.
23 Волков Ф.Д. Тайное становится явным. – М., 1989. – С. 54.
24 Klee K. Op. cit. – S. 189.
25 Görlitz W. Keitel. – S. 238.
26 Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. – Stuttgart, 1972. – S. 34.
27 Churchill W. Op. cit. – P. 247.
28 JMT. – Vol. XV. – S. 94.
29 Halder F. Kriegstagebuch. – Bd. II. – Stuttgart, 1963. – S. 21.
30 Schultess Europäischer Geschichtskalender, 1940. – München, 1942. – S. 286.
31 ADAP. – Ser. D. – Bd. IX. – S. 492.

[32] Ibid. – S. 495.
[33] Правда. – 1940. – 23 июня.
[34] ADAP. – Ser. D. – Bd. X. – S. 9.
[35] Ibid. – S. 11.
[36] Ibid. – S. 22–23.
[37] Военно-исторический журнал. – 1990. – № 7. – С. 27.
[38] АВП СССР. – Ф. – Оп. 2. – П. 2. – Д. 14. – Л. 126.
[39] ADAP. – Ser. D. – Bd. X. – S. 166.
[40] Ibid. – S. 324.
[41] Ibid. – S. 387–388.
[42] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 48.

МОЛОТОВ В БЕРЛИНЕ

[1] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 123.
[2] Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. – Tübingen, 1949. – S. 233.
[3] Цит. по История дипломатии. – Т. IV. – М., 1975. – С. 102.
[4] АВП СССР. Запись беседы Молотова с Шуленбургом 31 августа 1940 г.
[5] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 7.
[6] Ibid. – S. 16.
[7] Ibid. – S. 26.
[8] АВП СССР. Памятная записка правительства СССР правительству Германии 21 сентября 1940 г.
[9] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 239.
[10] АВП СССР. Запись беседы Молотова с Типпельскирхом 26 сентября 1940 г.
[11] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 258.
[12] Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. – S. 226.
[13] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 248.
[14] Ibid. – S. 300.
[15] Seth R. Operation Barbarossa. – L., 1964. – P. 94.
[16] JMT. – Vol. XXXIV. – Doc. 142.
[17] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 446–447.
[18] Филиппов И.Д. Записки о "третьем рейхе". – М., 1970. – С. 126–127.
[19] АВП СССР. Телеграмма Молотова Сталину от 12 ноября 1940 г.
[20] АВП СССР. Телеграмма Сталина Молотову от 12 ноября 1940 г.
[21] Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. – М., 1987. – С. 20–21.
[22] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 468.
[23] АВП СССР. Телеграмма Сталина Молотову от 11 ноября 1940 г.
[24] Бережков В.М. Указ. соч. – С. 23.
[25] АВП СССР. Телеграмма Молотова Сталину от 13 ноября 1940 г.
[26] АВП СССР. Телеграмма Молотова Сталину от 13 ноября 1940 г.
[27] АВП СССР. Телеграмма Сталина Молотову от 13 ноября 1940 г.
[28] ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 256.
[29] Бережков В.М. Указ. соч. – С. 23.

30 АВП СССР. Телеграмма Молотова Сталину от 14 ноября 1940 г.
31 Бережков В.М. Указ. соч. – С. 30–31.
32 Churchill W. Op. cit. – P. 590.
33 ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 472.
34 Ibid. – S. 473.
35 Ibid. – S. 429.
36 АВП СССР. Телеграмма Сталина Молотову от 13 ноября 1940 г.
37 ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 481–486.
38 АВП СССР. Телеграмма Молотова Сталину от 14 ноября 1940 г.
39 АВП СССР. Текст телеграммы впервые опубликован в монографии П.П. Севостьянова "Перед великим испытанием". – М., 1981. – С. 328–329.
40 Churchill W. Op. cit. – P. 591.
41 ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 597–698.
42 АВП СССР. Запись политической беседы Молотова с Шуленбургом 25 ноября 1940 г.

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

1 Kriegstagebuch OKW. – Bd. 1. – S. 981.
2 Heim Ph. Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945. – Stuttgart, 1962, – S. 301.
3 Безыменский Л. Особая папка "Барбаросса". – М., 1972. – С. 206–209.
4 Halder F. Kriegstagebuch. – Bd. II. – S. 214.
5 ЦГАОР. – Ф. 1445. – Оп. 2. – Д. 144. – Л. 337.
6 Hilger G. Op. cit. – S. 307.
7 ADAP. – Ser. D. – Bd. XI-2. – S. 769–770.
8 См. Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. – С. 35, 41.
9 АВП СССР. Запись беседы Молотова с Шуленбургом 17 января 1941 г.
10 ADAP. – Ser. D. – Bd. XI. – S. 960–961.
11 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 3. – С. 221.
12 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 205.
13 Мильштейн М. По данным разведки... //Новое время. – 1990. – № 26. – С. 32.
14 Churchill W. The Second World War. – Vol. 3. – Boston, 1950. – P. 352.
15 Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 209.
16 Новое время. – 1990. – № 26. – С. 32–33.
17 Аргументы и факты. – 1989. – № 4. – С. 7.
18 Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. – S. 379.
19 Hilger G. Op. cit. – S. 306.
20 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – Т. 1. – М., 1990. – С. 370.
21 Кошкин А. Крах стратегии "спелой хурмы". – М., 1988. – С. 66.
22 Исраэлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. – М., 1967. – С. 145.

23 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII-1. – S. 9.
24 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII. – S. 182.
25 Ibid. – S. 123.
26 Ibid. – S. 181.
27 Ibid. – S. 289, 323.
28 Ibid. – S. 312–313.
29 Schmidt P. Statist auf der diplomatischen Bühne. – Bonn, 1949. – S. 536.
30 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII. – S. 319.
31 Ibid. – S. 336.
32 Известия. – 1941. – 15 апр.
33 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. – Т. 1. – М., 1960. – С. 400.
34 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII. – S. 336.
35 Ibid. – S. 417.
36 Ibid. – S. 446–447.
37 Halder Fr. Kriegstagebuch. – Bd. 2. – S. 319.
38 Kriegstagebuch OKW. – Bd. 1. – S. 1007.
39 Halder Fr. Kriegstagebuch. – Bd. 2. – S.435.
40 Севостьянов П.П. Перед великим испытанием. – С. 257.
41 Правда. – 1941. – 14 апр.
42 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII. – S. 447.
43 См. Sunday Times. – 1988. – Apr. 5; Советская Россия. – 1990. – 10 мая.
44 Stern. – 1983. – 28. Apr. – S. 37.
45 Hess R. Der geheimnisvole Tod meines Vaters in Spandau. – Leoni am Starnberger See, 1989. – S. 148.
46 Ibid. – S. 149.
47 Kirkpatrik I. The Inner Circle. – L., 1959. – P. 180.
48 Leasor J. Botschafter ohne Auftrag. – Oldenburg, 1963. – P. 150.
49 Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С. 107.
50 Правда. – 1941. – 14 июня.
51 Вестник МИД СССР. – 1990. – № 8. – С. 72.
52 Там же. – С. 76.
53 Там же. – С. 77.
54 Аргументы и факты. – 1989. – № 3. – С. 7.
55 Вестник МИД СССР. – 1989. – № 17. – С. 42–43.
56 ADAP. – Ser. D. – Bd. XII. – S. 885.
57 Вестник МИД СССР. – 1989. – № 17. – С. 46.

СОДЕРЖАНИЕ

Розанов Г. Л.

Р64 Сталин – Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939 – 1941 гг. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 224 с.

ISBN 5-7133-0428-0

В книге на основе архивных документов, многие из которых публикуются впервые, освещаются международная обстановка и советско-германские отношения в сложный и драматический период кануна Великой Отечественной войны. Показано негативное воздействие на советскую дипломатию сталинских деформаций социализма внутри страны, что привело к трагическим последствиям в начальный период войны.

Для широкого круга читателей.

Р $\frac{0503010000 - 046}{003(01) - 91}$ Без объявл. ББК 63.3(0)62

Монография

Розанов Герман Леонтьевич

СТАЛИН – ГИТЛЕР.

Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг.

Качество иллюстраций обусловлено использованием архивных фотографий.

Редактор *И.Н. Фомичев*

Оформление художника *С.С. Водчица*

Художественный редактор *Н.Д. Смольникова*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректор *А.В. Федина*

ИБ № 1737

Сдано в набор 16.01.91. Подписано в печать 20.02.91. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура "Пресс-Роман". Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76 + 0,84 вкл = 12,60. Усл. кр-отт. 13,66. Уч-изд. л. 13,93. Тираж 200000 экз. Заказ № 54 . Цена 6 руб. Изд. № 42 – и/90. Издательство "Международные отношения". 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20; Фирма "Ариадна" СП Лесинвест. Отпечатано с готового оригинал-макета издательства "Международные отношения" на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ПОПРАВКИ

	Напечатано	Следует читать
Стр. 37, 13-я строка сверху	30 октября	30 сентября
Стр. 94, 11-я строка снизу	в 1924—1925 гг.	в 1924 г.

6 р.
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»